

К.В. НИКИФОРОВ

Сербия в середине XIX в.

Начало деятельности по объединению
сербских земель

Москва, 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

К.В.НИКИФОРОВ

СЕРБИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.
(НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО
ОБЪЕДИНЕНИЮ СЕРБСКИХ ЗЕМЕЛЬ)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.С.Достян

Москва
1995

Монография посвящена сформулированной 150 лет назад в Сербии первой внешнеполитической программе, направленной на объединение сербских земель, началу деятельности по ее реализации. Без рассмотрения этих вопросов невозможно понять всего дальнейшего хода сербской истории, определить истоки современного югославского кризиса. Большое внимание уделено также политике великих держав по отношению к Сербии в середине прошлого века.

Рецензенты :

доктор исторических наук И.В. Чуркина
кандидат исторических наук А.В. Карасев

На обложке - План г. Белграда (сер. XIX в.)

ISBN 5-7576-0003-9

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена объединительной деятельности Сербского княжества в середине XIX в. Это было время зарождения относительно самостоятельной сербской внешней политики, период разработки и попыток реализации первой национальной программы, направленной на объединение сербских земель ("Начертания"). Деятельность сербских государственных деятелей в эти годы оказали огромное влияние на весь последующий ход сербской истории. Именно 40-е - начало 50-х годов XIX в. чрезвычайно важны для понимания всего развития сербской государственности, для уяснения истоков сложных взаимоотношений между южнославянскими народами. При всей значимости данной проблематики долгое время она не находила должного освещения в советской историографии (т.е. в работах отечественных историков с 1917 по 1991 гг.). Главными причинами этого были, на наш взгляд, непростые в рассматриваемый период отношения между Россией и Сербией.

Избрав темой исследования характер, побудительные причины и результаты объединительной политики Сербии в середине прошлого века, автор настоящей монографии начинает анализ событий с осени 1842 г., когда у власти в княжестве окончательно утвердился режим уставобранителей (защитников конституции). В центре его внимания находятся перспективы развития сербского государства, принятые программы, планы и проекты в области внешней политики, деятельность по их реализации. Анализируются также взаимоотношения Сербии с великими державами и прежде всего с Россией. Уход в отставку (весна

1853 г.) инициатора активной объединительной политики княжества Илии Гарашанина - замыкает предложенную автором событийную канву.

Важность проблемы породила обширную литературу. Первым капитальным трудом по истории Сербии первой половины XIX в. и русско-сербских отношений в это время явилась книга Н.А.Попова¹. Вторая часть этой работы ("После Устава 1839 г.") посвящена периоду правления в Сербии группировки уставобранителей. Русский историк критиковал протурецкую, прозападную политику сербского правительства и считал, что после прихода уставобранителей к власти "интересы Сербии замкнулись в самую узкую рамку", "мысль о будущем отброшена в сторону", "связь с австрийскими сербами, с Болгарией и Боснией" мало по малу утрачивалась. И только в 1848 г. "народные стремления пробудились, но лишь в связи с движением австрийских сербов"².

Когда через полвека после выхода в свет Очерка Попова М.Вукичевич опубликовал найденную им копию "Начертания"³, стало ясно, что последнее в выводах русского ученого ошибочно. Внешняя политика уставобранителей в известной степени была парадоксальной. Хотя они пришли к власти как союзники Турции, многие официальные и неофициальные круги в Сербии выступали за активную национальную политику⁴.

В югославской историографии (имеются в виду работы, опубликованные до распада "старой" Югославии) внешнеполитическими аспектами уставобранительского периода первым стал подробно заниматься Д.Странякович. Главное достоинство его известной монографии "Правление уставобранителей"⁵ состоит в использовании богатейшего архивного материала. Особое внимание в ней уделено объединительной политике Сербии. Эту политику ученый, как и большинство сербских авторов в межвоенный период, определял как южнославянскую, отрицая присущий ей прежде всего сербский (или великосербский) характер. Трудно согласиться и с чрезмерной, на наш взгляд,

акцентацией Страняковичем неприятия уставобранительского режима Россией, которая будто бы на всем протяжении его существования последовательно стремилась к смене власти в Сербском княжестве. Несмотря на отмеченные недостатки, Странякович, благодаря введенному в научный оборот фактическому материалу, внес, без сомнения, самый заметный вклад в изучение внешней политики уставобранителей.

До сих пор в югославской историографии не опубликовано целостного и последовательного изложения истории внешней политики Сербского княжества в 40-е - начале 50-х годов XIX в. Но эта проблематика получила достаточное освещение в работах по смежной тематике, посвященных конкретным событиям или в многочисленных статьях по частным темам. Был поставлен ряд вопросов, связанных с объединительной деятельностью уставобранительского режима, - о причинах и истоках такой политики, о ее великосербском или южнославянском характере, о внешнеполитической ориентации руководства княжества и политике великих держав по отношению к Сербии.

На диаметрально противоположных позициях относительно проблемы социально-экономических и идейно-политических предпосылок, обусловивших появление "Начертания" и объединительной политики уставобранительского режима оказались два сербских историка - В.Вучкович и Р.Перович. Первый доказывал исключительно сербское происхождение идеи объединения южных славян в независимом государстве, которая, как он справедливо отмечал, возникла еще до прихода к власти уставобранителей. Развивая эту мысль дальше, Вучкович вообще отрицал всякое идейное влияние на "Начертание", в том числе и представителей правого крыла польской эмиграции⁶.

Иного мнения придерживался в своих работах Перович. Он показал, что "Начертание" могло возникнуть только на определенной ступени развития сербского

общества (правда, на наш взгляд, при этом несколько преувеличил степень его развития). Это обстоятельство обходил Вучкович. Но Перович впадал в другую крайность: абсолютизируя экономический фактор и отрицая всякую преемственность развития сербской политической мысли, он пришел к заключению, что идеи "Начертания" были полностью заимствованы у польской эмиграции, найдя в Сербии лишь благодатную почву. Отсюда делался вывод, что автором "Начертания" даже условно Гарашанина считать нельзя⁷.

Как представляется, в вопросе о происхождении и авторстве сербской объединительной программы ближе к истине был В.Чубрилович. Он писал, что, хотя Гарашанин и заимствовал многие положения из польских проектов, различий все же больше, чем кажется на первый взгляд. В вопросах сербской государственной политики Гарашанин выступал как самостоятельный мыслитель⁸.

В югославской историографии нет общей точки зрения и на существо концепции "Начертания" и - шире - по поводу великосербского или южнославянского характера объединительной деятельности Сербского княжества. Так, например, В.Вучкович доказывал в своих работах южнославянский характер гарашаниновской программы⁹. Но все же многие югославские историки не отрицали великосербской направленности этой программы. Наиболее подробно такую точку зрения обосновал В.Чубрилович, который подчеркивал, что "Гарашанин в 1844 г. заложил основы великосербской политики объединения"¹⁰. Особо следует выделить позицию, занятую в последнее время Р.Люшичем. Он считает, что, так как "Начертание" в первую очередь было направлено на объединение не всех сербских территорий, а только тех, которые находились под турецкой властью, то эта программа - не великосербская и не южнославянская, а просто сербская¹¹.

В югославской историографии обычно признается, что приход уставобранителей к власти был обеспечен поддержкой Османской империи¹². Отмечается также, что в

исследуемый период сербское правительство проводило прозападную, направленную на ограничение русского влияния внешнюю политику¹³. Несмотря на это, главный акцент иногда делается (как, напр. еще у Страняковича) на бесцеремонное вмешательство царской дипломатии во внутренние дела Сербии, на то, что недружественная России политика была лишь ответной реакцией. Деятельность России нередко отождествляется с политикой Австрии и одновременно несколько преувеличивается положительное значение ориентации Сербского княжества на Францию и Великобританию¹⁴.

В целом внешняя политика уставобранительского режима освещалась в югославской историографии неравномерно. Лучше всего изучены события так называемого сербского кризиса в Восточном вопросе, чему посвящена специальная монография В.Вучковича¹⁵. Сербско-черногорские отношения рассматриваются в другой научно значимой монографии Л.Дурковича-Якшича¹⁶. Но обе книги вышли в свет более тридцати пяти лет назад. Только в последнее время в связи с ростом напряженности в отношениях между югославянскими народами (а затем и разразившимся военным кризисом) интерес к исследуемой проблематике опять резко возрос. Однако многие вопросы все же еще не получили полного освещения или остаются дискуссионными. Последнее многотомное издание "История сербского народа" не сняло задачи дальнейшего исследования данной проблематики в силу того, что в обобщающей работе невозможно сделать детальный анализ¹⁷. В известной мере это относится и к большому фундаментальному труду (т. I-II) М.Экмечича "Образование Югославии"¹⁸.

Отдельным научным событием в изучении сербской истории середины прошлого века стала проведенная в Белграде в конце 1987 г. конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И.Гарашанина¹⁹. В докладах М.Войводица, Л.Дурковича-Якшича, Дж.Живковича, Р.Стояновича, В.Крестича, В.Стоянчевича и других были

предприняты попытки нового осмысления "Начертания" и деятельности его автора на руководящих постах сербского государства. Наиболее детальный анализ "Начертания" и других внешнеполитических, объединительных планов Сербского княжества представлен в выступлении Р.Люшича.

В западной историографии при наличии ряда работ (правда, в основном это несколько переработанные университетские курсы), выделяется вышедшая в свет десять лет назад и написанная на сербских источниках монография американского ученого Д.Маккензи²⁰. Она - не что иное, как подробная биография Илии Гарашанина, которого, на наш взгляд, автор несколько идеализирует. Спорные и дискуссионные моменты Маккензи старается по возможности не затрагивать. И все же подчеркнем, что его монография - первая в мировой историографии книга, непосредственно посвященная выдающемуся сербскому государственному деятелю.

Советские (российские) ученые внешнеполитической историей Сербии после прихода к власти уставобранителей специально не занимались. Наиболее близко к интересующей нас теме подошел С.А.Никитин в своей статье "Русская политика на Балканах и начало Восточной войны"²¹. Характеристика "Начертания" частично содержится в докладе В.И.Фрейдзона²². Историки, представлявшие советскую историческую науку, занимались главным образом вопросами социально-экономического развития Сербии во время правления уставобранителей. Следует отметить диссертацию Е.Ю.Гуськовой²³ и статьи Е.П.Наумова²⁴. Они же занимались и вопросами историографии²⁵, причем статья Наумова "Россия и Сербия в середине XIX в." посвящена внешнеполитическим проблемам.

Точка зрения советских историков на внешнюю политику уставобранительского режима была сформирована еще в 1963 г. в "Истории Югославии". В.Г.Карасев, автор раздела, относящегося к Сербии в середине XIX в., отмечал, что в целом "за время своего правления уставобранители

проводили антирусскую политику": Александр Карагеоргиевич пытался опереться на Австрию, а И.Гаршанин - на Францию; что программа "Начертание" была "консервативно-буржуазной и великосербской"²⁶.

Внешнеполитические проблемы того периода освещены также в коллективной монографии "Формирование независимых национальных государств на Балканах". В главе, посвященной уставобранителям, И.С.Достян пишет, что, хотя развивавшиеся параллельно два процесса формирования сербской нации и сербского государства были далеко не завершены, они "уже порождали идеологические концепции в отношении перспектив развития Сербского княжества, задачи превращения его в независимое сильное государство". При этом отмечается эволюция идей, выраженных в "Начертании", в ходе которой появились большая определенность и новое направление, но великосербские тенденции не исчезали²⁷.

До сих пор наиболее подробно внешнеполитическая история Сербии середины XIX в. получила освещение в соответствующих разделах коллективного труда "Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг."²⁸

Автором настоящей монографии использовал при ее подготовке архивные материалы, опубликованные документы и произведения мемуарного характера. В Архиве внешней политики Российской империи изучены главным образом фонды "Главный архив", "Посольство в Константинополе", "Отчеты МИД" и т.д., которые, за исключением Н.А.Попова, практически никто подробно не исследовал. К слову сказать, русский историк довольно хорошо знал документы только периода начала 40-х годов (донесения консула Г.В.Вашенко). Кроме того, использованный им материал нуждался в дополнительной проверке, которая показала, что он не всегда был точен. В книге частично представлены результаты работы с фондами "Илия Гаршанин" и "Государственный совет" Архива Сербии.

В Югославии опубликовано немало документов, в той или иной степени относящихся к внешнеполитической деятельности уставобранительского режима²⁹. Многие из них издавались и комментировались югославскими историками³⁰. Наряду с произведениями мемуарного характера³¹, они также составили важную источниковую базу данного исследования.

Рукопись была подготовлена к печати еще в 1992 г. Поэтому автор не смог учесть последние работы, появившиеся уже после распада и СССР, и Югославии. Но одну книгу он просто не может не упомянуть: речь идет о капитальном труде сербского историка Р.Люшича "Книга о "Начертании"³².

Автор чрезвычайно признателен за помощь в подготовке монографии всем своим отечественным и зарубежным коллегам, сотрудникам сектора новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики РАН и своему учителю Ирине Степановне Достян.

(Все даты в работе приводятся по старому стилю.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. М., 1869. Ч. II.

² Там же. С. 248-250.

³ Вукичевић М. Програм спољне политике Илије Гарашанина на концу 1844 // Дело. Лист за науку, књижевност и друштвени живот. 1966. Књ. XXXVIII.

⁴ Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V. Т. I. С. 269.

⁵ Стражијаковић Д. Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932.

⁶ Вишковић В. Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašaninovu "Načertaniju" // Jugoslovenska revija za međunarodno pravo. 1957. № 1. С. 35, 42-43.

⁷ Перовић Р. Београд за време Вучићеве буне // Годишњак Музеја града Београда. 1955. Књ. II. С. 190.

⁸ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србије XIX века. Београд, 1958. С. 170-171.

⁹ Вишковић В. Прилог проучавању постанка "Нацртанија" (1844) и "Оснoвних мисли" (1847) // Југословенска ревија за међународно право. 1961. № 1. С. 56.

¹⁰ Чубриловић В. Указ. соч. С. 176, 178, 182.

¹¹ Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812-1874). Научни скупови. Књ. LIV. Оделење историјских наука. 1991. Књ. 16. С. 151-152.

¹² Вучковић В. Српска криза у Источном питању (1842-1843). Београд, 1957. С. 30-31.

¹³ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 88; Реновић Р. Око "Нацртанија" из 1844 године // Историјски гласник. 1963. № 1. С. 92; Екмечић М. Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844-1853) // Историјски часопис. 1980. Књ. XXVII. С. 150.

¹⁴ См., на пример: Чубриловић В. Указ. соч. С. 180-181.

¹⁵ Вучковић В. Српска криза...

¹⁶ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1957.

¹⁷ Историја српског народа. С. 271-272.

¹⁸ Екмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989. Т.

1.

¹⁹ Илија Гарашанин (1812-1874). Научни скупови. Књ. LIV. Оделење историјских наука. Београд, 1991. Књ. 16.

²⁰ Mackenzie D. Ilija Garasanin: Balkan Vizmarck. New York, 1985; Мекензи Д. Илија Гарашанин. Државник и дипломата. Београд, 1987.

²¹ См.: Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110-145.

²² Фрејдзон В.И. Илија Гарашанин в контексте эпохи и русско-сербских отношений в 60-е годы XIX в. // Илија Гарашанин (1812-1874)... С. 225-236.

²³ Љуськова Е.Д. Социјално-економическо развојне Србије в период владения уставобранителів (1842-1858). Автореферат дисс. на сонскание ученој степени канд. ист. наук. М., 1980.

24 *Наумов Е.П.* К вопросу о развитии товарно-денежных отношений в Сербии после ликвидации турецкой феодальной системы (1830-1858) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972; Он же. К истории социальных отношений в Сербии в 30-50-е годы XIX в. // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; Он же. Развитие социальной структуры в Сербии (конец XVIII - 70-е годы XIX в.) // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982.

25 *Гуськова Е.Ю.* Правление уставобранителей в Сербии 1842-1858 гг. (Историография вопроса) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978; *Наумов В.П.* Россия и Сербия в середине XIX в. (К оценке современной югославской историографии) // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.

26 История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 338-340.

27 Формирование независимых национальных государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 136-140.

28 Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990.

29 Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. (Средно С.Ловчевих). Београд, 1931. Књ. I; Преписка Илије Гарашанина. (Скупно и за штапу средно Г.Јакшић). Београд, 1950. Књ. I; *Шурмин Ђ.* Документи о Србији од 1842-1848 // Споменик Српске краљевске академије. 1929. Књ. 69; Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-1849. Београд, 1952. Сер. I. Књ. I.

30 См., например: *Странжаковић Д.* Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије из 1844 године. Сремски Карловци, 1931; *Гуљковић В.* Prilog пројасвању...; *Екмечић М.* Гарашанин, Чарториски и Мађари 1848-1849 године // Српско-мађарски односи и сарадња 1848-1867. Београд, 1987; *Љушић Р.* Мариновићев мемоар о хришћанима у Турском царству из 1848 године // Историјски гласник. 1976. № 1-2; *Странжаковић Д.* Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844-1858. Београд, 1936.

31 *Ристих Ј.* Спољашњи одношаји Србије новијег времена. Београд, 1887. Књ. I; Записи Јеврема Грујина. Београд, 1922. Књ. I;

Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина.
1898. Т. 94-95; *Раденић А.* Светоандрејска скупштина. Београд, 1964.
³² *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993.

ПЛАД I. СЕРБСКИЙ КРИЗИС 1842-1843 гг.

1. Великие державы и смена власти в Сербии

Полунезависимое Сербское княжество возникло в результате двух восстаний против власти Турции (1804-1813 гг. и 1815 г.) и при всесторонней военной и дипломатической помощи России. Внутренняя автономия княжества была закреплена победой России в войне с Османской империей в 1828-1829 гг. и двумя хатт-шерифами 1830 и 1833 гг. Эти документы окончательно ликвидировали в Сербском княжестве турецкую феодальную систему. За крестьянами, освободившимися от уплаты ренты турецким феодалам-спахиям, были признаны права собственности на обрабатываемую ими землю, что было закреплено октроированной султаном конституцией 1838 г.

Мелкое крестьянское землевладение стало в Сербии преобладающим, хотя некоторые крупные земельные участки, принадлежавшие прежде туркам, захватили князь Милош Обренович, воеводы и старейшины. Крупным землевладельцем стала и сербская православная церковь. В сельском хозяйстве, ведущей отрасли экономики княжества, постепенно, очень медленно начали развиваться товарно-денежные отношения, связанные с ростом внешней и в меньшей мере внутренней торговли. В экономике же сербского города продолжало господствовать мелкое цеховое производство. Но появлялись новые виды ремесел, отмечался постепенный рост городского населения. Рост городов еще не сопровождался появлением промышленных предприятий: искусственные единичные попытки основать их в Сербии терпели неудачи.

Таким образом, общественно-экономическая

отсталость, обусловленная многовековым чужеземным господством, еще далеко не была преодолена. Любопытную картину состояния экономики княжества в начале 40-х годов рисовал находившийся тогда в Белграде российский консул Ващенко. В отчете за 1842 г. он писал: "Сербы при всей своей понятливости, исключая завода свиней и в малом количестве коз, овец и рогатого скота - другого ничего не знают. В селах у них кузнецы - кочующие цыгане; а по городам кузнецы, каретники, портные, сапожники, столяры, хлебники, плотники и каменщики - австрийскоподданные. Довольное число плотников и каменщиков приходит также каждый год из Румелии и Албании, и все сие мастеровые выносят из Сербии ежегодно миллионы. Сербин, в отношении к труду, занимается только хлебопашеством и выгонкою из слив водки, обыкновенно сколько нужно ему для годового обихода, редко для продажи, и то работают большей частью женщины"¹.

В политическом отношении Сербское княжество оставалось в зависимости от Турции, которой платило дань. На его территории сохранялись турецкие крепости с гарнизонами. Вокруг них жило турецкое население, не подчинявшееся сербской юрисдикции. Государственное устройство княжества регламентировалось "турецкой" конституцией 1838 г. Высшим сувереном власти в автономной Сербии наряду с князем был Совет, члены которого сменялись только при согласии Порты. Все законы и налоги могли устанавливаться лишь с санкции Совета, а для изменения конституции требовалось согласие турецкого правительства. Особенностью конституции 1838 г. было "полное игнорирование скупщины - института, ставшего в ходе национальной борьбы важным органом государства"². Таким образом, "власть князя ограничивалась, но не народным представительным органом, каковым могла стать скупщина, а Советом, как олигархическим органом, состоящим из богатых и влиятельных старейшин"³. Исполнительная власть в княжестве принадлежала состоявшему из ряда министерств (попечительств)

центральному правительству во главе с премьер-министром (председником).

Социально-экономическое развитие княжества, рост торговли, но прежде всего образование собственного полунезависимого государства привели к ускорению процесса складывания сербской нации, росту сербского национального самосознания. Однако этому процессу препятствовало то, что сербский народ оказался территориально и административно разобшен. Кроме автономного Сербского княжества, существовала еще и фактически независимая от Турции маленькая Черногория, население которой рассматривало себя как часть сербского народа. В составе Румелии (европейских владениях Османской империи) продолжали оставаться исторические сербские области - Старая и Южная Сербия. Около 500 тыс. сербов (или 48% всех жителей)⁴ вместе с католическим и исламизированным славянским населением проживало в выделенной Портой из Румелии и получившей особое управление Боснии и Герцеговине.

Значительное сербское население находилось также в Австрийской империи. Основной территорией расселения в ней сербского народа являлись Банат, Бачка и Срем. За этими районами утвердилось позже название Воеводина. Именно в Воеводине в конце XVIII - начале XIX в. начало формироваться ядро сербской нации, переместившееся затем в автономное Сербское княжество. Всего в Воеводине проживало до 300 тыс. сербов, но наряду с ними также - венгры, валахи, немцы и т.д. Примерно 150 тыс. сербов имелось в Хорватии и Славонии, более 300 тыс. - на Хорватско-Славонской и Банатской Военных Границах. Все эти земли формально или фактически относились к Венгерскому королевству. Наконец, в Далмации (в составе Австрии) проживало также более 80 тыс. сербов (или 1/5 всего населения)⁵. Следует заметить, что, в отличие от сербов, национальное самосознание католического населения (кроме, как в собственно Хорватии) не было еще

ярко выражено. Так, население Славонии называло себя славонцами, а Далмации - далматинцами⁶.

Само Сербское княжество возникло в границах Белградского пашалыка, территория которого представляла гористую, густо покрытую лесами местность, получившую название Шумадия (от сербского слова "шума" - лес). Милошу Обреновичу удалось присоединить к княжеству шесть спорных нахий, входивших в состав государства времен Первого сербского восстания, но затем утраченных. Этим актом территория Сербии была расширена на 50% и в 1833-1878 гг. она составляла 37740 кв. км.⁷ Население княжества по переписи 1841 г. насчитывало 806 578 человек⁸.

Милош Обренович во время своего первого правления не расставался с идеей дальнейшего расширения своего государства. Его замыслы распространялись прежде всего на территорию Боснии и Герцеговины и Старой Сербии⁹. Однако ничего существенного сербский князь предпринять не успел. После введения конституции 1838 г. обострилась борьба за власть между ним и сторонниками ограничения княжеской власти посредством конституции (по-сербски - устава). Последние получили поэтому название уставобранителей, т.е. защитников конституции. Они представляли собой довольно разнородную социальную группу; в которую входили крупные торговцы, старейшины, участвовавшие в борьбе против турок, и высокопоставленная чиновничья бюрократия. Резкое недовольство уставобранителей вызывала самодержавная политика Милоша Обреновича, правовая необеспеченность личности и имущества, привилегии и монопольные права для князя и узкого круга его компаньонов¹⁰.

Первую победу в борьбе за власть в княжестве уставобранители одержали весной 1839 г., когда они вынудили Милоша Обреновича отречься от престола и эмигрировать в Австрию. Княжеский престол перешел к его старшему сыну - Милану, который однако был неизлечимо болен. В связи с этим было образовано регентство -

наместничество из трех человек. В него вошли брат Милоша - Еврем и два вождя группировки уставобранителей - Тома Вучич-Перишич и Аврам Петрониевич. К двум последним, по существу, и перешла вся полнота власти. Вскоре Милан умер, но еще почти целый год до утверждения Портой князем другого сына Милоша - Михаила и до его приезда в княжество уставобранители были хозяевами в стране. Это время они использовали для укрепления своих позиций, что впоследствии сыграло большую роль¹¹.

Скопив силы, уставобранители во главе с Вучичем подняли мятеж и в конце августа 1842 г. принудили уже Михаила Обреновича вслед за своим отцом бежать в Австрию. Однако это еще не означало полной победы рвавшейся к власти группировки. Вследствие того, что Сербское княжество находилось не только в автономной зависимости от Османской империи, но и под покровительством России, его новое руководство должны были официально признать два этих государства. Кроме того, события в Сербии привлекли к себе внимание Австрии, Франции и Великобритании. Одним из проявлений противоборства великих держав на Балканах, неуклонно обострявшегося в 30-е годы XIX в., стала их реакция на события в Сербии начала 40-х годов. Возникший в связи с мятежом Вучича дипломатический конфликт между Россией и Турцией мог перерасти в военный, существенным образом повлиять на дальнейшее развитие Восточного вопроса. От исхода этого конфликта зависело также правовое признание власти уставобранителей и все дальнейшее государственное развитие Сербского княжества. Указанные события называют обычно в историографии сербским кризисом в Восточном вопросе¹².

Первоначально представители европейских держав действовали заодно. Узнав о мятеже, консулы России, Австрии, Франции и Великобритании посетили в Белградской крепости турецкого коменданта Киамиль-пашу и в присутствии специального эмиссара Порты Шекиб-эфенди передали свой коллективный протест по поводу

"движения Вучича и Петрониевича против законной власти". Российский консул Вашенко особо подчеркнул, что отныне он будет иметь дело только с Киамиль-пашой как единственным представителем легитимной власти. Последний пытался оправдать действия Вучича и резко выступил против коллективного демарша европейских консулов. Австрийскому консулу Атанацковичу, французскому - Кодрике и английскому - Фонбланку Киамиль-паша заметил, что только Вашенко имеет право вмешиваться во внутренние дела Сербии, а они - лишь "коммерческие агенты"¹³.

Спеша закрепиться у власти и поставить своих противников перед свершившимся фактом, уставобранители уже 2 сентября 1842 г. созвали скупшину в пригороде Белграда Врачаре и избрали сербским князем сына предводителя Первого сербского восстания Александра Карагеоргиевича. Было составлено и прошение на имя Киамиль-паши и Шекиб-эфенди, в котором говорилось, что, так как князь Михаил "удалился из земли", сербский народ избрал себе другого князя и просит султана прислать ему брата на княжение. Оба турецких сановника выразили депутации скупшине во главе с Петрониевичем свое полное удовлетворение действиями сербов. Они передали скупшине письмо, в котором говорилось, что "по власти, данной им султаном," одобряют выбор народа¹⁴.

Одновременно в Константинополь с вестью об избрании нового князя был отправлен Алекса Симич - еще один видный уставобранитель, министр финансов при князе Михаиле. Симич должен был добиться от Порты подтверждения избрания Александра Карагеоргиевича и временно исполнять функции представителя Сербии в Турции ("капучехай"). Через месяц в Белград был доставлен ответ от великого везира, в котором говорилось о посылке в княжество брата, узаконившего Александра в княжеском достоинстве. И на самом деле этот брат был зачитан на очередной скупшине в конце октября. Тогда же было сформировано и новое сербское правительство.

Петрониевич стал премьер-министром и министром иностранных дел, Вучич - министром внутренних дел, Паун Янкович - министром права и просвещения, Павле Станишич - министром финансов. Государственный Совет возглавил Стоян Симич, а член Совета Илия Гарашанин исполнял также функции заместителя министра внутренних дел¹⁵.

Таким образом, турецкое правительство безоговорочно поддержало происшедший в княжестве переворот. Главной причиной, обусловившей это, было недоверие, с которым турецкое правительство относилось к Михаилу Обреновичу. Оно считало его виновным (об этом доносили и уставобранители) в подстрекательстве и оказании помощи антитурецким выступлениям, особенно известному Нишскому восстанию 1841 г. и волнениям в Боснии и Герцеговине в 1840-1841 гг.¹⁶ Не могла нравиться Турции и в известной степени прорусская ориентация сербского князя.

Вследствие вышесказанного, Киамиль-паша не только знал заранее о возможном перевороте, но принимал в его подготовке самое деятельное участие. В Белградской крепости турецкого коменданта неоднократно посещали вожди уставобранителей. На этих, обычно ночных, встречах и был разработан детальный план мятежа. Кроме того, когда он уже начался, турецкое правительство приказало подтянуть часть своих войск в Болгарии к сербской границе, а правителю Видинского пашалыка в случае необходимости - поддержать уставобранителей. Сразу после мятежа был заметно укреплен гарнизон крепости в Белграде: из Видина туда были направлены 2 116 турецких солдат¹⁷.

Все это было не случайно. Связи лидеров нового режима в Сербии с турецкими властями окрепли еще в 1841 г., когда находившиеся в ссылке вожди уставобранителей вступили в Константинополе в контакт с главным эмиссаром правого крыла польской эмиграции по Юго-Восточной Европе Михаилом Чайковским. Сербы жаловались ему на российскую дипломатию, которая в

конфликте вокруг конституции поддерживала Михаила Обреновича. Используя сложившуюся ситуацию для ослабления русского влияния на Балканах, Чайковский выступил посредником между уставобранителями и Портой. Османские власти обещали сербским оппозиционерам возможность вернуться на родину, если они в случае прихода к власти изменят антитурецкую направленность внешней политики княжества.

Контакты между Чайковским и уставобранителями шли в русле общей линии лидера польской эмиграции Адама Чарторьского, разработавшего программу возрождения Польши. Так как главными врагами ее независимости Чарторьский считал Австрию и Россию, то применительно к Балканам ставилась задача освободить полуостров от влияния этих двух стран путем создания там специальных польских агентств. В своей деятельности лидер польской эмиграции рассчитывал на поддержку Франции, Англии и Османской империи¹⁸.

Иначе, чем Порта, отнеслось к сербским событиям правительство России. Оно усмотрело в них нарушающий принципы легитимизма "революционный акт". Но даже не это, хотя подавление любых революционных движений в Европе являлось одной из главных целей внешней политики Николая I, повлияло в первую очередь на негативную оценку мятежа Вучича в России. Основным было то, что российская дипломатия боялась потерять свое преобладающее влияние в стратегически важном районе Балкан, которое и так было значительно поколеблено другими державами и прежде всего Великобританией¹⁹.

Особые подозрения Николая I вызвала связь уставобранительского режима с польской эмиграцией. О деятельности в Белграде ее агента Людвика Зверковского (известного в Сербии под псевдонимом Ленуар) сообщал Ващенко. Ленуар был секретарем Чайковского в Стамбуле и послан оттуда в Сербию вместе с амнистированными уставобранителями в 1841 г.²⁰ В Београде польский агент сразу же предложил Петрониевичу "вступить в тайные

сношения с западными державами, чтобы привлечь их на свою сторону и устранить русское влияние среди славяно-дунайских племен". Глава сербского правительства склонялся к одобрению этого замысла, о чем немедленно было сообщено Чарторыскому в Париж²¹.

В целом царское правительство придерживалось принципа разрешать все конфликты, касавшиеся русско-турецких взаимоотношений, балканских и кавказских проблем, путем двусторонних переговоров с Портой. Показательно, что действия Вашенко, участвовавшего в коллективном демарше консулов в Белграде, не были одобрены в российском МИД. Российскому консулу было строго указано, что представителю покровительствующей державы, "которой присвоены в Сербии исключительные права", не следует так поступать, что его подпись "на коллективной ноте иностранных консулов есть некоторым образом признание правильности вмешательства их во внутренние дела Сербии"²².

Позиция Австрийской империи во время сербского кризиса была двойственной. Открыто не выступая ни за князя Михаила, ни за уставобранителей, она тем не менее сначала симпатизировала последним. Это проявилось, в частности, в деятельности ее консула Атанацковича и выполнявшего специальную миссию австрийского правительства в пограничном с Сербией городе Земуне генерала Гауера.

Атанацкович был в близких отношениях с династией Обреновичей (Еврем Обренович был даже крестным отцом одного из его детей) и имел хорошие связи в правящих сербских кругах. Последние инструкции, полученные из Вены, давали ему понять, что Габсбургская монархия всецело заинтересована в сохранении в Сербии мира и порядка²³. Это повлияло на неприятие австрийским консулом сербского мятежа и на его участие в коллективном дипломатическом протесте.

В противоположность Атанацковичу генерал Гауер, бывая неоднократно в Белграде, общался прежде всего с

Киамиль-пашой и уставобранителями. Это вызвало подозрение российского консула, который еще за два месяца до переворота доносил в Азиатский департамент МИД, что ежедневные почти посещения генералом Белградской крепости, свидания его там с Вучичем и Петрониевичем "заставляют думать, что общие действия Гауера и паши направлены против сербского правительства и законного влияния в сем княжестве высочайшего двора"²⁴.

Помогая уставобранителям, Гауер выходил за рамки своих официальных полномочий. Но вначале австрийские власти смотрели на это сквозь пальцы, так как полагали, что цель Вучича лишь смена нескольких министров, а не князя. Когда же произошел мятеж, Вена стала беспокоиться, что волнения в христианских владениях Турции могут перекинуться и на славянские земли Австрийской империи. Министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства К.Меттерних заявил, что сожалеет по поводу активного участия Гауера в сербских событиях, что это ни коим образом не отвечало "его положению мирного наблюдателя"²⁵. Генерал Гауер был отозван из Земуна, а австрийские власти приняли на своей территории бежавшего князя Михаила и его сторонников²⁶.

И все же Меттерних был доволен ослаблением в Сербии русского влияния. Чтобы не раздражать уставобранителей, он заодно отозвал из княжества и консула Атанацковича. Его обязанности были временно возложены на командующего в Земуне генерала Унгерхофера. А Гауеру не чинились препятствия вновь наезжать в Белград, встречаться с Вучичем и Петрониевичем и ночевать в Белградской крепости²⁷.

Вместе с Вашенко и Атанацковичем, как уже упоминалось, в коллективном протесте против переворота участвовали консулы Франции и Великобритании. Правительства этих стран, также стремившиеся к ограничению русского влияния на Балканах, моментально почувствовали неплохую перспективу для своих интересов.

Они боялись только дать России повод для перехода к решительным действиям, а потому направляли процесс в русло мирных, дипломатических решений. В то время как Петербург стремился решать все сербские вопросы только путем двусторонних переговоров с Османской империей, западноевропейские державы старались навязать принцип коллективных действий. Выступая совместно с Ващенко и Атанацковичем, они создавали удобный прецедент на будущее.

Из этих двух держав наиболее сочувственно к уставобранителям относилось правительство Франции. Поэтому вскоре после демарша консулов Кодрика получил выговор и приказ "впредь воздерживаться от подобных поступков", могущих принести вред новому режиму²⁸.

Получив сведения о согласии Порты на избрание сербским князем Александра Карагеоргиевича, Николай I через посланника в Константинополе А.П.Бутенева передал послание султану Абдул Меджиду. В нем турецкая сторона обвинялась в нарушении договорных обязательств и говорилось, что Россия никогда не признает "незаконное и несправедливое положение, которое произведено мятежом". Николай I сообщал также, что для рассмотрения создавшегося положения на месте он посылает в Турцию и Сербию в качестве специального комиссара своего флигель-адъютанта барона В.К.Ливена²⁹.

Проездом в Вене царский представитель имел долгий разговор с Меттернихом, после которого австрийский канцлер окончательно осудил и переворот в Сербии, и признание Турцией нового князя. Затем Ливен прибыл в Белград. Официальные контакты он поддерживал только с Киамиль-пашой, но в присутствии турецкого коменданта сумел переговорить также с Вучичем и Петрониевичем: сначала в Белградской крепости, а затем и в российском консульстве. Ливена не удовлетворили переданные ему сербскими руководителями обвинения в адрес князя Михаила. По словам русского комиссара, никакие жалобы не могли оправдать восстание против законного правителя,

утвержденного господствующим и покровительствующим дворами³⁰.

После этого Ливен выехал в турецкую столицу, где более месяца вел переговоры с министром иностранных дел Порты Сарим-эфенди. Последний аргументировал законность избрания князя Александра тем, что Михаил - не старший сын и на него не распространяется право наследования власти. В берате, подтверждавшим княжеское достоинство Михаила, было сказано лишь, что он провозглашен князем на основе "народного избрания". Условиями его правления, по словам Сарим-эфенди, объявлялась верность сербского князя султану и уважение народных прав. И именно эти условия Михаил нарушил³¹.

Франция пыталась помочь Порте, предложив обсудить сербский вопрос на специальной конференции держав. Но австрийское правительство, первое к кому обратились французы с такой идеей, наотрез отказалось. Меттерних уже заметил связь сербских событий с интригами польской эмиграции и полностью поддерживал деятельность царских дипломатов в Константинополе и их требования. Опытный канцлер не без основания полагал, что эта эмиграция борется не только против России, но и против Австрии³².

В этих условиях Меттерних больше склонялся к тому, что лучшим сербским князем для Австрии был бы не Александр Карагеоргиевич и не Михаил Обренович, а старый Милош. Его деспотическая манера правления могла бы, с одной стороны, подавить все революционные выступления, а, с другой - противостоять активной русской политике на Балканах. В то же время Меттерних высокомерно заявлял, что для австрийского правительства не так уж важно, кто будет сербским князем. Сербией в любом случае будут плохо управлять, так как "в этой варварской стране нет способных и культурных людей"³³.

В самом конце января 1843 г. Абдул Меджид составил, наконец, ответное послание русскому царю. В нем в основном излагалась прежняя турецкая позиция. Согласно

на избрание князем Александра объяснялось не только проступками Михаила, но и его бегством из страны и нежеланием искать убежища в Белградской крепости. Поддержав уставобранителей, турецкая сторона лишь не допустила дальнейших смут и кровопролития. В конце послания Абдул Меджид заявлял, что решения, которые предлагают Ливен и Бутенев, "ни комм образом не могут быть согласны ни с нашим достоинством, ни с правом нашей верховной власти"³⁴.

Российские дипломаты не сочли возможным направлять такой ответ царю, а лишь проинформировали о его содержании своего министра К.В.Нессельроде. Но ждать больше было нельзя. Петербург решил перейти к решительным действиям. После соответствующих инструкций Бутенев предъявил Сарим-эфенди следующие требования: Александр Карагеоргиевич отрекается от престола; выборы сербского князя проводятся вновь "согласно конституции"; помогавший перевороту Кнамиль-паша смещается со своего поста; Вучич и Петрониевич как "главные бунтовщики" высылаются из Сербии. В случае негативного ответа Бутенев уполномочивался самостоятельно, не дожидаясь решения своего правительства, оказывать дальнейшие меры воздействия на Порту, вплоть до разрыва дипломатических отношений³⁵.

В конце концов турки были вынуждены уступить. Это советовали сделать и австрийские дипломаты. В апреле 1943 г. Сарим-эфенди в письменном виде дал согласие на замену коменданта Белградской крепости и высылку из Сербии вождей уставобранителей. Также было удовлетворено требование о переизбрании сербского князя, хотя Порты и просила при этом о содействии своему ставленнику Александру Карагеоргиевичу³⁶.

В мае царское правительство, заявив в очередном своем послании, что новые выборы должны состояться в присутствии русского и турецкого комиссаров, уже не настаивало на исключении Александра Карагеоргиевича из числа кандидатов на престол, "ибо сербы имеют право,

основанное на трактатах, свободно избирать себе князя". Более того, оно пожелало даже, чтобы Михаил Обренович "по молодости лет его и по другим не менее важным причинам" был отстранен от участия в выборах. О Милоше Обреновиче не говорилось ничего. В духе этого русского послания был составлен турецкий ферман на имя нового коменданта Белградской крепости Хафис-паши, предписывавший ему организовать новые княжеские выборы³⁷.

Таким образом, правительство России само не стало настаивать на сохранении престола в руках Михаила, т.е. на возвращении к положению, бывшему в Сербии до мятежа. А именно это отвечало бы принципам легитимизма. По-видимому, учитывая настроения в княжестве, оно пришло к заключению, что требование возвращения Михаила нереально и чревато новыми волнениями с непредсказуемыми результатами. В слабовольном же и неопытном Александре Карагеоргиевиче Россия не видела угрозы для своего влияния. Тот же Ливен говорил Сарим-эфенди, что в сущности сербскими князьями являются Вучич и Петрониевич, а не Александр³⁸.

2. Борьба уставобранителей за укрепление своей власти

Когда уставобранители после мятежа Вучича повторно пришли к власти, им было уже ясно, что пока на престоле будет оставаться представитель династии Обреновичей, их положение не будет прочным. Опыт времен конфликта с князем Михаилом в 1840 г. показывал, что необходима смена правящей династии. Наиболее подходящей кандидатурой представлялся уставобранителям Александр Карагеоргиевич. Он не был искушен в делах, не мог ограничить их власть, но благодаря своему отцу был достаточно популярен в народе.

В своей борьбе за власть уставобранители искали поддержки во вне, прежде всего в Стамбуле. Но опора на многовекового врага сербской независимости - Османскую

империю - была ненадежна и вряд ли могла соответствовать народным представлениям. Поэтому уставобранители с самого начала пытались заручиться и поддержкой какой-нибудь европейской державы.

Такие попытки делались через австрийского генерала Гауера, а, когда он был отозван, - через польского агента Людвика Зверковского. Давление России на Сербию еще больше укрепило это сотрудничество. Лемуар передавал Чайковскому письма князя Александра, Петрониевича и Гарашанина. Сербский князь писал также в Париж Адаму Чарторыскому, благодаря за поддержку и высказываясь за дальнейшие тесные связи между сербами и польскими эмигрантами³⁹.

В феврале 1843 г. Петрониевичу было передано письмо Чайковского, в котором тот по поручению Чарторыского сообщал о поддержке уставобранительского режима со стороны Франции и советовал Сербии и Турции не уступать угрозам Николая I. По получении этого письма сербский премьер наказывал А.Симичу в Константинополь "не допускать турецких министров до уныния и одушевлять их надеждой на помощь европейских дворов"⁴⁰. Кроме того, для укрепления взаимодействия с польской эмиграцией в марте в Париж в качестве неофициального представителя при Адаме Чарторыском был послан Димитрие Црнобарац⁴¹.

Однако попытки уставобранителей заручиться через поляков деятельной поддержкой Парижа оказались тщетными. Французское правительство, хотя и симпатизировало новым сербским властям, все же не решилось активно содействовать акциям Чарторыского на Балканах. Раздавая польским эмигрантам определенные посулы, оно использовало их исключительно ради достижения французских целей в Восточном вопросе. Министр иностранных дел Франции Ф.Гизо позже писал, что возрождение Польши никогда не было действительной целью его страны⁴².

В конце апреля в княжестве узнали о согласии Порты на русские требования. Не желая покидать Сербию, Вучич вызвался в случае необходимости возглавить вооруженное сопротивление. Но члены Совета не захотели заходить так далеко и решились на перевыборы. Однако до их проведения они просили у Порты не изгонять из страны Вучича и Петрониевича. Это оправдывалось тем, что в противном случае сторонники Обреновичей не замедлят поднять восстание. Узнав о таком решении, комендант Белградской крепости Хафис-паша, несмотря на протесты Вашенко, запросил новых инструкций из Стамбула⁴³.

Оставшееся до выборов время уставобранители использовали для обеспечения своей победы на предстоящей скупшине. На заседаниях министров и советников было решено вновь голосовать за Александра Карагеоргиевича. Тогда же в Белград нелегально под видом французского офицера де Ванно приезжал Чайковский. Он и руководил фактически подготовкой к выборам, присутствуя на всех заседаниях сербского правительства⁴⁴.

В конце мая из Константинополя в Белград приехал барон Ливен, а спустя несколько дней состоялось заседание так называемой "малой скупщины", определявшей порядок и способ выборов князя. Больше всего ее делегатов волновал тем не менее вопрос о высылке из Сербии Вучича и Петрониевича. Они направили депутацию в 150 человек к царскому комиссару и тот неожиданно пошел на уступки. После переговоров Ливена с приехавшим также в Белград новым турецким министром иностранных дел Рифат-пашой и двумя сербскими представителями (председателем Совета С.Симичем и членом Совета С. Стефановичем-Тенкой) было решено, что Вучич и Петрониевич поедут не в Константинополь, как предполагалось ранее, а в сербский город Крагуевац⁴⁵.

Пребывание в стране во время выборов двух главных уставобранителей практически предопределяло переизбрание Александра Карагеоргиевича. Именно так и воспринял это решение И.Гарашанин. Он с воодушевлением

писал, что решения на "малой скупшине" приняты согласно желаниям сербского народа и что он даже не надеялся на столь благоприятное разрешение Ливеном их просьбы⁴⁶.

В. Вучкович в своей монографии "Сербский кризис в Восточном вопросе", рассуждая о неожиданной уступчивости Ливена, полагал, что тот в разговорах с уставобранителями убедился в неискренности их туркофильства и понял, что их национализм рано или поздно приведет к конфликту с Турцией и сближению с Россией. Кроме того, еще до приезда Ливена Белград покинул вызывавший подозрение российских дипломатов польский агент Зверковский-Ленуар⁴⁷.

Трудно полностью разделить этот вывод. По поводу Ленуара Ващенко сообщал в Петербург, что польский агент выехал "во внутренность Сербии с намерением внушать сербам превратные мысли о России, а напротив склонять их в пользу Франции"⁴⁸. И именно связи уставобранителей с польской эмиграцией, боязнь "революционных" потрясений в княжестве, рост там влияния Франции гораздо больше затрагивали в тот момент интересы царского правительства, чем мнимое или действительное туркофильство нового режима. Нам представляется, что В.К. Ливен был, по-видимому, одним из наиболее активных противников дальнейшего ухудшения отношений с Сербией. А это бы неминуемо произошло, если бы он продолжал настаивать на высылке Вучича и Петрониевича. В отличие от Ващенко, Ливен, ознакомившись с позициями великих держав в Константинополе и с обстановкой в самом княжестве, явно стал склоняться к компромиссным решениям. Его позиция свидетельствовала, что в российских правительственных кругах при всей первоначальной непримиримости к уставобранителям существовали уже различные точки зрения на решение сербской проблемы.

Другим решением "малой скупшины" было разрешение лицам, покинувшим страну в связи с переворотом, вернуться в Сербию и принять участие в выборах. Но количество таких людей жестко

ограничивалось. Разрешение на въезд в Сербию распространялось только на уроженцев княжества; на лиц, не замешанных в убийствах и других преступлениях и не подозреваемых в том, что они могут вызвать волнения в стране. Фактически эти запреты распространялись на большинство сторонников Обреновичей. Лишь небольшое их число смогло прибыть в Сербию, да и то только накануне скупщины. Большинство сербских беженцев решило вообще не принимать участие в выборах.

Кроме того, на "малой скупщине" для проведения выборов и для управления страной до подтверждения избрания Турцией и Россией нового князя было создано временное правительство. В него вошли С. Стефанович-Тенка, М. Здравкович-Ресавац и Л. Теодорович⁴⁹.

После этого Александр Карагеоргиевич отрекся от престола и уехал в Раковицкий монастырь под Белградом ожидать результаты новых выборов. Для его охраны в монастырь была отправлена регулярная сербская конница. Вучич и Петрониевич, отправляясь в Крагуевац, тоже взяли с собой для охраны часть сербской артиллерии (другая часть оставалась в Белграде для защиты предстоящей скупщины). Вучич уполномочивался также в случае возникновения беспорядков "стать во главе армии и народа"⁵⁰.

15 июня 1843 г. в пригороде Белграда Топчидере в присутствии российских и турецких представителей состоялись новые княжеские выборы. Перед началом скупщины Хафис-паша (через переводчика), а затем знавший сербский язык Вашенко объявили депутатам, что, так как Александр Карагеоргиевич отрекся от престола, а Михаил Обренович исключен из числа кандидатов на него, необходимо избрать нового князя. Как и ожидалось, на состоявшихся затем выборах князем вновь стал Александр Карагеоргиевич. На другой день после скупщины Ливен, посчитав свою миссию выполненной, отбыл в Петербург⁵¹.

Сразу же после выборов сербским правительством было составлено послание султану Абдул Меджиду с просьбой утвердить их результаты и помиловать Вучича и

Петрониевича. Аналогичное прошение направлялось и на имя русского царя. Однако отклиться на него Николай I не пожелал. Более того, в Варшаве по пути в Петербург Ливен получил письмо от Нессельроде с приказом возвращаться в Белград. Хотя деятельность Ливена в этом письме в целом была одобрена, ему было указано на невыполнение постановления об удалении из Сербии Вучича и Петрониевича. Это требование царский представитель должен был подкрепить угрозой неполучения Александром Карагеоргиевичем султанского берата, утверждающего его в княжеском достоинстве⁵².

Вернувшись в Сербию, Ливен сообщил об этом приказе Вашенко и добавил даже, что в случае необходимости Россия сможет употребить все меры "к усмирению бунтовщиков". По-видимому, речь шла о намерении Николая I послать в Сербию 20-тысячный корпус, расквартированный у Могилева⁵³.

Таким образом, оказалось, что российский МИД и лично Николай I были настроены гораздо жестче по отношению к новым сербским властям, чем предполагал Ливен. Имевшаяся договоренность с Портой о высылке Вучича и Петрониевича и невмешательство других держав позволяли Петербургу настаивать на своем. Более того, с венским двором уже шли переговоры о пропуске через австрийскую территорию русских войск, если Вучич и Петрониевич все же останутся в стране. Меттерних поддержал требование об их высылке, так как полагал, что после этого у России пропадал бы всякий повод для активного вмешательства в сербские дела⁵⁴.

В такой ситуации сербы должны были смириться. На очередной скупшине после сообщения Ливена Вучич и Петрониевич заявили, что подчиняются силе и покидают страну с надеждой доказать свою невиновность. За это решение и проголосовала скупщина, составив также прошение на имя Николая I с просьбой помиловать двух старейшин. Ходатайствовать об этом обещал сербам и сам барон Ливен. Он выразил сожаление о том, что получение

приказа о возвращении в Белград не дало ему возможности употребить "все усилия, чтобы склонить императора к помилованию Вучича и Петрониевича"⁵⁵.

После заседания скупщины Вучич и Петрониевич отбыли сначала в болгарский город Видин. И уже оттуда, несмотря на то, что одной из причин их высылки была связь с польской эмиграцией, обратились к эмиссару Чарторыского в Лондоне В.Замойскому. Петрониевич сообщал ему о последних событиях и просил посодействовать в том, чтобы изгнание не было долгим⁵⁶.

После отъезда сербских старейшин 2 сентября 1843 г. был, наконец, получен и султанский берат, подтверждавший правильность избрания Александра Карагеоргиевича. Причем сделано это было после предварительных согласований с Россией. Следует подчеркнуть также, что по указанному берату Александр, в отличие от Милоша Обреновича, оказался в достаточно уязвимом положении, так как ему не было пожаловано право на наследственную княжескую власть⁵⁷.

Длившаяся ровно год борьба уставобранителей за признание Турцией и Россией сербским князем Александра Карагеоргиевича завершилась. Этим в основном закончился и так называемый сербский вопрос в Восточном кризисе. Но не все трудности нового режима были преодолены. В изгнании находились лидеры движения уставобранителей - Тома Вучич и Аврам Петрониевич. До их возвращения говорить о стабильности в стране было нельзя. И главным образом потому, что все еще грозную силу представляли для сербского правительства сторонники Обреновичей.

Став князем, Александр Карагеоргиевич назначил на освободившиеся посты премьер-министра и министра иностранных дел Алексу Симича, а министром внутренних дел - Илию Гарашанина. Выполнивший теперь уже окончательно свою миссию, барон Ливен на этот раз не спешил покидать Белград. Это начинало вызывать беспокойство французского и английского консулов. И

только в ноябре, дождавшись приезда нового российского консула Г.И.Данилевского, Ливен выехал в Петербург⁵⁸.

За это время специальный комиссар Николая I установил довольно хорошие отношения с сербским руководством. Когда Порты, поддерживавшая уставобранителей с самого начала, но теперь уже не желавшая нового конфликта с Россией, потребовала от Вучича и Петрониевича переселиться подальше от сербской границы, именно Ливен успокаивал сербов. Он говорил, что лидеры уставобранителей ничем новым не прогневали Россию и что он уже докладывал Николаю I об их большом вкладе в благополучное завершение скупщины по выборам князя. Уезжая, Ливен обещал князю Александру просить царя о скором возвращении Вучича и Петрониевича, так как это "желание народа и необходимость для Сербии"⁵⁹.

Как и в предыдущий период, когда сербское правительство пыталось добиться признания Александра Карагеоргиевича, в борьбе за возвращение Вучича и Петрониевича оно больше всего рассчитывало на помощь Франции и Англии. Но и в этом случае реальной деятельной поддержки Сербское княжество не получило. Гарашанин жаловался, что французы и англичане не идут дальше обещаний и праздных речей и ничего существенного для Сербии не сделали. Новый сербский министр был недоволен и позицией Порты. Он писал, что теперь уже не знает, кого считать большим противником возвращения Вучича и Петрониевича: Россию, которая настояла на их изгнании, или Турцию, которая могла их защитить, но не захотела этого сделать⁶⁰.

Другой задачей нового режима, выдвигавшейся часто на первый план, была борьба против Обреновичей. Уставобранителям не удалось полностью подорвать их позиции внутри страны. И вне Сербии, в эмиграции Обреновичи обладали довольно значительными силами. Правда, эти силы были разобщены. Меньшая часть эмигрантов поддерживала Милоша Обреновича, находившегося в Вене и опиравшегося на Австрию.

Сторонники же Михаила, имевшего сильные позиции в Воеводине, все еще надеялись на помощь России.

С конца 1842 по конец 1843 г. в Сербии было раскрыто несколько заговоров сторонников Обреновичей. Эта деятельность не прекратилась и после повторного избрания Александра Карагеоргиевича. В самом конце 1843 г. крупный заговор во главе с бывшим министром князя Михаила Цветко Раевичем был раскрыт в Смедерево. В начале следующего года заговорщики были отправлены в Крагуевац и, несмотря на просьбы Г.И.Данилевского, осуждены самым суровым образом⁶¹.

Этот заговор чуть было не привел к новому ухудшению отношений между Сербией и Россией. Просьбы Данилевского не расправляться с заговорщиками были вызваны скорее всего боязнью новых волнений. Но активность консула была истолкована как попытка России содействовать Обреновичам в их борьбе за власть. Кроме того, министр внутренних дел Сербии Гарашанин был обеспокоен, что в руководстве княжества вновь стали появляться сторонники сближения с Россией. Так, в государственном Совете прорусскую группировку образовал Стефан Стефанович-Тенка. Однако, когда Данилевский в обмен на удовлетворение своих просьб предложил добиться для князя Александра титула "светлости" (который в свое время был присвоен и Михаилу Обреновичу), а также возвращения в Сербию Вучича и Петрониевича, сербское руководство сразу же заменило смертные приговоры зачинщикам Смедеревского заговора на каторгу⁶².

До этого события на все просьбы сербских властей об амнистии для своих лидеров царское правительство отвечало отказом. Например, в ноябре 1843 г. Нессельроде сообщал князю Александру, что "возвращение Вучича и Петрониевича было бы неудобно". Но положение изменилось. В конце февраля следующего года Россия пожаловала Александру обещанный ему титул "светлость". А в апреле Данилевский сообщил сербскому князю о

намерении царя одобрить возвращение двух старейшин до конца мая⁶³.

После этого сербское руководство решило, что Данилевский ему не опасен. Гарашанин писал, что, хотя Россия и назначила пенсии бывшим министрам Михаила Обреновича Протичу и Радичевичу, сербское правительство не будет обращать на это внимание. "Мы с русским консулом, - объяснял Гарашанин, - в хороших отношениях, и с каждым днем отношения все улучшаются..."⁶⁴

Но ожидаемое возвращение вождей уставобранителей не состоялось. Нессельроде уведомил князя Александра, что "соизволение государя императора приостановилось единственно вследствие получения из Вены известий, будто Вучич и Петрониевич имеют весьма близкие и частые сношения с некоторыми возмутителями из поляков", которые в разных областях Турции, в том числе и в Сербии, стараются "поколебать внутреннее спокойствие края для достижения злонмеренных видов своих". Окончательно вопрос будет решен, когда станет ясно, "до какой степени справедлива весть о соучастии Вучича и Петрониевича в замыслах польских эмиссаров"⁶⁵.

Именно связи вождей уставобранителей с агентами Адама Чарторыского вызывали самые большие опасения царского правительства. По той же причине позицию России в вопросе о ссыльных старейшинах часто разделяла Австрия. Нессельроде и Меттерних оправдывали свое вмешательство в сербские дела деятельностью польских эмигрантов, которые пытаются создать в Сербии "очаг революционных переворотов", распространить его на соседние страны и в конечном итоге вызвать европейский конфликт⁶⁶.

Постепенно и в руководстве Сербского княжества наметились разные мнения о целесообразности возвращения в страну лидеров уставобранителей. Окружение Александра Карагеоргиевича стало укреплять свою собственную власть и занимать руководящие посты в управлении государством. Оно начинало опасаться возвращения прежде всего такой

сильной и популярной в народе личности, как Тома Вучич-Перишич. Гарашанин с тревогой писал, что некоторые окружающие князя лица теперь тайно выступают против возвращения старейшин, что привело к возникновению двух группировок: сторонников Вучича и сторонников князя⁶⁷.

Узнав о том, что их возвращение откладывается, Вучич и Петрониевич отправились в Константинополь, чтобы там добиваться положительного исхода своего дела. По дороге в Турцию они встретились с Вашенко, направлявшимся к новому месту службы. Сербские старейшины хотели заручиться и его поддержкой, но бывший консул в Сербии дал понять, что он лично "убежден в погрешности их"⁶⁸. Уже в турецкой столице, ожидая окончательного решения, Вучич и Петрониевич вновь установили контакты с М.Чайковским⁶⁹.

Однако последнее осталось неизвестным российскому правительству. Данилевский сообщал, что известия о связях вождей уставобранителей с польскими эмигрантами объясняются "интригами Милоша и австрийских пограничных чиновников". Посчитав, что сведения из Вены "не подтвердились положительным образом", царское руководство разрешило Вучичу и Петрониевичу вернуться в Сербию⁷⁰. В августе опальные старейшины были уже в Белграде, где их торжественно встретили как "защитников народной свободы". Петрониевичу были возращены прежние посты премьер-министра и министра иностранных дел, но Вучич своего старого поста так и не получил⁷¹.

Сербский кризис и сопутствовавшие ему события, конечно, не повлияли на дальнейшее развитие Восточного вопроса, но внесли некоторые изменения во взаимоотношения великих держав в этом районе Балкан, в их отношения с Сербским княжеством. Это не могло не оказать последующего влияния на внешнюю политику уставобранителей. Небольшому автономному княжеству было трудно, если не невозможно, проводить полностью независимый внешнеполитический курс. Необходимо было опираться на поддержку хотя бы одной великой державы. В

свою очередь каждая из этих держав отстаивала свои собственные интересы в Восточном вопросе и, в частности, в делах, связанных с Сербским княжеством.

Определяющим моментом в сербском кризисе была политика России, выступавшей в роли покровителя всех христианских народов Османской империи и связывавшей с Сербией и другими южнославянскими землями свои давние интересы на Балканах. С началом сербского кризиса традиционно хорошие отношения между Россией и Сербией были сильно подорваны. Одно время дело чуть ли не дошло до военного вмешательства царизма во внутренние дела княжества.

Но бытующее в историографии мнение только о таком исключительно негативном и бесцеремонном давлении России во время сербского кризиса нам представляется односторонним. Действия Ливена, а затем и Данилевского, свидетельствовали, что некоторые представители царской дипломатии довольно скоро осознали, что надо устанавливать контакты с новым режимом, идти на уступки, что без этого восстановить позиции России в Сербии невозможно. Это осознавал и Нессельроде.

Уезжая в Белград, Данилевский получил инструкцию, согласно которой его миссия должна была заключаться в возобновлении русского влияния, в продолжении политической линии, начатой Ливеном. Ему предписывалось безоговорочно считать законным повторное избрание князем Александра Карагеоргиевича. "Надо стараться, - наставлял консула Нессельроде, - создать в Сербии управление сильное и регулярное, способное создать условия, обеспечивающие ему стабильность"⁷².

В результате стараниями Ливена и Данилевского Россия в какой-то степени вернула свое влияние в Сербии, но оно не достигло прежнего уровня. И главные трудности были объективными. Они исходили из курса царизма, направленного в то время на сохранение целостности Османской империи. Тот же Нессельроде в 1846 г. писал,

что "одной из наиболее трудных проблем нашей политики является сочетание поддержки у власти султана с покровительством христианскому населению, томящемуся под мусульманским игом"⁷³.

В 1842-1843 гг. режим уставобранителей решил основную "оборонительную" внешнеполитическую задачу данного периода - укрепился у власти и получил правовое признание от Турции и России. В это время сербское руководство с целью придать своему режиму прерванную легитимность было вынуждено четыре раза созывать скупшину. Но в этот же период обозначились и сложные внешнеполитические проблемы, стоявшие перед княжеством. Ни одна из европейских держав по разным причинам не оказывала режиму уставобранителей реальной помощи. Все еще грозную силу представляли сторонники свергнутой династии Обреновичей. В самом руководстве страны наметился раскол. Сплотившиеся в борьбе за власть, сербские руководители, едва эта задача была в основном решена, стали бороться друг с другом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. Главный архив (далее - ГА) 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 228-228 об.

² История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 336.

³ Формирование независимых национальных государств на Балканах. Конец XVIII - 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 132.

⁴ Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С. 168

⁵ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. - 1849 г. М., 1980. С. 31.

⁶ Керимова М.М. Отечественные источники по этнографии югославянских народов. Первая половина XIX в. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1992. С. 20-21.

⁷ Љушић Р. Кнежевина Србија (1830-1839). Београд, 1986. С. 34.

⁸ АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 228 об.

- 9 Подробнее см.: *Љушић Р.* Указ. соч. С. 381-393.
- 10 История Югославии. С. 333-334.
- 11 *Јакшић Г., Странџаковић Д.* Србија од 1813 до 1858 // Српски народ у XIX веку. Београд, 1937. Књ. 2. С. 81.
- 12 *Вучковић В.* Српска криза у Источном питању (1842-1843). Београд, 1957.
- 13 *Попов Н.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. М., 1869. Ч. II. С. 166-167.
- 14 Там же. С. 172-173.
- 15 *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 35-36.
- 16 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 22-23; *Странџаковић Д.* Указ. соч. С. 30.
- 17 *Странџаковић Д.* Вучићева буна. Београд, 1936. С. 53, 139.
- 18 *Гросул В.Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-е - начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. II; *Дурковић-Јакшић Љ.* О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841-1843) // Зборник за историју. 1974. 9. С. 37; Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 94, С. 674.
- 19 *Достјан И.С.* К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. № 6; *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 166-171.
- 20 *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 40.
- 21 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 253-254.
- 22 Там же. Ф. ГА V-A2. Д. 223. Л. 54-54 об.
- 23 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 45.
- 24 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 36-37.
- 25 *Странџаковић Д.* Вучићева буна. С. 146; *Поповић В.* Метернихова политика на Блиском Истоку. Београд, 1931. С. 184-185.
- 26 *Попов Н.* Указ. соч. С. 179.
- 27 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1842. Д. 223. Л. 8.
- 28 *Странџаковић Д.* Вучићева буна. С. 154-155.

- 29 *Попов Н.* Указ. соч. С. 184-186.
- 30 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 177-177 об.;
- Вучковић В.* Указ. соч. С. 69, 71-72; *Попов Н.* Указ. соч. С. 186.
- 31 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 76-78.
- 32 *Странџковић Д.* Вучићева буна. С. 155; *Поповић В.* Указ. соч. С. 185.
- 33 Там же.
- 34 *Попов Н.* Указ. соч. С. 208-210.
- 35 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 82-86.
- 36 Там же. С. 84-86, 89-90.
- 37 *Попов Н.* Указ. соч. С. 223.
- 38 *Странџковић Д.* Вучићева буна. С. 82-83.
- 39 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 34 об., 242-242 об.;
- Дурковић-Јакшић Љв.* Указ. соч. С. 40, 42.
- 40 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 289 об.-290.
- 41 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 103.
- 42 Там же. С. 99.
- 43 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 356-356 об.
- 44 *Јакшић Г., Странџковић Д.* Указ. соч. С. 99; *Дурковић-Јакшић Љв.* Указ. соч. С. 47-48.
- 45 *Странџковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 52-53.
- 46 Преписка Илије Гарашанина. Београд, 1950. Књ. I. С. 36.
- 47 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 109.
- 48 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. Д. 6. Ч. II. Л. 319.
- 49 *Попов Н.* Указ. соч. С. 223-224; *Вучковић В.* Указ. соч. С. 108.
- 50 *Странџковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 53-55.
- 51 *Попов Н.* Указ. соч. С. 225-227.
- 52 АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1843. Д. 6. Ч. II. Л. 389; *Попов Н.* Указ. соч. С. 227-228.
- 53 Там же.
- 54 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 117; *Поповић В.* Указ. соч. С. 190.
- 55 *Попов Н.* Указ. соч. С. 228-234.
- 56 *Вучковић В.* Указ. соч. С. 122.

- 57 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1843. Д. 224. Л. 36-36 об.; *Вучкович В.* Указ. соч. С. 123.
- 58 *Попов Н.* Указ. соч. С. 235-236.
- 59 Преписка... С. 39, 50, 55.
- 60 Там же. С. 46-47, 49-50.
- 61 *Вучкович В.* Указ. соч. С. 129.
- 62 Преписка... С. 72-73, 74-75.
- 63 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1843. Д. 224. Л. 39; Там же. 1844. Д. 225.
- Л. 3.
- 64 Преписка... С. 85, 86, 94-95.
- 65 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1844. Д. 225. Л. 76-77.
- 66 *Вучкович В.* Указ. соч. С. 133.
- 67 Преписка... С. 86.
- 68 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1844. Д. 832. Л.
- 145.
- 69 *Вучкович В.* Указ. соч. С. 137-139.
- 70 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1844. Д. 832. Л. 132-132 об.; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1844. Д. 15. Л. 227.
- 71 *Попов Н.* Указ. соч. С. 237-238; *Вучкович В.* Указ. соч. С. 137-139; *Странжакович Д.* Влада уставобранителя... С. 65.
- 72 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1843. Д. 224. Л. 29-30.
- 73 Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М., 1978. С. 125.

ГЛАВА II. ПРОГРАММА "НАЧЕРТАНИЕ" И НАЧАЛО ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (1844-1847 гг.)

1. "Начертание" Илии Гарашанина

Идея объединения сербского, а возможно и других южнославянских народов в одном независимом государстве появилась еще в конце XVIII в., она фигурировала в некоторых внешнеполитических планах в период сербских восстаний и не угасала во время правления Милоша Обреновича¹. Михаил Обренович пытался продолжать эту политику своего отца². Но на качественно новую ступень планы расширения территории княжества поднялись во время правления уставобранителей, что нашло выражение в составлении первой внешнеполитической программы Сербии - "Начертания".

На идейное содержание этого документа, кроме существования в предшествующем периоде "идеи единства", большое воздействие оказало правое крыло польской эмиграции. Именно оно помогло заключить аморфную идею в жесткие рамки политической концепции.

С сербским вопросом вождь польской эмиграции Адам Чарторыйский познакомился еще в первые годы XIX в., в начале своей политической карьеры, будучи управляющим МИД России (1804-1806 гг.). В 1804 г. в Петербург приезжала сербская депутация во главе с протоиереем Матией Ненадовичем; тогда же карловацкий митрополит Стефан Стратимирович посылал царскому правительству свой проект создания большого "славяно-сербского государства"; аналогичное предложение, составленное неким сербом из Воеводины Софронием Юговичем, посылал и бачский епископ Йован Йованович³.

В 1804-1807 гг. в правительственных кругах России (и лично Чарторыским) строились планы основания на Балканах автономных или независимых государств как заслона против наполеоновской агрессии в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье⁴. Много лет спустя, в совершенно иной политической обстановке в Европе и с новыми задачами Чарторыский как бы возродил свои прежние замыслы. Его внимание привлекла Сербия.

В начале января 1843 г., т.е. всего через несколько месяцев после избрания сербским князем Александра Карагеоргиевича, Чарторыский послал вождям уставобранителей послание, в котором сформулировал свои советы по вопросам внутренней и внешней политики Сербского княжества ("Советы Чарторыского").

В области внешней политики он рекомендовал сербам оставаться лояльными по отношению к Порте и, используя хорошие отношения с ней, добиваться все больших прав: наследственной княжеской власти, расширения границ в сторону Черногории и Герцеговины, обеспечения свободного торгового пути к Адриатическому морю, изгнания турок из сербских городов и т.д. К России, советовал Чарторыский, как к покровительствующей державе следует относиться с осторожностью. Он полагал, что она может оказать давление на Турцию, когда это понадобится. Но нельзя позволять ей вмешиваться во внутренние дела княжества. Австрию Чарторыский считал врагом славянских народов. И, наконец, заключал он, Сербии надлежит ориентироваться на Францию и Англию, сблизиться с соседними южными славянами и в будущем их присоединить⁵.

Весной 1843 г., когда Чайковский помогал организовывать повторные выборы в Сербском княжестве, он одновременно договорился с Александром Карагеоргиевичем о создании в Белграде постоянного представительства польской эмиграции во главе с ее тайным агентом. Таким агентом в Сербии стал Франьо (Франтишек) Зах - чех, выходец из Моравии. Зах участвовал в польском

восстании 1830-1831 гт., а затем вместе с его руководителями эмигрировал во Францию⁶.

В апреле 1843 г. Зах представил Чарторыскому рапорт о задачах дипломатического агента в Сербии, в котором повторял в основном общие положения из "Советов" своего руководителя⁷. Более конкретную программу будущий польский агент в Сербском княжестве мог предложить, лишь ознакомившись с местными условиями, с позициями вождей уставобранителей, других южнославянских лидеров.

Приехав в конце 1843 г. в Белград, Зах близко сошелся с И.Гарашанином, который в отсутствие высланных из страны Вучича и Петрониевича стал приобретать в сербском руководстве все больший вес. Тогда же Зах начал писать трактат о задачах сербской политики. В январе следующего года он уже сообщал М.Чайковскому в Стамбул: "Мои частые разговоры с г. Илией о славянах в Турции и Австрии предоставили мне возможность мало-помалу изложить взгляды об этих народах. Собственно говоря, я обещаю составить ему план о способе воздействия на славян, так как он понимает, что уже настало время, чтобы заняться этим ... систематически. Я работал тщательно и передаю Вам перевод своего проекта. Разрешите мне выразить радость за доверие министра..." В феврале в новом письме Зах писал: "Мое сочинение, которое содержит план о славянской политике Сербии, почти завершено. Чтобы его закончить, нужно написать только главу о Хорватии и иллиризме". Эту главу польский агент дописал после бесед с некоторыми деятелями иллирийского движения, находившимися тогда в Белграде⁸.

В мае Зах передал свой "План" Гарашанину и тот на его основе в конце 1844 г. сформулировал первую программу внешней политики Сербского княжества, получившую позже наименование "Начертание".

О выдающемся сербском государственном и политическом деятеле Илие Гарашанине следует сказать особо. Он родился во время Первого сербского восстания в 1812 г. в селе Гарашин близ Крагуеваца. В детстве Илия

вместе с братьями пас скот в имении своего отца Милутина Савича-Гарашанина. Одновременно отец пытался дать сыну домашнее образование, а затем отправил его учиться в греческую школу в Земуне и после этого - в немецкую школу в Ораховице. Затратив на свое образование около 4-х лет на две школы, 20-летний Илия женился на Софии (Соке) Данич. От этого долгого и счастливого брака у них было два сына: Светозар и Милутин.

В 1834 г. на двадцать втором году жизни Илия начал служить на таможне в местечке Вишнич на Дунае. Через три года Милош Обренович вызвал его к себе, назначив командиром военной полиции и введя его в государственный Совет. Молодой человек без всякого военного образования сразу же получил звание полковника. С этих пор и началась успешная тридцатилетняя политическая карьера Гарашанина на руководящих постах сербского государства. Однако она отнюдь не была совершенно безоблачной. Уже через три года, в 1840 г. после конфликта с князем Милошем Илия, его отец и брат вместе с другими уставобранителями оказались в ссылке в Константинополе.

Еще через два года во время мятежа Вучича отец и брат Гарашанина были зверски убиты. Сам Илия играл в подготовке переворота довольно второстепенную роль, но все-таки после победы уставобранителей получил, как упоминалось выше, посты члена Совета и заместителя министра внутренних дел. Вскоре Гарашанин стал министром внутренних дел и почти полных десять лет (1843-1853 гг.) исполнял эти функции. В его ведении находились армия, полиция, экономика, транспорт, медицинская служба и почта. (Позже эти функции в Сербии были разделены между несколькими министрами). Одновременно Гарашанин был идеологом и главным организатором всей объединительной деятельности княжества. В 1852-1853 гг. он занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел.

Через несколько лет карьера Гарашанина как бы повторилась. Свою плодотворную деятельность он продолжил в 1858-1859 гг. на посту министра внутренних дел и в 1861-1867 гг. - будучи премьер-министром и министром иностранных дел. В это время Гарашанин вместе с князем Михаилом Обреновичем являлся инициатором создания первого Балканского союза. После ухода в отставку он прожил еще семь лет и умер в 1874 г., когда до исполнения его заветной мечты о независимости сербского государства оставалось всего четыре года. В Сербии, где министры часто становились миллионерами, Гарашанин не нажил себе состояния, а под конец жизни был вынужден даже продать дом в Белграде и отцовское имение.

Характерным был и внешний облик этого достаточно жесткого и не склонного к сантиментам человека. Он был одним из самых высоких людей Сербии своего времени; черноволосый, ширококостный, с крупными чертами лица, на котором отчетливо выделялись большие усы и следы от перенесенной оспы. Гарашанин был всегда хмур и серьезен, много курил и выпивал огромное количество кофе. Современников поражала его работоспособность. А слабое здоровье компенсировали его неукротимый дух и непреклонная воля⁹.

Сформулированное 32-летним Гарашанином "Начертание" остается едва ли не самым важным документом новой сербской истории. Споры и дискуссии вокруг этой программы не прекращаются до сих пор.

Начало серьезной дискуссии положил в 1939 г. Д.Странякович, поместивший в статье "Как возникло "Начертание" Гарашанина" рядом с найденным им в архивах "Планом" Заха внешнеполитическую программу Сербского княжества. Это позволило наглядно сравнить два достаточно схожих документа.

Во введении Зах писал о потребности Сербии в долгосрочной программе государственной политики и подчеркивал, что ее основной чертой должна стать южнославянская направленность. В соответствующем месте

у Гарашанина говорилось, что основа сербской политики в том, чтобы не ограничиваться рамками границ княжества, а стремиться привлечь к Сербии все "сербские народы", которые ее окружают.

Зах считал, что существуют два способа перекройки Османской империи: раздел ее владений между Австрией и Россией (что невыгодно Сербии) и создание на развалинах Турции большого славянского государства (к чему Сербия и должна стремиться). Чтобы осуществился второй вариант, княжеству нужно опереться на Францию и Англию, так как эти страны противятся расширению и усилению Австрии и России. В деле создания южнославянского государства Сербия должна использовать свои богатые исторические традиции, выступать наследницей Душанова царства. Гарашанин принял эту часть "Плана" практически без изменений, озаглавив ее только "Политика Сербии" вместо заховского названия - "Славянская политика Сербии".

Следующий большой раздел "Плана" Зах делил на семь частей. Первая часть называлась "Предварительные средства". Чтобы лучше узнать положение дел в южнославянских землях, говорилось в ней, необходимо послать по одному агенту в Болгарию; Боснию, Герцеговину и Северную Албанию; а также в Славонию, Хорватию и Далмацию. Здесь Гарашанин добавлял, что главное внимание нужно уделить Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании.

Вторая часть посвящалась отношениям Сербии с Болгарией. Из всех южнославянских земель Болгария находилась в наихудшем положении: самое близкое расположение от турецкой столицы предопределяло то, что Османская империя держала там больше половины своего войска. Поэтому, по мнению Заха, свое освобождение болгары видят только при содействии России. Но она якобы "хотела бы надеть на болгар еще более тяжелое ярмо, чем турецкое". И только из-за противодействия Европы сделать это самостоятельно Россия не может. Раньше царское правительство использовало в своих целях Михаила

Обреновича. Теперь же, когда правительство князя Александра "не желает быть слепым орудием в ее руках". Россия выступает за смену нового режима, "пытаясь отвести от Сербии турецких славян". Она будет добиваться прихода к власти в княжестве безусловно преданного ей руководства, и никогда не допустит, чтобы "такая маленькая страна, как Сербия, ставила условия". Зах считал необходимым вывести болгар из-под российского влияния и привлечь их на сербскую сторону: помогать Болгарии в деле просвещения и образования, бороться с засильем в болгарской церкви греков, печатать в Сербии книги на болгарском языке и т.д.

Соглашаясь в целом с автором "Плана" относительно негативной роли России, Гарашанин дополнил эту часть документа своими размышлениями о взаимоотношениях Сербии с покровительствующей державой. Он добавлял, что "Сербия ни с кем так легко не могла бы добиться своей цели, как при содействии России. Но это возможно только тогда, когда она совершенно и полностью приняла бы условия Сербии". Как можно понять, речь шла об обеспечении Россией территориального расширения княжества и об ее отказе от союза с Австрией. "Хотя я не надеюсь, - писал Гарашанин, - что Россия когда-нибудь захочет относиться к Сербии искренно, все же нужно упомянуть о том, какая это была бы польза для Сербии..."

Третья часть документа затрагивала отношения Сербии с Боснией, Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией. Зах считал, что на эти земли Сербия может иметь наибольшее влияние. И для этого он предполагал выдвинуть там три принципа сербской политики: 1) свободы вероисповедания, что необходимо для всех христиан, а, возможно, со временем и для мусульман; 2) наследственной власти сербского князя в будущем общем государстве, без чего немислим союз сербов княжества с другими южными славянами (у Гарашанина - союз с другими соседними сербами) и 3) народного единства, т.е. Сербия должна выступать покровительницей всех турецких славян.

Государственное устройство Сербского княжества должно было быть распространено на Боснию. В этих целях предполагалось принять на сербскую службу и научить сербским методам управления некоторое количество молодых боснийцев. В княжестве для населения Боснии следовало наладить печатание патриотических книг с параллельными текстами кириллицей и латиницей. Для привлечения на свою сторону боснийских католиков предполагалось установить тесные связи с монахами-францисканцами, "увлечь их идеей соединения с Сербией". Одного из этих монахов было решено привлечь для преподавания латыни в белградском лицее и в качестве священнослужителя для духовных нужд проживавших в Сербии католиков. Через Черногорию и Северную Албанию Сербия должна была получить выход к Адриатическому морю. Позже это позволило бы сербам освободиться от торговой зависимости от Австрии. Предполагалось оказывать также черногорскому владыке ежегодную денежную помощь. Гарашанин принял эту часть "Плана" практически полностью.

Четвертая часть работы Заха была посвящена отношениям с Хорватией. Польский агент выступал за союз со сторонниками иллиризма, но высказывался против этого термина. Общее южнославянское государство он задумывал как "сербское царство", а не "иллирийское королевство". Эту часть Гарашанин целиком исключил из "Начертания".

Пятую и шестую части "Плана" о союзе с воеводинскими сербами и "чешскими славянами" Гарашанин основательно сократил. Он фактически ничего не оставил от идеи союза с чехами, а в отношении сербов Воеводины был согласен только на то, что надо попытаться установить контакты с их лидерами и иметь там газету, публикующую материалы в интересах Сербского княжества. Это могло в будущем помочь вырвать Воеводину из-под австрийского влияния и привлечь ее на свою сторону.

Имевшуюся у Заха седьмую часть о внутренней политике Сербии Гарашанин не включил в "Начертание",

так как составлял только внешнеполитическую программу¹⁰.

Как видим, большая часть текста "Плана" без каких-либо изменений прямо вошла в "Начертание", но между документами имелись довольно существенные качественные различия. Гарашанин, в отличие от Заха, ограничивал деятельность Сербского княжества только сербскими землями, находившимися под турецкой властью. На это сербский министр шел, принимая во внимание ближайшие цели сербского государства и понимая невозможность одновременной борьбы сразу с Турцией и Австрией. Непосредственной задачей Сербии в качестве своеобразной программы-минимум было расширение за счет Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании, а также получение выхода к Адриатическому морю.

Таким образом, если Зах во многом исходил из польских интересов, стремясь создать сильный противовес на Балканах Австрии и России, то Гарашанин приспособил его "План" к насущным задачам и реальным возможностям Сербского княжества. Фактически речь шла о начале процесса собирания этнических сербских земель. В этом смысле можно говорить о том, что Гарашанин закладывал основы сербской или великосербской объединительной политики.

Мы не видим большой разницы в этих определениях. На наш взгляд, речь главным образом идет о терминологии. Например, синонимом России до 1917 г. была Великороссия, а официальное название Англии - Великобритания, и это никого не смущает. Термин "великий" здесь означает только национальное государство, завершившее объединение всех частей своего народа.

Попытки создания такого государства - закономерный этап в развитии многих балканских государств. Так, тогда же в 1844 г. возникла известная доктрина "мегали идея" в Греции, позже идеи объединения Дунайских княжеств, создания Великой Болгарии, Великой Албании и т.п. Однако в силу разных, и прежде всего

политических, причин термин "Великая Сербия" приобрел в Югославии однозначно отрицательный, великодержавный и даже реакционный смысл. Поэтому некоторые сербские историки предпочитают говорить сейчас о сербском или на худой конец - о всесербском, но не о великосербском характере объединительной программе Гарашанина. Главное, по-видимому, не в терминах. Анализ "Начертания" показывает, что в нем не было выдвинуто идей национализма (шовинизма) или национального превосходства. Оно определяло национальные задачи сербов, стремившихся к созданию полноценного, политически и экономически жизнеспособного буржуазного государства.

Если идея расширения сербского государства была выражена в "Начертании" ясно и недвусмысленно, то намного труднее оценить те разделы программы, где речь шла о пропаганде, которую следует вести в Хорватии, Славонии, Далмации, Болгарии и отчасти в южной Венгрии. Хотя нигде не говорилось о присоединении этих земель к Сербскому княжеству, все же можно предположить, что в будущем не отрицалась и гипотетическая возможность некоего южнославянского объединения. Именно этот момент югославские историки (особенно в межвоенный период) часто выдвигали на первый план и всю программу трактовали как южнославянскую. Нам представляется, что можно говорить лишь о наличии южнославянских тенденций в сербской или великосербской концепции Гарашанина. Наоборот, в период после второй мировой войны историки (прежде всего в Хорватии) оценивали эти же разделы как подтверждение сербского гегемонизма, претензий Сербии на этнически чуждые территории. Кроме того, что такая политика, как подчеркивалось, совсем не была ярко выражена в гарашаниновской программе, следует заметить также, что борьба Сербского княжества (пусть даже в своих собственных интересах) за освобождение соседних балканских народов, находившихся под чужеземным

господством, имела в тот период и для этих народов определенное положительное значение.

По поводу методов достижения поставленных задач в "Начертании" говорилось в общих чертах только, что "Сербия должна стараться от здания турецкого государства откалывать камень за камнем, чтобы из этого отличного материала на прежнем и прочном фундаменте старого сербского царства построить новое сербское государство"¹¹. Как можно было понять, расчет строился на добровольные уступки Порты и о ее насильственном разделе речь не шла. Анализируя программу "Начертание", В. Чубрилович пришел к выводу, что, хотя само Сербское государство возникло революционным путем, Гарашанин в основном по совету Чарторыского (менее - Заха) исходил в 1844 г. не из принципа самоопределения народов и революционных методов борьбы за его осуществление, а из консервативного принципа исторического права, традиций сербского государства времен Душана, рассчитывая на компромиссы и постепенность¹².

Однако революционный период в развитии Сербии в тот момент себя уже исчерпал. Необходима была определенная пауза, чтобы закрепиться на достигнутых рубежах и накопить силы для следующих шагов. Гарашанин это хорошо осознавал. В известной мере он продолжал политику князя Милоша, получившего шесть спорных нахий мирным, дипломатическим путем. И все же такая политика, как будет показано ниже, в долгосрочной перспективе имела и свои существенные недостатки.

Нуждается в уточнении и "консерватизм" гарашаниновской программы. Если консерватизм в буквальном смысле означает сохранение статус-кво, консервацию существующего положения, то Гарашанин добивался расширения Сербии и ее полной независимости. Хотя и опирался при этом на консервативный принцип исторического права и мирные методы достижения поставленных задач. В.И.Фрейдзон называет поэтому Гарашанина деятелем консервативного типа, но его

программу - не консервативной. Он предлагает характеризовать деятелей типа Гарашанина как "сторонников революции сверху". Политика консервативных (в социальном плане) сил в национальной сфере, объясняет Фрейдзон, в эпоху кризиса феодализма и перехода к капитализму была способна не быть консервативной, а участвовать в революционном национальном движении¹³.

Это интересное замечание, справедливое в других случаях, вряд ли применимо к Гарашанину. Ведь, если "революция сверху" - это реформы, то в "Начертании" нигде нет ни слова о каких-либо преобразованиях как в самом Сербском княжестве, так и во вновь присоединяемых землях. На наш взгляд, более точен Р.Люшич, который считает программу "Начертание" - не консервативной, но и не революционной. Он называет ее "прогрессивной программой сербской внешней политики"¹⁴.

Довольно сложно обстоит дело и с оценкой взглядов Гарашанина на отношение к сербскому вопросу великих держав. Чубрилович утверждал, например, что та часть программы, где говорилось о внешнеполитической ориентации княжества, отвечала жизненным интересам Сербии¹⁵.

Нам представляется, что сербский историк преувеличивал положительное значение для освобождения и расширения Сербии долгосрочной ориентации на Запад. В данном случае, вероятно, ближе к истине Р.Перович, который считал эту заимствованную у польской эмиграции прозападную и в чем-то антирусскую ориентацию невыгодной для Сербии. Он писал, что польская эмиграция рекомендовала в то время придерживаться лояльной позиции по отношению к Порте, удовлетворяться уступками с ее стороны. Это происходило из-за боязни ничего не выгадать для решения польского вопроса в случае распада Османской империи, который могли бы использовать Австрия и Россия. Из-за этой своей позиции поляки в сущности старались приглушить национально-освободительные движения балканских народов, в то время

как Россия своей антитурецкой политикой, проводимой дипломатическими и военными средствами, объективно помогала процессу освобождения балканских народов, хотя и в рамках данных политических обстоятельств, в соответствии со своими государственными интересами, но систематическим образом. Балканские же национальные государства могли возникнуть только на развалинах Османской империи¹⁶.

С таким заключением можно согласиться, если рассматривать русскую политику на Балканах в целом, на всем протяжении длительного периода с конца XVIII по 70-е годы XIX в., когда Россия играла объективно-прогрессивную роль в деле освобождения балканских народов. Поэтому именно долгосрочная ориентация на Россию отвечала интересам освобождения и объединения сербского народа. Вместе с тем нельзя не учитывать отрицательные последствия, которые имели грубые методы политики Николая I в отношении Сербского княжества в 30-40-е годы, в частности во время сербского кризиса.

Возможно, недружественная России направленность внешнеполитической программы Сербии, кроме влияния правого крыла польской эмиграции, была обусловлена воздействием и других факторов, в том числе и предыдущей политикой Милоша Обреновича. Необходимо сказать и об экономических интересах. Так, например, торговые потребности побуждали Сербское княжество расширять связи с Западной Европой, а не с Россией. Последнее обстоятельство особенно подчеркивалось в советской историографии.

И все же, на наш взгляд, в то время, когда перед Сербским княжеством стояла задача освобождения и объединения сербских территорий, ему была необходима прежде всего поддержка России. По существу, Гарашанин это осознавал. Но он не заметил, что политика России в 30-40-е годы была лишь отступлением от основного курса. Не веря, что в будущем царизм может изменить свою политику, отвергая его поддержку, Гарашанин ослаблял возможность

реализации национальных задач сербов, отталкивал от них другие южнославянские народы, которые продолжали верить в освободительную миссию России.

Таким образом, под влиянием прежде всего польской эмиграции Гарашанин в своей программе сделал попытку отойти от традиционной, основанной на этнической и религиозной близости ориентации на Россию. Политика же Чарторьского определялась не столько нуждами самих сербов, сколько стремлением подорвать влияние России в самой важной для нее опорной базе на Балканах.

В добавление к "Начертанию" И.Гарашанин специально переработал "Советы" Чарторьского, немного сократил их при переводе на сербский язык и под заглавием "Несколько слов о русско-австрийских интригах в начале 1845 г." передал Александру Карагеоргиевичу. В подготовке этого документа вновь принимал участие Ф.Зах. Тогда же, в начале 1845 г., сербскому князю было, вероятно, передано и "Начертание".

В "Нескольких словах" говорилось, что Сербия имеет двух противников - Россию и Австрию и что она должна опираться на Турцию и Францию, стараясь добиться также расположения Великобритании. Тогда соотношение сил держав окажется три к двум в пользу Сербии. В то же время Сербское княжество, уяснив интересы европейских кабинетов, должно пытаться проводить самостоятельную внешнюю политику. Для этого у него должна быть цель, к которой нужно стремиться всеми силами. По отношению к Турции предлагалось соблюдать лояльность, но одновременно - требовать от нее наследственной княжеской власти, вывода турецких войск из крепостей, расширения сербской территории в сторону Черногории. Австрия называлась врагом "славянской народности". Также нужно было стараться не попасть под влияние России. И, наконец, Франция могла бы стать союзником Сербии, так как она якобы заинтересована в создании на Балканах большого славянского государства¹⁷.

Таким образом, если в "Начертании" речь шла в основном о политике Сербии в соседних областях, то в "Нескольких словах" Гарашанин специально и более конкретно изложил свои соображения по поводу отношений Сербии с великими державами.

План внешнеполитической деятельности Сербского княжества получил дальнейшее подтверждение в новом подготовленном для князя Александра документе, получившем название "Основные мысли, которые должны доказать необходимость создания в Сербии Совета министров". Это сочинение готовилось в том же 1845 г. юристом Йованом Хаджичем - сербом из Австрии. Однако по требованию Вучича, недоверявшего австрийским сербам, Хаджич в 1846 г. был вынужден покинуть Сербию. Работу над "Основными мыслями" закончил в феврале 1847 г. Ф.Зах. Главной идеей этого документа была организация в княжестве нового конституционного органа власти - Совета министров. И именно он должен был покончить с начавшимися разногласиями внутри сербского руководства. Указывалось, что постоянного прогресса государство может добиться только, проводя единую национальную политику и введя в стране конституционную систему.

В области внешней политики в "Основных мыслях" повторялись идеи, изложенные в "Начертании". В документе говорилось о том, что из-за слабого развития путей сообщения Сербия "труднодоступна для некоторых стран". Это влияет на то, что Англия и Франция мало участвуют в сербских делах. Поэтому Сербия должна бороться за выход к Адриатическому морю, если же его не получит - искать поддержки среди соседних славянских народов. А по отношению к ним географическое положение было названо счастливым сразу по трем причинам. Во-первых, Сербское княжество имеет право претендовать на руководство всеми сербами (не только в силу исторических традиций, но и в силу того, что благодаря ему "все сербство" получило государственность для своей народности). Во-вторых, Сербия находится в самом центре региона, населенного в

основном братскими народами, которые все сильнее чувствуют, что они "родственны по языку, обычаям и нравам и как таковые имеют общие интересы. Это чувство народного единства все больше пробуждается среди сербов и всех южных славян". В-третьих, среди южных славян нет противоборства интересов, которое порождается существованием нескольких династий (как, например, у немецкого народа, имеющего многочисленные династии). Опасность для Сербии исходит только со стороны Михаила Обреновича.

Конкретно Зах предлагал избегать покровительства России, а также всего того, что может расстроить сербско-турецкие отношения с Портой. Сербскому княжеству ни в коем случае нельзя ускорять развал Турецкой империи, пока оно не будет в состоянии воспользоваться этим событием наилучшим образом. Когда же это все-таки произойдет, необходимо, используя поддержку Франции и Англии, воспрепятствовать разделу владений Турции между Австрией и Россией и создать новое независимое христианское государство. Говоря о национальной политике, Зах особенно останавливался на религиозных вопросах. Сербская церковь должна была полностью освободиться от влияния Константинопольской патриархии. Должны быть установлены хорошие отношения между государством и церковью, так как именно через церковь Россия пытается влиять на все государственные дела Сербского княжества. Среди католиков и мусульман Боснии и Герцеговины Сербия должна стараться проводить политику религиозной терпимости и тем же самым привлечь к себе католиков-границар.

Сохранился документ, свидетельствующий, что Гарашанин приступил к редактированию "Основных мыслей". Он брал из этого сочинения целые положения и кратко их формулировал. Но эта работа осталась незаконченной. В конце 1847 г. Гарашанин зачитывал "Основные мысли" князю Александру. Сведений о дальнейшей судьбе этого документа нет. По-видимому, он

потерял свою актуальность в связи с начавшимися революционными событиями в Воеводине.

В "Основных мыслях" по сравнению с "Начертанием" не было ничего принципиально нового. В. Вучкович, отвечая на вопрос: зачем тогда они были нужны, писал, что новый документ предназначался для более широкого круга лиц, в который включались и все министры Сербского княжества¹⁸.

Так или иначе, но "Основные мысли" показывают, что на протяжении 1844-1847 гг. внешнеполитическая программа Сербского княжества, сформулированная в "Начертании", оставалась неизменной.

2. Внешняя политика Сербского княжества в середине 1840-х годов

Наряду с широкими тайными планами, изложенными в строго законспирированных документах, правительство Сербского княжества должно было продолжать вести "официальную" внешнюю политику, которая, как и в предыдущий период, имела две основные задачи: укрепление позиций нового режима и пресечение любых попыток Обреновичей вернуться к власти.

В течение всего срока существования в Сербии режима уставобранителей сторонники бывшей правящей династии не прекращали борьбы за утраченные позиции. Не успели вожди уставобранителей Т. Вучич и А. Петрониевич вернуться в страну после ссылки, как был поднят мятеж, вошедший в историю под названием "Катанского бунта" и явившийся самой серьезной попыткой Обреновичей вернуться к власти. В ночь на 22 сентября 1844 г. несколько десятков всадников (всадник по-сербски - катана, отсюда и название этого бунта. - К.Н.), одетых в австрийскую военную форму, переправились из Австрии в Сербию и начали боевые действия. Руководил этим отрядом убежденный противник уставобранителей Стоян Йованович-Цукич, который арестовывался еще за участие в Смедеревском заговоре, но затем бежал.

Заняв почти без сопротивления города Шабац и Лозницу и увеличив свой отряд до 500 человек, Йованович направил его к городу Валево. Под угрозой военного поражения князь Александр был вынужден призвать на помощь Тому Вучича, присвоив ему специально введенное звание воеводы. Рассчитывая вновь выдвинуться на передний план в руководстве княжества, Вучич согласился принять "верховное командование"¹⁹.

Однако он не успел толком принять участие в разгроме повстанцев. Отряд Стояна Йовановича был разбит при первом же серьезном испытании, когда на подходе к Валево ему был дан отпор со стороны войск этого округа во главе с прибывшим из Белграда старым протоиереем Матией Ненадовичем. Вучич же в основном занимался расследованием этого мятежа, чрезвычайно жестоко расправившись с его участниками.

Таким образом, даже самая решительная попытка Обреновичей вернуться к власти не удалась. В самой Сербии у них уже не оставалось хорошо подготовленных организаций. Большинство народа в Сербии их также не поддержало. В свою очередь уставобранители перед лицом опасности смогли еще раз сплотиться, а два их лидера успели вернуться в страну.

Характерно, что Г.И.Данилевский, первым получивший известие о начале Катанского бунта, сразу же оповестил о нем сербское правительство. Благодаря этому оно смогло предпринять необходимые меры обороны. Правда, с другой стороны, российский консул, как и во время Смедеревского заговора, энергично хлопотал о помиловании осужденных участников нового мятежа²⁰.

Если до Катанского бунта Данилевский неоднократно добивался предоставления пенсий бывшим сербским министрам и советникам Михаила Обреновича, то теперь он писал бывшему министру Стефану Радичевичу, что в последний раз передал его прошение Петрониевичу и больше посредовать в этом деле не будет. Он подчеркивал, что выступает против любых интриг, направленных во вред

нынешнему сербскому правительству, так как оно "удостоено утверждения покровительствующего и владетельного дворов"²¹.

Австрия тоже открыто не поддержала выступление Йовановича, хотя оно и готовилось на ее территории и именно оттуда началось вторжение в Сербию. И, несмотря на то, что мятеж вопреки утверждениям самого Йовановича был делом рук не Михаила, а имевшего тесные связи с венским двором Милоша. Только старый князь мог в то время так энергично бороться с уставобранителями и жертвовать на это дело такие огромные средства²².

По указанным причинам сербское правительство заподозрило в организации Катанского бунта именно австрийскую сторону. Петрониевич говорил новому австрийскому консулу в Белграде Ф.Майерхоферу, что "заговор составил не без помощи австрийских властей и что поддерживал его Милош". Глава сербского правительства потребовал высылки из княжества наиболее опасных с его точки зрения австрийских подданных и удаления от границ в глубь Австрии замешанных в мятеже Стояна Йовановича сербских эмигрантов. Майерхофер ответил почти прямым отказом²³.

И в целом австрийское правительство сочло ноту Петрониевича "неприличной, как по заключающимся в оной выражениям, так в особенности потому, что сербское правительство, упустив из виду политическое значение Сербии, находящейся в совершенной зависимости от Оттоманской Порты, позволило себе обратиться к первоклассной державе с самыми высокомерными требованиями". Точку зрения Вены разделил Петербург, поручив Данилевскому сделать сербскому правительству замечание "за столь опрометчивый поступок"²⁴.

В Белград доносили из Венгрии, что будто бы едва пришло в Вену известие о Катанском бунте, как австрийское правительство вызвало на допрос князя Милоша, и Меттерних поручил ему заявлять, "что он о заговоре Йовановича ничего не знает и знать не мог, ибо

находился в отсутствии из Вены". Так или иначе, но в ответ на ноту Петрониевича австрийское консульство в Белграде предоставило письмо, в котором Милош отрекался от участия в мятеже против уставобранителей²⁵.

Хотя новый мятеж сторонникам уставобранителей организовать уже не удалось, они продолжали свою антиуставобранительскую деятельность. Через полтора года после Катанского бунта возник заговор свиноторговца из города Ягодина Мирчи Стояновича и его сына Йованчи ("Мирчин и Мирчичев заговор"), когда в апреле 1846 г. они как сторонники Обреновичей начали тайно агитировать за свергнутую династию в Ягодинском округе. Считается, что и этот заговор финансировался Милошем. Но скоро деятельность Стояновичей была пресечена из-за предательства. Другим местом активности сторонников Обреновичей была Босния. Там в интересах свергнутой династии действовали торговец Будимлич, священник Павле и гайдук Новак. Еще два человека из Боснии поддерживали связь с князем Милошем через Нови-Сад, где постоянно находился его брат Йован²⁶.

В разгар расследования дела о заговоре Мирчи Стояновича в середине 1846 г. Илия Гарашанин сообщил князю Александру о том, что в Болгарии в городе Видине турецкими властями арестован сербский торговец Тас Башкалфич. С ним было арестовано еще шесть человек. Все они обвинялись в намерении подготовить восстание болгар против турок. Причем это восстание в Видинском пашалыке должно было быть поднято также в интересах Милоша Обреновича²⁷.

В начале апреля 1847 г. командующий австрийскими войсками в Земуне Унгерхофер сообщил своему коллеге в Петроварадине Храбовскому о поездке в Белград Джордже Божиновича, который вел турецкую корреспонденцию князей Милоша и Михаила. Божинович приехал из Вены с письмом Милоша на имя Вучича и возвратился назад с ответом сербского воеводы. Затем Божинович с новым посланием Милоша приехал в Земун и уже оттуда послал с

доверенным лицом пистмо Вучичу. Для ответа князю Милошу вскоре в Земун пожаловал и сам Вучич. Унгерхофер добавлял, что никто, кроме старого князя, не в состоянии хорошо управлять Сербией, только Милош должен отказаться от желания править "абсолютистски и самовольно".

В то же время в пограничный воеводинский город Сремски-Митровицу приехал один из организаторов Катанского бунта Константин Богданович. Тогда же вблизи сербской границы был задержан, но затем отпущен сербский эмигрант Б.Михайлович; там же появлялся другой эмигрант Т. Хариш-Атанасиевич. Храбовский в конце апреля докладывал, что, учитывая роль К.Богдановича в событиях 1844 г. и появление на границе Т.Хариша и Б.Михайловича, можно прийти к заключению о подготовке какой-то акции против сербских властей в интересах князя Милоша.

В начале августа 1847 г. четверо сторонников Обреновичей переправились через Саву в надежде поднять восстание в Шабачком, Валеvском и Рудницком округах. Это были И.Йованович, Р.Павлович, Г.Рашкович и Ж.Драгойлович. Двое последних сразу же были арестованы. В середине августа через Дунай переправились Б.Михайлович, Л.Пеич и Ж.Ступаревич. Первый был тяжело ранен, попал в плен и вскоре умер; двое других - пойманы позже. В связи с этими событиями были значительно усилены пограничные кордоны и с австрийской, и с сербской стороны²⁸.

То, что в последних событиях оказался замешан Т.Вучич, было проявлением усилившихся раздоров внутри сербского руководства. Александр Карагеоргиевич, не желавший быть простой марионеткой, пытался, опираясь на Австрию и сложившуюся вокруг него камарилью (в основном из его родственников и австрийских сербов), ограничить всеислие уставобранителей. Первым из них в открытую оппозицию князю перешел Тома Вучич. В своей борьбе воевода был готов заручиться любой поддержкой, в

том числе и русской, так как рассчитывал на использование прорусских настроений крестьянских масс Сербии. Независимо от Вучича, в той или иной степени прорусской ориентации придерживались Стефан Стефанович-Тенка, Паун Янкович и Павле Станишич²⁹.

Если по отношению к Порте видные уставобранители и Александр Карагеоргиевич, исключая в известной степени Гарашанина, были одинаково лояльны, то по отношению к европейским державам среди них, как видим, уже не было единства. Остается добавить, что тот же Гарашанин возглавлял сторонников профранцузской и проанглийской ориентации во внешней политике.

Укреплению позиций Александра Карагеоргиевича способствовала встреча сербского князя с султаном Абдул Меджидом в мае 1846 г. в болгарском городе Казанлык. Султан принял князя подчеркнуто радушно, подарил ему свой портрет, украшенный драгоценными камнями, и дорогую саблю "во утверждение его княжеского достоинства". После этой поездки еще больше усилилось туркофильство сербского князя. К тому же на его сторону полностью перешел, порвав с Вучичем, второй лидер группировки уставобранителей, убежденный туркофил Аврам Петрониевич³⁰.

С другой стороны, на укрепление позиций сербского князя повлияла нормализация отношений Сербии с Россией. Уже в начале 1844 г. в княжество было разрешено отправить большую партию оружия, закупленного ранее Михаилом Обреновичем. К.В.Нессельроде писал новому посланнику в Константинополе В.П.Титову, что, "приняв в уважение, что обстоятельства, по коим вывоз оружия в Сербию был приостановлен, миновали", а также ходатайства Ливена, царь снял запрет на поставку вооружения³¹. Также была оказана помощь сербской православной церкви. По просьбе Данилевского в 1846 г. в Сербию были посланы церковные книги и принято оттуда на учебу в духовные семинарии Петербурга, Москвы и Киева шестеро молодых сербских священников. По мнению российского консула,

эта акция должна была помочь "оградить надежным образом православие сербского народа от того влияния, которое крадывается от католицизма из Австрии"³².

В 1845-1846 гг. Данилевский неоднократно сообщал в Петербург, что ему удалось почти полностью преодолеть бывшее после сербского кризиса неприязненное отношение к России Сербского княжества. По его словам, князь и члены правительства поддерживали с ним хорошие отношения и проявляли всевозможную предусмотрительность³³.

После посещения Александром турецкого султана и награждения его знаками отличия царское правительство, со своей стороны, в ноябре 1846 г. наградило сербского князя орденом Св. Анны 1-ой степени. Это было новым подтверждением легитимности князя Александра, так как точно таким же орденом до него награждались и все предыдущие сербские вожди: Карагеоргий, Милош и Михаил Обреновичи. По поводу вручения ордена Нессельроде писал Александру, что из донесений Данилевского в Петербурге знают о постоянных усилиях князя по "утверждению спокойствия и благосостояния сербского народа"³⁴.

Рост влияния царской дипломатии в Сербии стал вызывать опасения не только правительств Франции и Великобритании, но и Австрии. В июне 1846 г. Унгерхофер с тревогой сообщал, что на устроенный в те дни званый обед из всех иностранных представителей был приглашен один Данилевский. По словам австрийского генерала, это свидетельствовало о том, что "Россия опять заняла первое место в Сербии"³⁵. В известной мере Унгерхофер преувеличивал. Более того, под влиянием Австрии активизировалась княжеская камарилья, которой удалось в январе 1847 г. вытеснить из состава правительства двух русофилов: Пауна Янковича и Павле Станишича³⁶.

В 1846 г., стремясь использовать хорошие отношения с Портой для получения уступок, уставобранители поставили перед ней вопрос о приведении, наконец, в

исполнение хатти-шерифа от 1833 г. о выселении турок из княжества. Согласно хатти-шерифу, за пять лет турки должны были либо покинуть Сербию, либо поселиться внутри Белградской и других пяти турецких крепостей на территории княжества. Сербское правительство жаловалось, что срок давно прошел, но хатти-шериф не только не приведен в исполнение, "но напротив вопреки приказу с того времени множество турецких семей поселилось в Сербии"³⁷. Однако эта просьба сербского руководства не принесла никакого результата.

Другой уступкой, на которую рассчитывало сербское правительство, было получение от Порты фермана, узаконившего за Карагеоргиевичами наследственную княжескую власть. В августе 1847 г. член Совета и личный друг князя Александра Стеван Петрович-Кничанин разослал циркуляр всем окружным начальникам, видным государственным и церковным деятелям, в котором доказывал необходимость постановки перед Портой этого вопроса. Одновременно представители княжества в Стамбуле Л.Зубан и К.Николаевич тайно от России стали добиваться наследственной княжеской власти для Александра перед руководством Турции. Сербским представителям помогали дипломаты Великобритании и Франции, а также агенты Чарторьского³⁸.

Когда об указанных усилиях сербского руководства узнали в Петербурге, Porta была вынуждена запросить и мнение царского посланника В.П.Титова. Тот ответил формальным согласием, поскольку "императорский двор желает оказать внимание к законным правам верховного обладателя Сербии". Вместе с тем Титов указывал, что не следует торопиться, так как таковым признанием Порты, "с одной стороны, лишит себя через то средств для дальнейшего поощрения Александра к упрочению благосостояния Сербии, а с другой, в случае преждевременной его смерти подвергнет Сербию опасности быть жертвой внутренних раздоров и безначалия", вследствие малолетства княжеского сына³⁹.

Османская Порты, не стремившаяся давать Сербии новые права, быстро успокоилась и заявила Николаевичу, что она, "приняв в соображение, сколько разглашение порицательной интриги Кничанина может повредить репутации князя сербского и запутать дела в Сербии, решила оставить этот вопрос на некоторое время без дальнейшего хода"⁴⁰.

Вопрос о наследственной княжеской власти привел к определенному охлаждению отношений между Сербией и Россией. Петербург в то время не желал каких-либо изменений в правовом положении княжества, тем более, если их добивались за его спиной. Но в целом на отношения Данилевского с сербским руководством это не оказало существенного влияния. Так, в связи с празднованием Нового 1848 года князь Александр свой первый визит, несмотря на протест белградского паши, нанес именно российскому представителю. Данилевский сообщал, что "поведение главнейших старейшин продолжает быть правильным", что князь после бесед с ним также начал понимать "образ действий белградского паши и тех людей, которые под предлогом преданности ему сделали его сообщником интриги" по поводу наследственной власти. Петрониевич же дал сербскому представителю в Стамбуле Николаевичу строгое предписание не предпринимать никаких шагов перед Портой, "не испросив наперед наставлений российской миссии"⁴¹.

И все же, несмотря на убеждение Данилевского о полной расположенности к нему сербского руководства, России не удалось полностью вернуть свое влияние в княжестве. Заверяя на словах о верности императорскому двору, сербские политические деятели во главе с Гарашанином разработали, как упоминалось, внешнеполитическую программу "Начертание", прямо направленную в то время на ограничение русского влияния, а затем и приступили к ее реализации. Донесения Данилевского не позволяют сделать вывод о том, что России тогда было известно что-либо конкретное об этой

программе. Неведением истинного положения дел в Сербии отчасти и объяснялись оптимистические отчеты российского консула.

3. Первые мероприятия по реализации внешнеполитической программы

Уже в 1845 г. Гарашанин разослал по соседним с Сербией областям своих агентов, которые по возвращении должны были сделать отчет об увиденном. Задачи этих агентов были определены в "Начертании": 1) узнать о политическом положении земли, обращая особое внимание на различные партии, тайное желание народа и его первейшие потребности; 2) узнать о военном положении земли, боевом духе и вооружении народа; 3) составить список и дать характеристику самым влиятельным людям, включая и врагов Сербского княжества; 4) узнать, что в каждой из этих земель думают о Сербии, чего от нее ожидают, а чего боятся⁴².

Агенты Гарашанина к началу 1846 г. вступили в близкие и доверительные отношения с различными деятелями соседних земель, главным образом в тех районах, которые по "Начертанию" должны были быть присоединены к Сербии - в Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании.

В Боснии и Герцеговине прежде всего предусматривалось привлечь на свою сторону не только православных сербов, но и католиков. Для этого в программе и был провозглашен принцип свободы вероисповедания. Причем, опасаясь влияния католической Австрии, Гарашанин специально оговаривал важность сотрудничества с боснийскими францисканцами. Этот умеренный католический орден имел среди боснийских католиков сильные позиции и в тот момент вел ожесточенную борьбу со ставленником австрийского правительства епископом Рафаэлом Баришичем. Конфликт возник еще в 1832 г. после назначения епископа в Боснию. Баришич сразу же попытался сконцентрировать в своих

руках всю власть над католическим населением этой провинции, ограничивая при этом традиционную автономию францисканцев. Возникший конфликт, вошедший в историю под названием "Баришичева афера", длился 14 лет и закончился отставкой амбициозного клерикала в 1846 г.

С начала 40-х годов борьба францисканцев с Баришичем достигла кульминации. Многие францисканцы пытались найти поддержку в этом противостоянии то среди деятелей иллирийского движения в Хорватии, то среди сторонников активной национальной политики в Сербии. Так, в апреле 1845 г. в Белград приехали два францисканца Филип Пашалич и Степан Марянович. Благодаря содействию своего старого друга, тоже францисканца, Томы Ковачевича (служившего в сербском министерстве иностранных дел с 1842 г.) они встретились с некоторыми сербскими государственными деятелями, в том числе с заместителем Гарашанина Р.Дамьяновичем. Кроме Пашалича и Маряновича, в Белград приезжали в то время францисканцы Блаж Йосич, Иво Франьо Юкич, Мартин Недич и др. Всем францисканцам в княжестве была оказана материальная помощь. А некоторые из них вскоре стали агентами гарашаниновской тайной деятельности.

Когда Ф.Пашалич в 1846 г. отправился в Стамбул, чтобы привлечь Порту на сторону своего ордена в борьбе с Баришичем, один из виднейших соратников Гарашанина Матия Бан наставлял его искать поддержки также и среди представителей польской эмиграции. По мнению Бана, искать опоры надо среди тех, "кто может и хочет помогать нашему народному делу, а это - в первую очередь - поляки". Бан говорил также, что поляки имеют хорошие связи не только с турецким правительством, но и с дипломатическими представителями Франции и Англии. Единственно, что нас различает, сетовал Бан, так это то, что поляки "не хотят знаться с русскими, а мы хотим, но только при условии, если останемся полными хозяевами в своем доме"⁴³.

Среди православного населения Боснии и Герцеговины Гарашанину тем более удалось найти сторонников своей деятельности. Так, в Герцеговине связь поддерживалась с мостарскими торговцами. От них сербское правительство регулярно узнавало о расположении герцеговинского населения и в результате этих донесений пришло к выводу, что, когда будет нужно, герцеговинцы тут же поднимутся против турок. В Боснии Гарашанин привлек к сотрудничеству некоего торговца Ристо Богдановича из Сараево. Этот торговец переселился затем в Брод, где на самом бойком месте открыл кофейню, в которой останавливались торговцы, иностранные агенты и т.п. Обо всем услышанном и увиденном Богданович тут же сообщал в Белград. После его смерти дело продолжил сын торговца Стево, также ставший доверенным лицом И.Гарашанина⁴⁴.

Важное место в "Начертании" отводилось отношениям Сербского княжества с другим (фактически независимым) сербским государством - Черногорией. Во внешнеполитической программе предполагалось послать в расположенный на адриатическом побережье город Улцинь торгового агента. Он должен был наладить в этом районе сербскую торговлю, что облегчило бы в дальнейшем получение княжеством выхода к морю. Также предполагалось, по примеру России, оказывать черногорскому владыке необходимую ежегодную помощь, чтобы "за малую цену иметь дружеское расположение страны, которая может выставить не менее 10 тыс. воинов-горцев"⁴⁵.

Связь с черногорцами пытался установить еще Ф.Зах. Приехав в Сербию, он жаловался Чарторыскому, что контакты с Черногорией чрезвычайно затруднены и что он не знает никого, кто бы переписывался с владыкой Петром II Петровичем Негошем. Поэтому Зах сам собирался поехать в Цетинье, но этому помешало известие о посещении Негошем Вены. Сербское правительство было недовольно этим визитом, так как опасалось, что владыка мог попытаться заручиться поддержкой России, Австрии или

Милоша Обреновича. Не сумевший посетить Черногорию, Зах предложил Гарашанину послать туда специального агента-наблюдателя. В письмах к Чарторыскому польский агент обвинял Гарашанина и временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел Сербии А.Симича в недостаточной активности. Наконец, в Цетинье был послан боснийский францисканец Стефан Веркович. Однако Зах был недоволен выбранной кандидатурой. Он считал, что православному митрополиту Негошу может не понравиться, что на переговоры с ним прибыл католик. По мнению Заха, Верковича было целесообразнее использовать для связи с католиками-албанцами⁴⁶.

Вскоре в Сербии узнали, что поездка Петра II в Вену закончилась безрезультатно. Он ездил в связи с захватом албанскими мусульманами во главе со скадарским пашой двух черногорских островов на Скадарском озере. Для ответных действий владыка пытался приобрести в Вене огнестрельное оружие за счет российских пособий. Однако в российском посольстве ему было заявлено, что "Россия, находясь в приятных отношениях с Портой Оттоманской, не будет содействовать ему в военных предприятиях против подданных султана", но, если Негош "подчинится необходимости терпеливо ждать законного разрешения его домогательства", то царский посланник в Константинополе сделает турецкому правительству "представление о возвращении отнятых албанцами островов"⁴⁷.

Используя удобный момент, Зах предложил сербам самим послать черногорцам необходимые деньги. С этой миссией в Цетинье был послан серб из Хорватии, бывший офицер австрийской армии Стеван Х(е)ркалович. Еще в 1837 г. он с намерением основать военную школу приехал в Белград и с 1843 г. был на службе у сербского правительства. Херкалович являлся сторонником иллиризма, поддерживая постоянную переписку с лидером этого движения Людевитом Гаем. В Цетинье этого сербского посланника ожидал радушный прием. Негош сообщил ему, что

Обреновичи плетут интриги против княжества, что князь Михаил хотел даже приехать в Черногорию, но не получил от него разрешения. Херкалович передал владыке первую денежную помощь от сербского правительства в размере 1000 дукатов⁴⁸.

По-видимому, именно в это время Петр II Петрович начал склоняться к совместной деятельности с Сербским княжеством. Наряду с сербским правительством в этом направлении на владыку влияли и польские эмигранты. Так, еще в 1843 г. Чарторыский послал в Цетинье своего агента Станислава Станиславчика. Активно воздействовали на владыку поляки и во время посещения Негошем Вены.

Но воспринятая и уставобранителями антирусская направленность польских советов не могла получить полной поддержки в русофильской Черногории. Специальный представитель Людевита Гая в Сербском княжестве Степан Цар, рассказывая Заху о своем посещении Цетинье, подчеркивал неизменные горячие симпатии черногорцев к России и в качестве одного из главных сторонников прорусской ориентации в Черногории называл секретаря Негоша Димитрие Милаковича. Вообще, по словам Цара, черногорцы всех приезжавших к ним славян считали русскими, а его самого из-за бороды принимали за казака. О Д. Милаковиче хорошо отзывался и наставник племянников Негоша И. Джакович, приехавший в Белград в апреле 1845 г. и познакомившийся там с М. Баном⁴⁹.

О более подробных планах получения Сербией выхода к Адриатическому морю позволяет судить статья, появившаяся в апреле 1847 г. в официальной газете княжества "Србске новине". Авторство этой статьи, которая называлась "Несколько слов о нашей морской торговле и пути к морю", приписывается Александру Васоевичу. Он был сыном известного авантюриста Николы Васоевича, пытавшегося еще в 1841 г. при содействии польской эмиграции основать на территории между Сербией и Черногорией независимое государство "Холмию". В упомянутой статье указывалось, что только те страны в

состоянии вести большую торговлю, которые имеют выход к морю. Необходимый для Сербии выход к Адриатике задумывался Александром Васоевичем по территории княжества от Белграда через Крагуевац до Рашки, а далее по турецким владениям до Скадара и Улциня. До Рашки дорогу должно было прокладывать сербское правительство, а далее - Порты, "которая дороги во всем своем государстве в лучшее состояние привести желает"⁵⁰.

Наконец, согласно "Начертанию", была развернута деятельность в Северной Албании (районе, который примыкал и частично совпадал с исторической Старой Сербией). Этот район, как и Черногория, был важен в связи с планами получения выхода к морю. Как известно, Албанию населяли мусульмане, православные и католики. Большинство в течение XIX в. составляли уже албанцы-мусульмане (до 58%). Православная церковь Албании, зависевшая от Константинопольской патриархии, основные свои позиции имела на юге страны, а на севере (именно через эти области должна была проходить задуманная сербским правительством дорога к адриатическому побережью) основную массу населения составляли два католических племенных объединения - мирдитов и мальсоров. Они упорно сопротивлялись все усиливающейся исламизации проводивших централизаторскую политику османских властей, вели постоянную борьбу за сохранение своей традиционной автономии⁵¹.

В Северной Албании связь была установлена с католическим священником славянского происхождения Доном Карлом - Гаспаром (Йоштаром) Красничи. Он неоднократно бывал в Белграде, где контактировал прежде всего с М.Баном. Албанский священник стал главным действующим лицом по вовлечению албанцев-католиков в совместную борьбу против Турции. Будучи доверенным человеком мирдитского вождя Биб Доды, Красничи добился от него согласия на сотрудничество с сербами. Биб Дода пошел на этот союз при условии, что в будущем созданном сербами государстве мирдиты сохранят свою автономию и

свободу вероисповедания. Кроме того, Красничич вел регулярную переписку на латинском языке с И. Гарашанином⁵².

Таким образом, к 1848 г. в Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании были в основном налажены приготовления по организации в этих землях более активной политической деятельности. Везде у Гарашанина теперь появились сторонники, сообщавшие ему о положении дел и о перспективах дальнейшего сотрудничества.

Отдельно следует сказать о Болгарии. В "Начертании" этой стране было уделено достаточно много места. По отношению к ней ставились следующие задачи: 1) обучить часть болгарской молодежи в сербских школах; 2) обучить также некоторое число болгарских юношей богословию с тем, чтобы они затем в Болгарии боролись с засильем греческого духовенства; 3) печатать для болгар церковные и светские книги, так как "это важное средство Россия уже давно использует, и Сербия должна думать, как ее здесь обогнать"; 4) послать в Болгарию сербских агентов, "которые бы внимание болгарского народа обратили на Сербию и пробудили в нем дружеские к ней чувства, а также оживляли надежду на то, что Сербия действительно готова прийти к болгарам на помощь в их борьбе за освобождение"⁵³.

Начало деятельности Сербского княжества по привлечению на свою сторону болгар совпало с активизацией борьбы болгарского народа против Константинопольской патриархии, за независимую национальную церковь. Эту борьбу вели находившиеся в Стамбуле известные деятели болгарского возрождения архимандриты Неофит Бозвели и Иларион Макариопольский. В болгарские дела вмешивалось также правое крыло польской эмиграции. Причем помощь, которую она оказывала болгарам в церковном вопросе, несла в себе и негативные моменты. Так, поляки внушали болгарам связывать свое освобождение лишь с возможными

реформами в Османской империи, а кроме того, вели активную католическую пропаганду среди них и других южных славян. Тайно поляки надеялись создать основы для расширения унии двух христианских церквей при безусловном доминировании католицизма. В письмах к папе римскому Чарторыский обращал его внимание на возможность расширения католицизма среди славян, включая и болгар. Для этого еще в 1842 г. представители польской эмиграции открыли в Пловдиве одно училище, а в июне 1844 г. в Тырново был послан постоянный агент Чарторыского в Болгарии Станислав Дроздовский⁵⁴.

Движению болгар за народную церковь стал оказывать содействие и И.Гарашанин, познакомившийся с этим вопросом во время своего вынужденного пребывания в Турецкой столице в 1840-1841 гг. В Стамбуле же Неофит Бозвели поддерживал отношения с тогдашним сербским представителем Лазаром Теодоровичем, а через болгарского учителя Косту Огняновича - с Михаилом Чайковским. С конца июня 1844 г. Бозвели установил также почти непосредственную связь с уставохранителями через своего ученика Хрисанта Йовановича, уехавшего учиться в Сербское княжество⁵⁵.

С помощью польских эмигрантов и сербов Бозвели и Макариопольский в 1845 г. ходатайствовали перед турецкими властями, чтобы: 1) в болгарские земли назначались епископы из болгар; 2) епископам платилось определенное жалованье; 3) епископы избирались и смещались народом; 4) болгары для непосредственной связи с Портой имели своих представителей в Константинополе; 5) в Константинополе была построена болгарская церковь, возглавляемая епископом из болгар. Но связи Бозвели и Макариопольского с поляками были использованы Константинопольской патриархией для их дискредитации в глазах России. Греки убедили В.П.Титова в намерении архимандритов насадить в Болгарии католицизм. Такое обвинение имело некоторое основание: болгарские деятели проживали в Стамбуле в католическом монастыре, а

Илларион Макаринопольский одно время склонялся к принятию унии. Опираясь на поддержку российской дипломатии, патриархия, не дожидаясь даже решения Порты, арестовала болгарских архимандритов и отправила их в заточение на Афон, где Неофит Бозвели умер в 1848 г.⁵⁶

Особенно активно проявилось сербско-болгарское сотрудничество в обучении болгарской молодежи в княжестве и в печатании болгарских книг в белградской типографии. Первым болгариним, приехавшим учиться в Сербию, был упомянутый молодой дьякон Хрисант Йованович. В октябре того же 1844 г. в княжество приехал другой соратник Бозвели архимандрит Максим Райкович. Это был уже пожилой человек, но и он использовал время, проведенное в Белграде, для повышения своего образования. По его рекомендации в начале следующего года в Сербию приехал учиться монах Аверкие Петрович, а затем еще один болгарин - Джордже Попстефанович. Причем все их дорожные расходы оплачивались из сербской казны⁵⁷.

Более широкие контакты между сербами и болгарями стали устанавливаться после поездки князя Александра в Казанлык на встречу с султаном. Там Александр со своей свитой встречался также с представителями болгар и дал им обещание принимать в сербские школы болгарскую молодежь. Это подтолкнуло многих болгар отправиться в Белград. Александр Карагеоргиевич вел себя в Болгарии и как щедрый жертвователь. Он дал по 100 дукатов на завершение строительства: школ в Рушукe и Пловдиве и церкви на Шипке, а также 50 дукатов - на ремонт источника у одного из монастырей⁵⁸.

Многие из обучавшихся в Сербии болгарских юношей получали от министерства просвещения стипендии, бесплатное жилье и питание. Сначала деньги выделялись в индивидуальном порядке, но, когда количество обучавшихся увеличилось до 5-7 человек, средства на эти нужды стали ежегодно отпускаться уже из государственного бюджета⁵⁹.

В это же время началась широкая деятельность по печатанию книг на болгарском языке в белградской типографии. Наиболее активно в этом деле участвовали болгары, приехавшие в Сербию на учебу или специально для издательской работы: И.Богоров, Х.Павлович, Н.Карастоянович и др.⁶⁰

Печатание книг в Сербии на болгарском языке вызывало недовольство Константинопольской патриархии. Еще в 1841 г. она потребовала от сербского митрополита Петра Йовановича воспрепятствовать распространению евангелия на болгарском языке. Церковные книги, написанные или напечатанные не на греческом или церковнославянском языках, рассматривались в то время патриархией как ересь. В августе 1845 г. константинопольский патриарх Мелетий потребовал у сербского митрополита прекращения печатания не только церковных, но и светских книг на болгарском языке, если они не прошли предварительно патриаршей цензуры. Петр отвечал, что церковные книги он просматривал сам, а светские - сербская гражданская цензура. Характерно, что жесточайшая цензура уставобранительского режима внутри страны совсем не препятствовала печатанию и распространению книг, предназначенных для болгар. Более того, сербское правительство материально и морально поддерживало эту деятельность⁶¹.

Таким образом, в указанный период сербским правительством была развернута активная культурно-просветительская деятельность в соседней Болгарии. Эта деятельность должна была направить национальные устремления болгар в русло внешней политики Сербского княжества. Многие из приехавших в Сербию болгар стали в последующий период агентами развязанной И.Гарашанином политической пропаганды. Работая учителями, священниками, разъезжая по стране в качестве книготорговцев, они были наиболее удобными людьми для этих целей.

Однако следует сказать и о другом. С самого начала тайная деятельность сторонников Гарашанина, направленная в конечном счете против Османской империи, находилась в противоречии с официальным туркофильством сербских властей. Дело доходило до того, что они не только не поддерживали выступления против турок соседних южнославянских народов, но даже выдавали туркам пытавшихся скрыться в Сербии участников этих выступлений⁶².

Это приводило к тому, что, не находя опоры в Сербии, южные славяне и прежде всего население Боснии и Болгарии (двух наиболее взрывоопасных районах европейских владений Турции) в определенной степени стали ориентироваться на сербскую эмиграцию во главе с Милошем и Михаилом Обреновичами. Так говоря о Болгарии (но это справедливо и для Боснии), М.Экмечич приводит пример сотрудничества обреновичевской оппозиции с малоизвестной организацией "Новая Болгария" ("Болгарская гетерия") и показывает, что на всем протяжении времени до 1848 г. во взаимоотношениях между сербами и болгарам у "легитимистской и реформистской" политики Сербского княжества, основанной на концепции Чарторыского-Гарашанина по постепенному преобразованию Османской империи, существовал мощный конкурент в лице "более революционной" политики сторонников Обреновичей⁶³.

4. Деятельность "тайного демократического панславянского клуба"

Приехав в конце 1843 г. по заданию Чарторыского в Белград, Зах сразу же начал собирать вокруг себя не только патриотически настроенных сербов из княжества, но и единомышленников из других славянских стран. Их советами и консультациями он пользовался при написании своего "Плана". Так, исключенную затем Гарашанином главу о Хорватии Зах написал при содействии Степана Цара, которого сумел убедить в необходимости совместной

деятельности сербов и хорватов. Со своей стороны, Цар заверял польского представителя, что "иллирийская партия" понимает важность объединения южных славян, но недостаточно сильна, чтобы самой решить эту задачу. По словам Царя, иллиризм охватил не всех южных славян, а только Хорватию, Далмацию и Воеводину, и теперь, как полагает и лидер этого движения Л.Гай, следует совместные сербско-хорватские усилия направить на Боснию. Она должна стать "тылом", используя который, можно начать борьбу и с самой Австрией. Согласно договоренностям между Захом и Царом, центром южнославянской деятельности становился Белград. В этом городе должны были находиться представители всех южнославянских земель, которые бы имели связь с сербским правительством. Цар передал также польскому агенту список видных деятелей иллирийского движения и получил от него деньги на поездку на Военную Границу. По возвращении в Белград Цар должен был рассказать Заху о положении дел и в этой области⁶⁴.

Одним из ближайших соратников Гарашанина и близким человеком Заху стал упоминавшийся уже дубровчанин Матия Бан. В молодости он был францисканцем, а затем уехал в Стамбул, где преподавал западноевропейские языки. Как и многие другие проживавшие в турецкой столице учителя из южнославянских земель, Бан попал под влияние польских эмигрантов и по их рекомендации в конце августа 1844 г. был приглашен в Сербию преподавателем французского языка для дочерей князя Александра. Но приехал Бан в Белград уже как убежденный сторонник южнославянского единства⁶⁵.

С помощью Заха Матия Бан завязал контакты с другими сторонниками этой идеи, в результате чего в столице княжества образовалось тайное общество, которое вошло в историю под не совсем точным названием - "тайный демократический панславянский клуб". (Название принадлежало доносившим о деятельности этого общества

австрийским дипломатам, которым в любой совместной деятельности южных славян мерещились демократия и панславизм.) Первыми членами тайного клуба, помимо Заха и Бана, стали ученый из Словакии Янко Шафарик, Стеван Херкалович и Пая (Павао, Павле) Чавлович из Хорватии, боснийский францисканец Тома Ковачевич, австрийский серб Милош Попович, а также серб из княжества Милан Давидович⁶⁶.

В декабре 1844 г. М.Бан писал своему земляку и учителю Александру Бановичу, что патриоты, находящиеся в Белграде, "поклонились сделать Сербию вождем всех южных славян. Ибо плохо, что сербы из княжества ограничивают свой патриотизм рамками своего государства, а австрийские сербы - своего, и про других южных славян ничего не знают и ими не интересуются. Нужно расширить взгляды сербского народа в этом отношении". Тайный клуб направлял свою общественную деятельность на пробуждение славянской солидарности как основы для подготовки освободительной борьбы южнославянских народов. Эта деятельность (например, в литературной области по сближению славянских языков) постепенно приобретала все более ярко выраженный политический характер⁶⁷.

Тайное общество было создано, хотя и не по заданию Гарашанина, но с его ведома. Как сообщал Бан тому же Бановичу, влиятельный сербский государственный деятель оказывал обществу "защиту и помощь". Со своей стороны, многие члены "тайного демократического панславянского клуба" пытались совмещать работу в нем с участием в политической деятельности по реализации программы "Начертания". Кроме Гарашанина, благосклонно относился к обществу князь Александр, свое покровительство обещал и влиятельный член Совета Стеван Кничанин⁶⁸.

Тайное общество активно вербовало новых сторонников. Из сербов княжества в него уже к маю 1845 г. вступило десять человек, среди которых был и молодой Миливое Петрович-Блазнавац (в будущем видный

государственный деятель Сербии). В общество вступили также австрийские сербы Исидор Стоянович и Милош Теодорович, боснийские францисканцы Филип Пашалич и Степан Марьянович. Всего в мае месяце оно насчитывало уже 24 члена⁶⁹.

Вскоре после приезда в Белград в работу тайного общества включились также болгары Х.Йованович и М.Райкович. Так, дьякон Йованович перевел на болгарский язык брошюру М.Бана "О югославянстве", а архимандрит Райкович распространял этот перевод между своими друзьями и знакомыми по возвращению в Болгарию в 1848 г. В деятельности общества принимал участие еще один болгарин, бывший воспитатель князя Михаила Константин Ранос-Райнов. Его перу принадлежали две книги, также предназначенные для распространения в Болгарии. Первая книга была написана на сербском, греческом и турецком языках и была адресована образованным болгарам; вторая - на болгарском языке с целью показать болгарским авторам, как нужно писать, чтобы "болгарский язык приблизить к сербскому и со временем эти два языка слить в один общий южнославянский литературный язык". Это было прямым отражением языковых концепций членов тайного общества и прежде всего М.Бана, который, хотя открыто и не выступал против реформы Вука Караджича, но верил в создание общеславянского языка. Так, в 1847 г. Бан написал сочинение "Основы славянского языка", предвидя в нем даже слияние латиницы и кириллицы⁷⁰.

Члены "тайного демократического панславянского клуба" пытались наладить выпуск сербской газеты в Константинополе. Об этом Бан просил похлопотать перед Портой нового представителя Сербского княжества в Турции Константина Николаевича в 1846 г. Бан считал, что Константинополь - это именно то место, откуда можно осторожно, не возбуждая подозрения турецких властей, распространять идеи общества на всех южных славян. Идею с газетой одобрил Гарашанин. Ее редактором был назначен член тайного общества, преподаватель торговой школы

Драгутин Голуб, которому было положено жалованье в 400 грошей. В 1847 г. К. Николаевич добился от Порты разрешения на издание газеты, но она так и не начала выходить. В конечном счете этому помешали революционные события 1848-1849 гг.⁷¹ Членами тайного общества строились планы создания в Белграде театра, призванного также служить распространению национальных идей. Велась деятельность по привлечению молодежи.

В то время, в 1846 г., в княжестве как раз образовалась первая молодежная организация - "Душанов полк". Ее создали учащиеся гимназии, отрицательно воспринимавшие протурецкую ориентацию князя Александра Карагеоргиевича. Патриотической молодежи больше нравился молодой и образованный Михаил Обренович, которого они считали борцом против турецкого господства. Эта молодежь особенно негодовала, когда стало известно, что в Казанлыке князь Александр упал перед султаном на колени и поцеловал его туфли. Члены "Душанова полка" полагали, что князь вместо того, чтобы повторить подвиг Милоша Обилича, опозорил всех сербов и уже недостоен престола. Однако ничего конкретного эта организация предложить не успела и, просуществовав несколько месяцев, распалась в связи с летними каникулами.

В 1847 г. возникла новая организация - "Дружина сербской молодежи". Причем среди ее основателей были и члены "Душанова полка" - Еврем Груич и Петр Протич-Соколянин. В "Дружину сербской молодежи" входили в основном учащиеся высшего учебного заведения Сербии - Белградского лицея. Первоначально организация занималась преимущественно литературной деятельностью, установив связи с обществами сербских учащихся в Австрии. Так, например, Белград посетил председатель общества сербских учащихся в Братиславе Светозар Милетич, и Груич ввел его в свою "Дружину"⁷².

Связи между "тайным демократическим панславянским клубом" и организованной серской

молодежью осуществлялись через Матию Бана и его младшего брата Джуро, также приехавшего из Дубровника и поступившего на философское отделение Белградского лицея. Е. Грунич регулярно докладывал М. Бану о положении дел в "Дружине сербской молодежи" и получал от него наставления и финансовую помощь. Осенью 1847 г. Бан писал, что трехлетняя работа привела к тому, что сербская молодежь включилась в борьбу за славянскую идею⁷³.

Но все же главным для южнославянского клуба была деятельность, направленная на сближение позиций патриотически настроенных сербов и сторонников иллиризма в Хорватии. Тайному обществу удалось наладить выпуск в Белграде нелегального иллирийского еженедельника "Бранислав" - первой газеты, печатавшейся в княжестве латинским шрифтом. Ее главным редактором стал Пая Чавлович, которого замещали иногда М. Бан и Я. Шафарик. Статьи для "Бранислава" писал и находившийся в Загребе видный деятель иллирийского движения Богослав Шулек. Всего за 1844-1845 гг. вышло 14 номеров этого издания. Ф. Зах доносил М. Чайковскому в ноябре 1844 г., что "хорваты начали печатать в Белграде газету. Следовательно, сербское правительство ухудшает отношения с Австрией. И это - хорошо, так как хорватов приблизит к Сербии"⁷⁴.

Печатавшийся в Белграде "Бранислав" затем тайно переправлялся в Воеводину. Этим занимался приехавший в Сербию по делам боснийских францисканцев сторонник иллиризма граф Альберт Нугент (сын известного австрийского генерала, воевавшего еще с Наполеоном). Он встречался с членами тайного общества Захом, Чавловичем, Херкаловичем, Стояновичем, а также начальником княжеской канцелярии Т. Кнежевичем. Зах представил Нугента Гарашанину, а Кнежевич - князю Александру. Последнему Нугент обещал отказаться от названия "иллир", хотя оно и принесло хорватам много пользы и стало как бы знаменем всего движения. При распространении "Бранислава" Нугент использовал хорватский пароход

"Слога". Когда же австрийские власти в Земуне запретили графу въезд в Австрию, доставкой газеты занялся капитан парохода чех Иван Хавличек⁷⁵.

Франьо Зах приложил много усилий, чтобы обеспечить непосредственные контакты лидера иллирийского движения Людевита Гая с сербскими государственными деятелями. В это время Гай трижды приезжал в Сербию. Первый раз он посетил князя Александра, Петрониевича и Гарашанина в апреле 1846 г. в Крагуеваце. На обратном пути в Белграде Гай вел длительные переговоры с Ф.Захом, из которых польский агент вынес, что до этой поездки сторонники иллиризма больше рассчитывали на Михаила Обреновича, но теперь окончательно склонились к сотрудничеству с Александром Карагеоргиевичем. На это повлияла и финансовая помощь сербского правительства в размере 392 дукатов золотом. Так как Гай ездил с разрешения австрийских властей, то ему при помощи Заха пришлось составить специальное донесение. В нем, не упоминая, естественно, об идее южнославянского сотрудничества, Гай писал о том, как Австрии легче добиться расположения южных славян. Он упоминал о Захе, подчеркивая его антирусскую активность и определенные якобы симпатии к Вене. За это донесение Людевит Гай получил денежное вознаграждение еще и от австрийского правительства⁷⁶.

О второй поездке лидера иллирийского движения летом 1846 г. известно мало. Зах сообщал в Париж, что беседовал с ним о недавнем восстании в Галиции, которое Гай осуждал. Лидер иллирийского движения был недоволен также недостаточной помощью сербского правительства. Зах объяснял ее задержку проносками окопавшихся в сербском руководстве австрийских сербов - главных противников сближения с хорватами. Об этой встрече Зах сообщил также Петрониевичу и князю Александру. Но понимания уже не было. Александр, ссылаясь на начальника своей канцелярии Кнежевича, заявил, что иллирийское движение служит в основном австрийским интересам⁷⁷.

Третья поездка Л.Гая в Сербию состоялась летом 1847 г. В Белграде он сообщил Заху о намерении издавать кириллицей в своей типографии в Загребе иллирийскую газету "Народне новине". Гай снова просил помочь составить донесение австрийскому правительству, а затем уехал к сербскому князю в Крагуевац. Там он ничего реального не добился и уже на следующий день вернулся в Белград. Он снова жаловался Заху на неудачу, особенно в деле получения финансовой помощи⁷⁸.

Из других деятелей иллиризма в Белград в августе 1847 г. с намерением просить место капеллана в католической часовне при австрийском консульстве приезжал лидер этого движения в Славонии Мато Топалович. Бан отговорил его от этой идеи. Он считал, что такой ревностный католик принесет общему делу больше вреда, чем пользы. "В Белграде, - писал Бан, - нам нужен человек с более холодной головой, но с таким же патриотизмом." Тогда же в княжестве побывал Матия Мажуранич, младший брат видных деятелей иллирийского движения в Хорватии Антуна и Ивана Мажураничей. Он сразу завязал контакты с членами тайного общества, а через них познакомился с Гаршанином и другими сербскими руководителями. Позже в Белград приехал и Антун Мажуранич. Он также познакомился с членами тайного общества и сербскими руководителями, а затем вместе с Драгутином Голубом отправился в поездку по Сербии⁷⁹.

Деятельность тайного общества, направленная на укрепление сербско-хорватских связей, протекала в сложной обстановке. Это особенно проявилось после основания С.Херкаловичем (с помощью торговца М.Йокича) в конце 1845 г. библиотеки, которую члены "тайного демократического панславянского клуба" предполагали использовать как место своих встреч. В эту библиотеку сразу записались Я.Шафарик, М.Бан, П.Чавлович и др. Но ее существование вызвало недовольство у многих в княжестве и прежде всего у выходцев из Австрии. М.Анастасиевич, Р.Дамянович, Е.Вуйкалович, Т.Кнежевич обвиняли

читателей библиотеки в пропаганде в Сербии иллиризма и католицизма. В противовес библиотеке Херкаловича они основали Читалиште - свою собственную "истинно сербскую и православную" библиотеку. Ф.Зах не записался ни в одну из библиотек, так как симпатизировал обеим, и в обеих имел приятелей. Тем не менее он помогал Херкаловичу, Бану и их товарищам, поддерживал их библиотеку, поскольку она все же больше соответствовала его южнославянской концепции. Однако позже, когда Зах убедился, что большинство сербов поддерживают Читалиште, он не только записался в эту библиотеку сам, но и советовал другим членам тайного общества последовать своему примеру. В конце концов это и произошло, и накануне революционных событий 1848-1849 гг. в Белграде существовало уже только Читалиште⁸⁰.

Эта борьба вокруг учреждения в Белграде библиотеки, как и нежелание сербского правительства сотрудничать с Гаем, показывают, что в Сербском княжестве были многочисленные противники иллирийского движения в Хорватии. Й.Стерия-Попович Й.Евтимович, А.Николич и их единомышленники публиковали в прессе статьи, в которых яростно критиковали членов тайного общества и прежде всего в вопросах языка и правописания. Но, как отмечал сам М.Бан, конфликт носил политический характер. Одной из трибун критики иллиризма стала "Подунавка" - приложение к газете "Србске новине". На отдельных лиц начались гонения в служебном плане. Например, Й.Стерия-Попович, будучи министром просвещения Сербии, перевел преподавателя белградской гимназии М.Теодоровича (переводчика книги идеолога словацкого национального возрождения Яна Коллара "О взаимности славян") в крагуевацкую полугимназию. И это, по мнению Стерии-Поповича, было чересчур легким наказанием за "распространение славянской идеи среди молодежи"⁸¹. Против южнославянского тайного общества выступил и Тома Вучич, одинаково не любивший и

австрийских сербов. Этот почти безграмотный шумадиец мечтал о воссоздании патриархальной Сербии⁸².

Вся эта борьба являлась отражением складывавшихся трех точек зрения, трех идеологических концепций в отношении перспектив развития княжества: узкосербской (развитие в рамках существующих границ, то есть фактически в рамках Шумадии); сербской или великосербской (объединение сербских земель) и южнославянской (объединение сербов с другими южными славянами). Члены тайного общества придавали большое значение связям с деятелями иллирийского движения для вовлечения хорватов в совместную с Сербией борьбу. Но идеи иллиризма не получили в княжестве значительной поддержки. Идея австрийского "славизма" пришла в противоречие с идеей сербской национальной самостоятельности. Причинами этого были как слабость Сербии, видевшей в иллиризме угрозу перенесения центра притяжения южных славян (прежде всего населения Боснии и Герцеговины) в Австрию, так и одновременно сильное развитие сербского национального самосознания, религиозные противоречия и т.п.

Последнему особое внимание уделяет М.Экмечич. Он считает, что членов тайного славянского общества неправомерно называть сторонниками иллиризма. По мнению известного историка, они являлись представителями "либерального католицизма" в Хорватии, в отличие, например, от "консервативного католицизма" Австрии. Поэтому нужно говорить не о недоверии сербов к югославянскому характеру хорватского национального возрождения, а о том, что они сомневались в либеральном характере хорватского католицизма. Именно неверие в "либеральный католицизм" хорватов побудило Гарашанина отказаться от включения главы о Хорватии в окончательный текст "Начертания"⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vičković V.* Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašaninovu "Načertaniju" // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo.* 1957. № 1. S. 35; см. также: *Љушић Р.* Кнежевина Србија (1830-1839). Београд, 1986.

² *Историја српског народа.* Београд, 1981. Књ. V. Т. I. С. 257.

³ *Странжаковић Д.* Како је постало Гарашаниново "Начертаније" // *Споменик Српске краљевске академије.* 1939. Књ. 91. С. 66; *Достјан И.С.* Плани основанија славјано-сербског государства с помошћу Русији в начале XIX в. // *Славјане и Русија.* М., 1972. С. 100-102.

⁴ *Станиславскаја А.М.* Русско-англијске одношенја и проблеме Средиземноморја. М., 1962. С. 335-352, 411-425; *Сироткин В.Г.* Франко-русскаја дипломатическаја борба на Балканах и плани созданија славјано-сербског государства в 1806-1807 гг. // *Учене записки Института славјановеденија.* 1962. Т. XXV; *Достјан И.С.* Русскаја общественија мисль и балканские народы. М., 1980. С. 69.

⁵ *Дурковић-Јакшић Љ.* О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841-1843) // *Зборник за историју.* 1974. 9. С. 43-45.

⁶ Там. же. С. 47-48; *Žižek V.* Česko i poljsko učesće u postanku Garašaninovog "Načertanija" (1844) // *Historijski zbornik.* 1963. № 1-4. S. 38.

⁷ *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 58-59.

⁸ *Žižek V.* Оп. cit. S. 42-44.

⁹ См.: *Мекензи Д.* Личност Илије Гарашанина // *Историјски часопис.* 1987. Књ. XXXIV. С. 217-219.

¹⁰ *Странжаковић Д.* Указ. соч. С. 75-102.

¹¹ *Странжаковић Д.* Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије из 1844 годинне. Сремски Карловци, 1931. С. 23.

¹² *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 167, 175-178, 182, 186.

¹³ *Фрејдзон В.И.* Илија Гарашанин в контексте эпохи и русско-сербских отношений в 60-е годы XIX в. // *Илија Гарашанин (1812-1874).* Београд, 1991. С. 225-226.

¹⁴ *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // *Илија Гарашанин (1812-1874).* Београд, 1991. С. 155.

- 15 *Чубриловић В.* Указ. соч. С. 179-181.
- 16 *Реговић Р.* Око "Нацртанија" из 1844 године // *Историјски гласник*. 1963. № 1. С. 92-93.
- 17 *Странџковић Д.* Како је постало... С. 103-104; *Историја српског народа*. С. 272.
- 18 *Вишковић В.* Прилог проучавању постанка "Нацртанија" (1844) и "Основних мисли" (1847) // *Југословенска ревија за међународно право*. 1961. № 1. С. 69-76; *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха у Србији // *Глас ССХС*. Српска академија наука и уметности. Одељење историјских наука. 1974. Књ. I. С. 162-165.
- 19 *Странџковић Д.* Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 45; *Мишићевић Ј.* Историја Катанске буне (Србија 1844) // *Зборник Философског факултета у Београду*. 1960. Књ. V-I. С. 287-295.
- 20 *Мишићевић Ј.* Указ. соч. С. 296-295.
- 21 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1844. Д. 225. Л. 25-26.
- 22 *Мишићевић Ј.* Указ. соч. С. 307-308.
- 23 *Попов Н.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. М., 1869. Ч. II. С. 239-240.
- 24 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1844. Д. 15. Л. 232-233.
- 25 *Попов Н.* Указ. соч. С. 239-240.
- 26 *Стојанчевић В.* Једна Обреновићевска завера против уставобранитељског режима 1846 године // *Историјски часопис*. 1965. Књ. XIV-XV. С. 112, 115-122, 127; *Преписка Илије Гарашанина*. Београд, 1950. Књ. I. С. 125.
- 27 *Стојанчевић В.* Башкалфићева афера у Западној Бугарској 1846 године // *Историјски часопис*. 1973. Књ. XX. С. 213-216, 227-228; *Преписка...* С. 126.
- 28 *Гавриловић С.* Покушај обарања уставобранитеља 1847 године // *Историјски часопис*. 1977. Књ. XXIV. С. 177-180, 184-185, 188.
- 29 *Странџковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 88-89.
- 30 *Попов Н.* Указ. соч. С. 244; *Странџковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 96-98.
- 31 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1837-1854. Д. 4. Л. 32 об.-33.

- 32 Там же. Ф. ГА V-A2. 1844. Д. 225; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1846. Л. 241-241 об.
- 33 Там же. Ф. ГА I-9. 1843-1849. Д. 8. Л. 72-73; Там же. 1830-1854. Д. 12. Л. 260.
- 34 *Попов Н.* Указ. соч. С. 246; *Странжаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 98-99.
- 35 *Шурмин Ђ.* Документи о Србији од 1842-1848 // Споменик Српске краљевске академије. 1929. Књ. 69. С. 53.
- 36 *Странжаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 100-101.
- 37 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1846. Д. 227. Л. 24-24 об.
- 38 *Странжаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 147-155; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1847. Д. 835. Л. 90-90 об.
- 39 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1847. Л. 236-237 об.
- 40 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1847. Д. 835. Л. 124-124 об.
- 41 Там же. Д. 837. Л. 43, 46-46 об., 51.
- 42 *Странжаковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 21.
- 43 *Кецмановић И.* Баришинева афера. Сарајево, 1954. С. 5, 80; Он же. Иво Франьо Јукић. Београд, 1963. С. 71-72.
- 44 *Странжаковић Д.* Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844-1858 године. Београд, 1936. С. 5.
- 45 *Странжаковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 27-29.
- 46 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1957. С. 74-76.
- 47 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1843. Д. 13. Л. 232-233 об.
- 48 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 76-77; Он же. О Стевану Хркаловићу // Историјски часопис. 1970. Књ. XVI-XVIII. С. 109-112.
- 49 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 76-78-81.
- 50 Там же. С. 28-29, 38-40, 43-45, 81-83.

- 51 *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији у 19 веку. Прилог познавању српско-арбанашких веза пријатељства у периоду од 1844 до 1875 године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1968. № 49. С. 7-8.
- 52 *Странџковић Д.* Политичка пропаганда... С. 5.
- 53 *Странџковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 24.
- 54 *Екмечић М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844-1853) // Историјски часопис. 1980. Књ. XXVII. С. 146.
- 55 *Џамбазовски К.* Културно-политичке везе Бугара с Кнежевном Србијом од почетка XIX века до Париског мира 1856 године. Београд. 1982. С. 112.
- 56 *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952. С. 165-166; *Екмечић М.* Указ. соч. С. 147.
- 57 *Игњатовић Ћ.* Школовање Бугара у Србије (1830-1878) // Историјски гласник. 1972. № 2. С. 49-51; *Џамбазовски К.* Школовање бугарског народног свештеничког кадра у Кнежевини Србији // Балканика. 1971. II. С. 177-178.
- 58 *Џамбазовски К.* Школовање бугарског... С. 178-179; *Игњатовић Ћ.* Штампанье бугарских књига и листова у српским штампаријама (1833-1878). Београд, 1980. С. 24.
- 59 *Игњатовић Ћ.* Школовање Бугара... С. 84-87; *Џамбазовски К.* Културно-политичке везе... С. 89.
- 60 *Игњатовић Ћ.* Штампанье бугарских књига... С. 56-62, 71.
- 61 *Џамбазовски К.* Неколико прилога о првим корацима на културно-политичкој сарадњи српског и бугарског народа у првој половини XIX в. // Историјски часопис. 1970. Књ. VI-XVII. С. 94-95; *Игњатовић Ћ.* Штампанье бугарских књига... С. 59-60.
- 62 См., например: *Попов Н.* Указ. соч. С. 241.
- 63 *Екмечић М.* Указ. соч. С. 148-150.
- 64 *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. Први југословенски илегални лист 1844-1845. Београд, 1968. С. 150-151; См. такође: *Žáček V. František A.* Zach. Praha, 1977.

- 65 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 66-68.
- 66 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште Југословена (1844-1848) // Српски књижевни гласник. 1940. Књ. 61. Бр. 7. С. 509-510.
- 67 Там же. С. 511; *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 40.
- 68 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 67.
- 69 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 511.
- 70 *Џамбазовски К.* Културно-политичке везе... С. 112; *Екмечић М.* Указ. соч. С. 147.
- 71 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 516-517.
- 72 *Мишићевић Ј.* Јеврем Грујић. Историјат светоандрејског либерализма. Београд, 1964. С. 23-28.
- 73 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 515-516.
- 74 *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори (1833-1851) // Грџа Историјског института. 1951. Књ. 3. С. 7; *Lisac А.* Око "Vranislava" i njegova urednika // Historijski zbornik. 1958-1959. S. 255.
- 75 *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 151-154.
- 76 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 518; *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха... С. 166-167.
- 77 *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха... С. 168.
- 78 Там же. С. 168-169; *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 518.
- 79 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 519-520.
- 80 *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 51-53.
- 81 *Странџковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 522-523.
- 82 *Мекензи Д.* Илија Гарашанин. Државник и дипломата. Београд, 1987. С. 41, 91.
- 83 *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989. Т. 1. С. 367-371.

ГЛАВА III. СЕРБСКОЕ КНЯЖЕСТВО ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848-1849 гг.

1. Сербское княжество в период революционного подъема в Австрийской империи

Начавшаяся революция в Австрии вызвала особое воодушевление среди учащейся молодежи Белграда, которая, прервав занятия, ходила по городу и скандировала призывы к восстанию против турок и объединению всех сербов¹. Российский консул Г.И.Данилевский с тревогой доносил, что "заметны угрожающие симптомы в молодом поколении"².

В этих акциях участвовали прежде всего ученики Белградского лицея, входившие в организацию "Дружина сербской молодежи". Под влиянием революционных событий в Европе они включились в политическую либерально-оппозиционную деятельность. Будущие либералы в марте 1848 г. обратились к князю Александру с просьбой провозгласить свободу слова и отменить цензуру³.

Носителями либеральных настроений были также молодые сербы, возвратившиеся в княжество после получения образования в западных университетах. Режим уставобранителей пытался пресекать их деятельность. Данилевский сообщал, что, когда в Белград приехало несколько сербов, обучавшихся в Париже и Германии, старейшины сделали им строгие внушения, охладившие "ложные и занмообразные политические мнения, с которыми сие юноши сначала прибыли сюда"⁴. Гарашанин также писал находившемуся тогда в Париже своему близкому соратнику Й.Мариновичу, что нужно

предупреждать появление у обучавшейся во Франции сербской молодежи "различных фантазий"⁵.

В области внешней политики либерально настроенная молодежь выступала также за оказание активной помощи развертывавшемуся движению воеводинских сербов за свои социальные и национальные права. Многие будущие либералы, в том числе и их лидер Е.Груич, отправились в Воеводину, чтобы бороться вместе с ними. Позже либералы издали сборник "Невен слоге", в котором Груич в программной статье "Обзор государства" доказывал, что освободить и объединить сербский народ поможет его просвещение. В этой статье Груич впервые связывал решение национальных задач сербов с социальными преобразованиями внутри страны. Сербия, по его словам, была несвободна не только внешне, но и внутренне⁶.

Напуганное революционными событиями за границей и опасаясь их распространения на территорию княжества, сербское правительство одно время было готово пойти на некоторые уступки. Так, Миливое Петрович-Блазнавац писал, например, что лучше свободу печати разрешить самим, чем это произойдет в результате бунта⁷. Кроме того, чтобы успокоить общественность и стремясь использовать подходящий момент, в апреле 1848 г. уставобранители через своего представителя в Стамбуле К.Николаевича вновь поставили перед Портой вопрос об исполнении условий хатти-шерифа о выселении турок. Однако эта акция встретила жесткий отпор Франции. Ее консул в Белграде М.Лемперани заставил Петрониевича отказаться от данного требования, которое, с французской точки зрения, было "при нынешних обстоятельствах насколько неосмотрительным, настолько и малопатриотичным". Лемперани также заявил, что Сербия может рассчитывать на помощь Франции только при сохранении хороших отношений с Турцией⁸.

Но все же главным внешнеполитическим вопросом для Сербского княжества в то время было оказывать или нет

помощь воеводинским сербам. По этому вопросу у уставобранителей не было единства. Если Гарашанин в известной мере склонялся к поддержке требований воеводинских сербов, то Вучич был решительно против этого. Он продолжал считать, что "сербь из княжества не имеют ничего общего с сербамь из Венгрии". В марте 1848 г. Вучич созвал собрание видных торговцев и горожан Белграда, на котором говорил о необходимости поддерживать в стране мир и порядок, оказывать достойный отпор провокациям из-за границы⁹.

В вопросе о поддержке воеводинских сербов на позицию руководства княжества в решающей степени влияло отношение к событиям в южной Венгрии великих держав.

Османская империя однозначно выступала против вмешательства Сербии в австрийские дела. Боясь усиления славянского элемента в Австрийской империи и предполагаемого укрепления в этом случае позиций России, Порта сочувствовала венграм. В целом она выступала за сохранение прежнего соотношения сил в Юго-Восточной Европе. В мае 1848 г. турецкий султан через своего секретаря Ферид-эфенди выразил даже благодарность князю Александру за поддержание в Сербии мира и порядка¹⁰.

Царское правительство в первое время из-за опасения распространения революции на собственную территорию было вынуждено выжидать. В специальном манифесте от 14 марта 1848 г. Николай I провозгласил принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Через два дня появилось разъяснение к этому манифесту. В нем царь говорил, что "необходимо находиться в оборонительном, почти кордонном расположении..., обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале"¹¹. Особые опасения царизма вновь вызывала деятельность польской эмиграции. Нессельроде с тревогой ставил в известность австрийского посла в Петербурге Фикельмона о том, что Чарторыский прибыл в Берлин с намерением договориться

о переводе своего польского комитета из Парижа в Познань для организации там польских легионов, которые не замедлят начать набеги на российское Царство Польское¹².

Российское правительство опасалось также распространения революции из Австрии на турецкие земли. Поэтому в отношении Сербии Данилевскому были даны четкие инструкции: стремиться к тому, "чтобы князь и старейшины не принимали участия ни в замыслах австрийских славян, ни в движении, какого можно было опасаться в Боснии"¹³.

С начала австрийской революции активизировалась деятельность в Сербии французской дипломатии. Консул М.Лемперани в своих донесениях отмечал желание определенных сербских кругов использовать это обстоятельство не только для изгнания турок из княжества, но и для объединения Сербии с Боснией и Болгарией. За любой подобной акцией Сербии он видел руку Санкт-Петербурга и потому выразил резкий протест, когда Петрониевич решил повторить требование об исполнении хатти-шерифа по поводу выселения турок. Французский консул выступал также против какой-либо помощи воеводинским сербам. Он сообщал в Париж, что борьба в Воеводине идет на пользу "русскому панславизму", который пытается создать на Дунае новое княжество, полностью подчиненное России¹⁴.

В начале конфликта в южной Венгрии австрийское правительство также поручило своему консулу Ф.Майерхоферу выступать против вмешательства сербов из княжества на стороне воеводинских сербов. Майерхофер сообщал в Вену, что вместе с Данилевским он пытается воздействовать на сербское руководство, чтобы не допустить распространения революции на Сербию¹⁵.

Все это вынуждало сербское правительство лавировать. С одной стороны, было желание активно использовать события в Воеводине в своих интересах. Тем более, что помощь сербам за Савой и Дунаем встретила бы одобрение общественности княжества и помогла бы

разрядить обстановку в стране. Но, с другой стороны, явно оказывать такую помощь Сербия не могла из-за противодействия великих держав и внутренней оппозиции во главе с Вучичем. Существовала также потенциальная опасность того, что революционную ситуацию постараются использовать сторонники Обреновичей в своей постоянной борьбе за власть. Чтобы следить за действиями Милоша Обреновича, в Вену был послан М.Петрович-Блазнавац. Через Вука Караджича он сумел настолько сблизиться с Милошем, что ему было поручено чтение вслух газет для бывшего князя¹⁶.

В марте 1848 г. Блазнавац сообщал, что Россия якобы стремится помочь Милошу и Михаилу Обреновичам устроить в Сербии переворот. Гарашанин тут же направил всем окружным начальникам циркуляр с предписанием принять все меры предосторожности¹⁷.

Вскоре в Белграде объявился адвокат Милоша Дж.Стоякович, открыто агитировавший за своего патрона. Затем Стоякович уехал в Пешт, чтобы, по словам Блазнаваца, договориться с венграми о совместной деятельности против хорватов в случае возвращения Обреновичей на сербский престол. Со своей стороны, Блазнавац договорился с Гаем "воспрепятствовать приготовлениям Милоша". Из других источников сербскому правительству доносили, что Милош претендует на роль лидера и в антивенгерском движении воеводинских сербов.

В середине мая Блазнавац сообщал уже из Загреба (куда прибыл вслед за Милошем Обреновичем), что бывший князь договорился с некоторыми уставобранителями во главе с Вучичем о своем возвращении в Сербию. В этом деле ему якобы помогают Турция, Россия, Австрия и венгры. После Загреба Милош отправился ближе к сербским границам, в Срем, но был там арестован по доносу Гая, обвинившего князя в провенгерской деятельности.

Тогда же в Загребе находился и М.Бан. Он писал, что взятый под стражу Милош связь с венграми отрицает и заявляет, что вернется в Сербию не с их помощью, а по зову

народа. Бан сообщал также о приезде в Загреб с заданием убить князя Милоша белградского торговца М.Йокича. Однако Гай, "как совестливый человек", отказался ему помогать. Не стал содействовать Йокичу и Блазнавац, заявивший, что, хотя он сам "старца привел к западне в целях народной выгоды", но в убийстве участвовать не будет¹⁸.

Пока Милош был в Загребе, его сын Михаил вместе со своими сподвижниками Дж.Протичем и С.Радичевичем объявился в Нови-Саде. Это еще больше испугало сербское правительство. Князь Александр принял верховное командование над сербской армией и обратился за военной помощью к Порте. На созванном по этому поводу Совете некоторые его члены обрушились с резкой критикой на Вучича, обвинив воеводу в предательстве. На этом же заседании присутствовали комендант Белградской крепости Мехмет-паша и консул Данилевский. Оба они высказались против возвращения в Сербию Обреновичей. А Данилевский даже послал своего секретаря к Михаилу в Нови-Сад с письмом, в котором потребовал удаления князя от сербских границ¹⁹.

Подчинившись этому требованию, Михаил Обренович уехал в Прагу, где должен был состояться Славянский съезд. Туда же прибыл и князь Милош, которого после двадцатидневного заточения выпустили из тюрьмы по приказу хорватского бана Й.Елачича. Освобождение Милоша потребовали дипломаты Турции, Австрии и России, считавшие, что будет лучше, если он покинет Хорватию²⁰. В результате описанных событий практически отпала возможность реставрации бывшей династии на сербском престоле во время революции 1848-1849 годов.

В целом вопрос о политической ориентации Обреновичей в ходе революционной борьбы в Австрии остается неясным. Скорее всего для возвращения в княжество Милош был готов заручиться любой поддержкой, в том числе и венгерской; Михаил же больше склонялся к

использованию сербского движения в южной Венгрии. Известно, что он, его сестра и ее муж (Елисавета и Йован Николичич) пожертвовали воеводинским сербам 1400 форинтов серебром²¹. Заручиться же какой-либо поддержкой великих держав Обреновичи не смогли. Все эти государства выступали за сохранение в Сербии власти Александра Карагеоргиевича.

В конце 1848 г. уже из Дрездена Милош Обренович обратился в Петербург с просьбой найти в России "убежище от неурядиц и безначалия, потрясающих часть Европы". Он просил также предоставить ему российское подданство, а затем вместе с сыном позволить отправиться в свое имение в Валахии. Приезд Милоша в Россию был разрешен, но он им не воспользовался, так как поездка в Валахию была признана в Петербурге "неудобоисполнимой при нынешнем состоянии дел в сем княжестве"²².

В такой напряженной обстановке уставохранители после пятилетнего перерыва решились на созыв скупщины. Идея ее созыва была чрезвычайно популярна в народе. С таким требованием выступал и Т. Вучич. Первое предложение о созыве скупщины ("вследствие пошатнувшегося положения в большей части европейских держав и в самой стране" и "ради сохранения спокойствия и безопасности") княжеская канцелярия направила Совету еще в мае 1848 г. Однако активизация деятельности Обреновичей заставила уставохранителей провести скупщину несколько позже²³.

В мае же свою скупщину в г. Сремски-Карловцы провели воеводинские сербы, на которой присутствовали и некоторые сербы из княжества. Майская скупщина провозгласила патриархом воеводинских сербов карловацкого митрополита Йосифа Раячича, а их воеводой - полковника Огулинского полка Военной Границы Стевана Шупликаца (находившегося в то время в составе австрийских войск в Италии). Председателем созданного Главного одбора (комитета) был избран Джордже Стратимирович. Скупщина объявила воеводинских сербов

свободным и самостоятельным народом, который находится под властью австрийского правящего дома и входит в состав Венгерского королевства. Она постановила также, что Воеводину составляют Срем, Банат, Бачка и Бараня (в том числе и военизированные области этих земель). Было подчеркнуто, что Воеводина находится в политическом союзе с Триединым королевством (традиционное название Хорватии, Славонии и Далмации)²⁴.

Россия и особенно Турция довольно прохладно встретили известии о созываемой в Сербии скупшине. Они боялись, что под влиянием событий в Австрии она также может выдвинуть революционные требования. Комендант Белградской крепости Мехмет-паша потребовал даже ее запретить. Но Петрониевич доказал, что скупшина созывается как раз для того, чтобы не допустить в княжестве революционных потрясений. По этому поводу Александр Карагеоргиевич обратился со специальным письмом к турецкому правительству, и согласие на созыв скупщины было, наконец, дано²⁵.

Скупщина была созвана в день Св. Петра (поэтому и получила название Петровской) 29 июня 1848 г. в Крагуеваце. На ней сторонники Вучича заставили подать прошение об отставке трех видных уставобранителей: советников С.Петровича-Кничанина и Л.Зубана и министра А.Янковича. Именно они наиболее активно обвиняли лидера оппозиции за его контакты с Милошем Обреновичем. На скупшине раздавались голоса с требованием ее регулярных созывов, введения свободы печати и пресечения злоупотреблений чиновников. По внешнеполитическим вопросам было принято решение сохранять в Сербии мир (так как это желание Турции и России, которое вполне соответствует точке зрения самого сербского правительства) и не направлять в Воеводину добровольцев. Вместо этого решили вновь потребовать предоставления князю Александру наследственного княжеского права и выселения турок из Сербии²⁶.

Однако после открытого заседания скупщины состоялось еще и тайное, на котором с просьбой о материальной и военной помощи воеводинским сербам выступил протоиерей из Нови-Сада П.Стаматович. По предложению Гарашанина было решено ее оказать, но и дальше сохранять в этом деле "кажущуюся нейтральность"²⁷.

Через неделю после Петровской скупщины во французском консульстве в Белграде состоялась встреча, на которой, кроме самого консула, присутствовали белградский паша, представители сербского правительства и прибывший вновь в Сербию на место выехавшего на Славянский съезд в Прагу Заха польский агент Л.Зверковский-Ленуар. На этой встрече было задумано потребовать ареста Вучича и попытаться освободиться от русского влияния, а поддержку искать во Франции и Турции с тем, чтобы "Сербия не попала под русский протекторат, как Валахия". Было решено также не слушать никаких советов и наставлений Данилевского, так как его действия будто бы с самого начала направлены на свержение князя Александра²⁸.

Сближение уставобранителей и прежде всего И.Гарашанина с Францией было намечено еще в "Начертании". После Петровской скупщины это стало реальностью. Сами французы стали в 1848 г. действовать в Сербии активнее, всемерно разжигая недоверие сербского руководства к России.

Ушедший на Петровской скупщине в отставку С.Петрович-Кничанин еще ранее стремился в Воеводину. Его склонял к этому и Дж.Стратимирович. Однако князь и Гарашанин не отпускали Кничанина, боясь вызвать обвинение Турции во вмешательстве во внутренние дела другой страны. Однако после скупщины Кничанин уже как частное лицо не замедлил перебраться в Воеводину. Вследствие того, что венгерское правительство не признало решения Майской скупщины и развязало против воеводинских сербов боевые действия, начавшийся переход добровольцев из Сербии за Саву и Дунай сделался

массовым. Этим вооруженных добровольцев и возглавил Кничанин²⁹.

Хотя царь был недоволен отправкой добровольцев³⁰, все же позиция Россия стала постепенно меняться. Петровская скупщина прошла спокойно. Титов в Константинополе предлагал Порте выразить каким-нибудь торжественным актом свое удовлетворение сербским князем, чтобы таким способом "выбить из рук Вучича всякое оружие"³¹.

В Белграде Данилевский в своих донесениях предлагал поддержать "умеренные и законные требования сербов" в Воеводине. Говоря о позиции сербского правительства, он сообщал, что "воспрепятствовать ему оказывать некоторые пособия его собратам" совершенно невозможно, а "сверх того и нерасчетливо", ибо, если допустить, что правительство послушалось бы русских советов, то тогда равнодушие Сербии к бедам воеводинских сербов приписывалось бы России и распространило бы по всей задунайской стороне ропот против нее³².

По словам Данилевского, Сербия передала сербам Воеводины 20 тыс. червонцев, довольно значительное количество пороха и свинца, около 2-3 тыс. единиц различного огнестрельного оружия. Туда перешло также около 2 тыс. добровольцев. Все это якобы происходит вопреки воле самого правительства, но выгодно ему, так как теперь из чувства признательности австрийские сербы не допустят "никакого покушения на Сербию со стороны Обреновичей и их клеветов"³³.

Австрия также начала менять свою позицию. Майерхофер пришел к мысли, что помощь Сербии воеводинским сербам, как и само их движение в целом, можно использовать в интересах Габсбургской монархии. В своих донесениях он неоднократно стал подчеркивать лояльность сербского правительства Австрии и выступать за поддержание с княжеством хороших отношений³⁴. В сентябре 1848 г. Гарашанин писал Петрониевичу, что Данилевский и Майерхофер сейчас не только не против

помощи воеводинским сербам, но и прямо подстрекают к этому сербское руководство³⁵.

2. Сербия и объединительные планы 1848 г.

В начале революции в Австрии И.Гарашанин продолжал придерживаться прежней точки зрения: решение сербского вопроса первоначально должно быть ограничено только турецкими пределами. По-прежнему главный упор делался на попытки добиться от Порты определенных "добровольных" уступок. Начавшиеся было в княжестве антитурецкие выступления решительно пресекались. В то же время предпринимались и конкретные действия по реализации программы "Начертание".

В марте 1848 г. представитель княжества в Турции Константин Николаевич составил по заданию Гарашанина специальный документ, известный в историографии как проект создания "сербского вице-королевства" ("сербских соединенных провинций"). Согласно этому документу, предполагалось, что: 1) Сербия присоединит Боснию, Герцеговину, Черногорию и Северную Албанию (Старую Сербию); 2) все эти земли составят "единое сербское государство" в составе Турции; 3) это государство будет иметь "своего главу и свое независимое внутреннее управление"; 4) "сербское вице-королевство" пользовалось бы теми же правами, которые имело Сербское княжество; 5) конституцию и законы принимало бы само новое государство без вмешательства Порты или какой-либо другой великой державы; 6) это государство имело бы армию для охраны своих границ, являющихся одновременно границами Османской империи; 7) сербское и турецкое государства в рамках Османской империи будут жить за счет собственных доходов (только таможенные сборы целиком отходили бы султану); 8) связь с султаном осуществлялась бы через сербское дипломатическое представительство в Стамбуле; 9) Турция не имела бы права, кроме исключительных случаев, заключать договора, касающиеся Сербии, с иностранными государствами без согласия этого

представительства; 10) мусульмане и православные получили бы в "сербском вице-королевстве" равные права; 11) в новом сербском государстве вводился бы принцип свободы вероисповедания, причем мусульмане оставались бы под духовной властью Турции; 12) остающиеся в турецком государстве болгары должны были также получить те же права, что и мусульмане; 13) болгар должны были принимать на все государственные посты Турции; 14) во всей Османской империи провозглашался бы принцип свободы торговли при отмене внутренних таможенных пошлин; 15) сербское государство имело бы право открывать торговые представительства в Турции и других государствах³⁶.

Сохранились фрагменты, по-видимому, другого варианта проекта Николаевича. В нем, возможно, намечалось включить в состав "сербского вице-королевства" Болгарию или ее часть. Но в официальный проект эти фрагменты не попали. Включение болгарских земель в объединенное сербское государство по-прежнему не являлось непосредственной целью Гарашанина.

Таким образом, в дополнение к "Начертанию" в 1848 г. появился уже конкретный проект по объединению Сербии с Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией. Как первый шаг к получению независимости предполагалось добиться предоставления этому объединенному сербскому государству широкой автономии в составе Османской империи. Фактически речь шла о ее преобразовании в дуалистическую монархию. Свой проект Николаевич вручил в Константинополе самому султану, мотивируя необходимость его принятия замыслами России, направленными будто бы на раздел Турции³⁷.

Одновременно Гарашанин поручил вернувшемуся в апреле в Белград из Парижа Йовану Мариновичу также изложить свои мысли по поводу преобразований европейских владений Османской империи. Составленная Мариновичем "Записка о христианах в Турецкой империи" предусматривала проведение двух основных реформ: 1)

дарование права всем христианским народам иметь "своих собственных окружных или нахийских оберкнезов", которые бы избирались местным населением и только затем утверждались султанским бератом; 2) разрешение христианам выбирать из соотечественников митрополитов, которые руководили бы церковными и школьными делами, так как до сих пор "славянам присылают в качестве владык греков, не знающих народного языка и не исполняющих, поэтому, своих обязанностей надлежащим образом"³⁸.

Записку Мариновича Гарашанин послал на рассмотрение Николаевичу, прося дать ей оценку, а затем также передать турецкому правительству "не только для того, чтобы Порта ее одобрила", но, чтобы она видела, что Сербия не перестает заниматься этим вопросом. В конце письма Гарашанин добавлял, что проект Николаевича ему лично представляется намного более обещающим. Сербскому представителю в Стамбуле предложения Мариновича не понравились и он даже не стал передавать их турецким властям³⁹.

Довольно же утопичный проект Николаевича о создании "сербского вице-королевства" султан решительно отверг. Деятельность сербского представителя натолкнулась на противодействие не только Порты, но и австрийской дипломатии. Посол Габсбургов в Османской империи граф Штюмер интриговал перед турецким правительством, сообщая, что будто бы Сербия договорилась "с иностранными сербами и иллирами" о начале восстания и создании независимого сербского государства. Получив это известие, диван распорядился даже направить к сербской границе свои войска. Только после вмешательства французской дипломатии, заверившей Порту в ложности сообщения Штюмера, этот инцидент был исчерпан⁴⁰.

И все же подозрения Австрии не были абсолютно беспочвенны. Они были связаны с активизацией деятельности членов "тайного демократического панславянского клуба". 12 марта 1848 г. в Белград вернулся выезжавший в Вену и Загреб П.Чавлович. И в тот же день

по всему городу были разбросаны листовки. По сообщению Данилевского, в некоторых из них князя и старейшин призывали к самостоятельному удалению турок из княжества и турецких гарнизонов из крепостей, а также к прекращению выплаты дани. "Должно приписать это волнение влиянию пограничных событий", - писал царский дипломат. На следующий день он сообщал, что "по всем признакам австрийские сербы и все прочие племена славянские при нынешнем разгаре умов мечтают об общем соединении с сербами и прочими славянами турецкой земли и рассылают людей для распространения сих внушений"⁴¹.

В ночь на 13 марта в Белграде вновь разбрасывались листовки, а группы людей скандировали лозунги, в которых население Сербии призывалось уже к восстанию против турок. Целью восстания должно было стать создание единого "иллирско-сербского государства" из Сербии, Боснии, Болгарии, Славонии и Хорватии во главе с князем Александром. Австрийский консул в Белграде Майерхофер приписывал организацию этой акции Чавловичу, а раздававшиеся ночью призывы называл "иллирско-панславянскими"⁴².

Пребывание Чавловича в Белграде было недолгим. Уже через день он в агитационных целях выехал в Австрию. С такими же целями туда отправились и другие члены "тайного демократического панславянского клуба": М.Бан, Ф.Зах, С.Херкалович, У.Боришев⁴³. Их поездка была связана с разработанным в самый канун революции планом государственного объединения турецких славян с хорватами ("Политические принципы югославян"). Его автором был, по-видимому, М.Бан. План писался от имени сербов и хорватов "как самых сознательных из всех южных славян". Они вместе с болгарями должны были образовать единое федеративное королевство во главе с Александром Карагеоргиевичем. Каждый из трех народов имел бы полную автономию в местных делах и свой представительный орган - сабор. Все три южнославянских народа сохраняли свои этнические названия, но вместе они

должны были называться югославянами, а их объединенное государство - Югославией⁴⁴.

Наиболее насыщенной и плодотворной агитационная поездка оказалась у М.Бана. Во второй половине марта он посетил Воеводину, где в Сремски-Карловцах встречался с Йосифом Раячицем, которому предложил сотрудничество с княжеством. Раячич был на него согласен при условии разрешения Загреба и официального подтверждения этого предложения из Белграда. Затем в Нови-Саде М.Бан пытался напечатать привезенное им и написанное совместно с Ф.Захом специальное воззвание к воеводинским сербам. В этом воззвании рекомендовалось созвать скупщину, избрать воеводу и патриарха, создать центральное правительство с отделениями на местах и собственное войско. Авторы воззвания полагали, что воеводинским сербам необходим также союз с Хорватией. Напечатать данное воззвание М.Бану так и не удалось, но все же в переписанном от руки варианте оно стало распространяться среди местного сербского населения⁴⁵. Идеи воззвания, как мы уже видели, в значительной степени нашли свое выражение в результатах Майской скупщины воеводинских сербов.

В начале апреля М.Бан был в Загребе, где прежде всего продолжил старые контакты с Людевитом Гаем. Лидер иллирийского движения советовал ему не доверять полностью хорватскому бану Й.Елачичу, который, по словам Гая, был скорее за австрийского императора, чем за свой собственный народ. Во время переговоров с Елачичем Бан говорил, что события в Австрии Сербию непосредственно не затрагивают, и будущее княжества находится на Балканах. Но князь Александр опасается, что венгры могут напасть на Триединое королевство. Поэтому Сербия выступает за объединение всех частей Триединого королевства между собой и за их союз с воеводинскими сербами. В случае войны с венграми сербское правительство обещает употребить все свое влияние на сербов Триединого королевства и Воеводины с тем, чтобы они выступили

вместе с хорватами. Оно обещает даже при определенных условиях оказать им необходимую военную помощь.

Об этих условиях говорилось в письме Гарашанина, которое Бан передал Елачичу. Как представляется, речь в нем шла о совместных гипотетических действиях сербов и хорватов также и против турок. Ознакомившись с письмом, бан Елачич заявил, что он не против подобных действий, но нежелательно, чтобы они были предприняты в настоящий момент. Это, по его словам, окончательно бы все запутало, и лучше сначала разобраться с венграми.

Хотя М.Бан полагал ранее, что для сотрудничества с Сербией больше подходит Гай, он во время своей поездки выступил за укрепление связей с Елачичем. "При нынешних обстоятельствах, - писал он в Белград, - солдат перед дипломатом имеет преимущество". М.Бан заметил, что между Гаем и Елачичем существует вражда, и хотя они еще советуются друг с другом, неизвестно, как долго это продлится. Если же дело дойдет до войны с венграми, хорватский бан станет "диктатором".

Позже М.Бан сообщал, что Елачич говорил также о намерении совместно с княжеством содействовать освобождению Боснии и Герцеговины и даже в случае несогласия Сербии был готов действовать самостоятельно. На это сербский эмиссар отвечал, что князь Александр не может открывать все свои планы, но он помнит о Боснии, как и о Болгарии, и ждет лишь подходящего момента. Преждевременное же выступление может погубить и само княжество, которое является "единственной опорой южнославянского будущего". Для укрепления сербских позиций в Боснии и Герцеговине М.Бан предложил сербскому руководству послать в эту провинцию специальных агентов, чтобы окончательно договориться с францисканцами.

Из Хорватии М.Бан поехал в Далмацию, но там его ждало разочарование. Он жаловался, что только в сельской местности говорят "так же, как в Сербии", а в городах - в основном по-итальянски. Многие далматинские города,

поэтому, выступают против союза с Хорватией и против "народного языка". И только в родном Дубровнике Бан нашел полное единомыслие. Он сообщал, что договорился с местными деятелями и в политическом, и в военном планах. В политическом - об объединении Далмации с Хорватией, а в военном - о вторжении в Боснию и Герцеговину и союзнической борьбе за освобождение всех южных славян. Предполагалось, что по сигналу Бана в герцеговинский город Ливно вторгнутся 10 тыс. человек во главе с дубровницкими руководителями Крсто Кулишичем и Калиничем. Причем первый из них был побратимом самого богатого аги в Ливно - некоего Чизмича, который и должен был уговорить других влиятельных мусульман сдать город. За это им нужно было обещать сохранение жизни и имущества. После Ливно основной удар уже совместно с сербами из княжества и черногорцами планировалось нанести по Травнику.

В конце своей агитационной поездки М.Бан посетил Цетинье. В разговоре с ним владыка Черногории Петр II Петрович Негош безоговорочно согласился на общесербское сотрудничество. Он обещал выставить до 8 тыс. воинов, но просил пороха, олова и провианта. Иначе из-за слабой дисциплины в армии черногорцы, перейдя границу, могут начать грабить не только турецкие, но и христианские села. Владыка высказывал недовольство тем, что его раньше не посвящали в планы Сербии ("был готов уже самостоятельно двинуться к Белграду") и полагал, что прежде всего нужно объединить всех сербов. В этом новом государстве он рассчитывал стать главой сербской патриархии. Владыка передал М.Бану письмо Александру Карагеоргиевичу, в котором пылко призывал сербского князя не опозорить имя своего отца перед "сербским родом" и исполнить свое высокое предназначение.

Вообще Негош во время событий в Воеводине горел желанием оказать помощь австрийским сербам. Он не препятствовал тому, чтобы черногорцы по одиночке и разрозненными группами перебирались в Сербию и оттуда в

Воеводину. Сам владыка писал воеводинским сербам, что, "если бы нас с севера не разделяла Босния и Герцеговина, а с запада - Далмация, мы бы вам давно на помощь пришли". За успехи в войне с венграми Негош наградил С.Петровича-Кничанина, М.Петровича-Блазнаваца и Дж.Стратимировича медалями Милоша Обилича. Позже, когда на территорию Венгрии вступили русские войска, владыка обратился в Петербург с просьбой позволить ему с пятитысячным отрядом присоединиться к ним. "Вполне оценив ревностную готовность черногорцев", правительство Николая I от такого предложения отказалось, заявив, "что никакое вспомогательное войско не иначе могло бы вступить в пределы Австрии, как по призыву законного правительства"⁴⁶.

После Черногории Бан двинулся в обратный путь через Дубровник, Триест, Люблян и Загреб. Причем в Дубровнике он увидел уже результаты своей агитации. Командиры местного народного войска Бетондич и Гучетич ввели в своих отрядах сербский язык, а дубровницкая молодежь распевала по ночам на улицах города сербские песни. Из Любляны же Бан сообщал, что словенские национальные деятели мало занимаются политикой, а только народным просвещением, и что у них есть тяга "к общему с нами сербскому языку". Он писал, что в настоящий момент от словенцев трудно что-либо ожидать, но в будущем сотрудничать с ними возможно.

В мае М.Бан снова встречался в Загребе с Л.Гаем и Й.Елачичем. После беседы с последним он доносил, что "договоренность и сербско-хорватский союз с помощью Сербии установлены, все концы сейчас у нее в руках". Правда, М.Бан с сожалением отмечал, что произошел намечавшийся ранее разрыв между Елачичем и Гаем, и хорваты начинают все более группироваться вокруг своего бана, который один имеет сегодня реальную власть⁴⁷.

В мае же хорватский бан послал письмо Александру Карагеоргиевичу, в котором предлагал взаимную "моральную, финансовую и материальную помощь".

Фактически это была просьба о помощи. В частности, Елачич просил у Сербского княжества заем в 30 тыс. дукатов. С этим письмом в Сербию поехал С.Херкалович (который так же, как и М.Бан, находился тогда в Загребе). Уже в Белграде Херкалович говорил, что и Елачич и Гай выступают за южнославянское объединение. Но, когда оно начнется, нужно опасаться хорватского бана, который свое влияние в народе может использовать "для отвращения людей от подлинных целей". От сербского правительства для Елачича Херкаловичу удалось получить 5 тыс. дукатов⁴⁸.

Вскоре связям сербских деятелей с Гаем был нанесен серьезный урон. Дело в том, что, когда Милоша Обреновича выпустили из загребской тюрьмы, он заявил о присвоении Гаем крупной суммы денег, взятой якобы, чтобы содействовать его освобождению. По указанию Елачича было начато следствие. И, хотя вина Гаея не была доказана, он с середины июня 1848 г. был вынужден устраниваться от политической деятельности⁴⁹.

Таким образом, кроме самого Гарашанина (проект создания "сербского вице-королевства"), в условиях начавшегося революционного брожения в Воеводине и Хорватии конкретные шаги по объединению вокруг Сербии соседних земель предприняли и члены тайного славянского общества, которые пытались достичь соглашения о совместных усилиях с австрийскими сербами, хорватами, словенцами и черногорцами. Причем речь шла уже (в Дубровнике и Цетинье) о военном вторжении в Боснию и Герцеговину. Однако вооруженные действия откладывались на неопределенный срок⁵⁰. Во время своей агитационной поездки члены "тайного демократического панславянского клуба" и прежде всего М.Бан выполняли и отдельные задания сербского правительства. Однако Гарашанин, хотя и одобрял идею сотрудничества с хорватами (прежде всего с Л.Гаем), все же придерживался выжидательной позиции по некоторым вопросам и особенно - о политической принадлежности Боснии. Часть хорватских политических

деятели открыто говорила об историческом праве хорватов на Боснию, что не могло не вызвать опасений в Белграде⁵¹.

Пока венский двор окончательно не порвал с венграми и формально считал хорватов и воеводинских сербов бунтовщиками, появился план отделения Воеводины от Австрии и присоединения ее к Сербии под верховной властью Порты. Посредником в этом деле выступил эмиссар польской консервативной эмиграции в Османской империи М.Чайковский. В июле 1848 г. к нему с рекомендательным письмом от Заха и с ведома (если не по заданию) хорватского бана Елачича прибыл граф А.Нугент. Он просил у Чайковского содействия в борьбе сербов, хорватов и прочих славян "со швабами и мадьярами". После же освобождения австрийских славян Нугент предложил организовать "федеративный союз под главенством султана как потомка сербских королей по женской линии".

Тогда же польский агент в Белграде Л.Зверковский сообщал Чайковскому, что сербское правительство просило прислать поляков - генералов и офицеров, чтобы они возглавили борющееся с Венгрией "славянское войско". На организацию деятельности этих поляков сербское руководство выделяло 120 тыс. франков. Кроме того, оно пыталось привлечь на сторону княжества поляков из Галиции, которым также была обещана финансовая помощь для формирования польского легиона.

Чайковский, по его собственным словам, был в восторге от всех этих предложений. Он изложил проект Нугента министру иностранных дел Порты Решид-паше, который, сочувственно к нему отнеся, но запросил мнение Чарторыского. Немедленно в Париж был послан бывший секретарь Чайковского Сеффельс-де-Сольденгоф. Одновременно к белградскому паше и с инструкциями Зверковскому и Заху (вернувшемуся в Сербию из Праги) был послан польский агент Ю.Корсак. Вслед за Нугентом и Корсаком для разведки обстановки в Хорватии и Воеводине выехали польские эмигранты Будзинский, Илинский и Вроновский. В Галицию был послан Терлецкий⁵².

Интересно, что, в отличие от Чайковского, прямо противоположного объединительного плана придерживался в то время Ф.Зах. Свою точку зрения он сформулировал на Славянском съезде, где был председателем южнославянской секции и членом большого комитета. В Праге в качестве гостей съезда присутствовали также представители Сербского княжества Й.Маринович и Л.Арсениевич⁵³. В целом Славянский съезд, который и по составу, и по кругу рассматриваемых вопросов был собранием австрийских славян, а не общеславянским, прошел под знаком австрославизма, т.е. преобразования Австрийской империи в форме федерации⁵⁴. Но все-таки съезд выразил свое отношение к политическому будущему и турецких славян. В программе, которую составил Франьо Зах, предусматривалось присоединение этих славян после их освобождения под руководством Сербии от турецкого гнета к Габсбургской монархии как "славянскому союзному государству". Считалось, что это усилит численное преобладание славян в Австрийской империи и обеспечит прочность ее федеративного устройства⁵⁵.

Между тем, в ответ на запрос Чайковского из Парижа пришел отрицательный ответ. От имени главы правого крыла польской эмиграции его подписал В.Замойский. Было указано, что польские эмигранты не могут входить ни в какие сношения и соглашения с южными славянами, так как уже связаны договорами с итальянцами, "исповедующими католическую веру и точно так же борющимися за свою независимость". В свою очередь на Чарторыского влиял французский министр иностранных дел А.Ламартин, который заявил ему, что Франция не поддержит движений, направленных против России и Австрии, так как стремится заключить союз с этими государствами. Вместе с письмом Замойского Чайковский получил известие от Терлецкого, писавшего, что население Галиции не склонно к совместным действиям с южными славянами.

О содержании полученных писем Чайковский оповестил Заха и Зверковского. От них об этом узнало и сербское правительство, охладевшее, поэтому, к данному плану. Несмотря на запрет Чарторьского, Будзинский, как и было задумано ранее, отправился к патриарху Раячичу, а Вроновский - к бану Елачичу. В Сремски-Карловцах первый убедил Раячича и Стратимировича составить адрес султану, в котором говорилось, что сербы Воеводины "добровольно постановили слиться со своими родными братьями - сербами княжества Сербского, подчиниться верховной власти султана". В августе Будзинский привез этот адрес Мехмет-паше в Белград, а тот отправил его в Стамбул. Из Загреба другой польский агент Вроновский доносил, что бан Елачич нуждается в деньгах и, если он их не получит в течение месяца, то останется верноподданным Габсбургов. Сам Вроновский не покинул уже Хорватию и был зачислен в артиллерию хорватского войска⁵⁶.

Позже, в октябре 1848 г., когда уже произошел открытый разрыв между Веной и Пештом, некоторые деятели австрийских сербов на короткое время вернулись к плану включения Воеводины в состав Османской империи. Это было связано с тем, что австрийские и хорватские вооруженные силы были заняты тогда подавлением восстания в Вене, что оставило сербов Воеводины один на один с венграми. Тогда же правительство княжества из-за тяжелого финансового положения отказалось выплачивать жалованье своим добровольцам, перекладывая эти расходы на воеводинскую народную казну⁵⁷. В этой обстановке патриарх Раячич тщетно обращался к Данилевскому. Лидер воеводинских сербов писал, что, так как Австрия и бан Елачич им помочь не могут, то лучше "быть наподобие княжества Сербии под сильным покровительством России и Турции, нежели мадыарское иго носить"⁵⁸.

Одновременно из Стамбула К.Николаевич писал И.Гарашанину, что в случае распада Габсбургской монархии все немецкие провинции следует объединить в Германскую конфедерацию, а чешские, моравские, словацкие и польские

земли - в другую конфедерацию. Австрийские южные славяне образовали бы тогда в союзе с европейской Турцией "одно единое и чисто южнославянское царство". Оно вместе с азиатской Турцией составляло бы дуалистическое государственное образование или бы вообще было полностью независимым. Эту идею Николаевич связал затем со своим проектом создания "сербского вице-королевства", т.е. австрийские южные славяне первоначально также должны были создать собственное вице-королевство - "Южную Славанию". Два вице-королевства заключили бы между собой договор, и оставалось бы только решить, какая династия будет править в этом общем южнославянском государстве: габсбургская, оттоманская или отечественная. Предпочтение, конечно, отдавалось своей. Эти неконкретные и фантастические рассуждения Николаевича, как пишет Р.Люшич, в случае реализации создавали бы государство, почти идентичное образованному в 1918 г. Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев⁵⁹.

Возвращаясь к вопросу об отношении правого крыла польской эмиграции к южнославянской проблеме, нужно сказать, что Чарторыский занимал в годы революции в основном выжидательную позицию, хотя в большей степени симпатизировал борьбе венгров с одним из главных польских врагов - Австрийской империей. Лучшим же вариантом он считал примирение южных славян с венграми и их совместную борьбу против австрийцев. Франция, на которую он опирался, поддерживала его только в вопросе примирения южных славян и венгров⁶⁰.

Как и раньше, Чарторыский в 1848-1849 гг. выступал за сохранение Османской империи. Анализируя его позицию, И.И.Лешиловская справедливо пишет, что, "если политика примирения южных славян с венграми, хотя ее исходные мотивы были отличные от интересов этих народов..., совпадала с нуждами антигабсбургской освободительной борьбы в Дунайском регионе, то принцип соглашения балканских народов с Портой находился в

противоречии с потребностью революционных преобразований на Балканах⁶¹.

Стремясь к примирению южных славян с венграми, Франция также выступала против активной политики Сербского княжества в Воеводине. Французская дипломатия убеждала Порту, что помощь сербов из княжества австрийским сербам имеет целью "совершенное отделение Сербии от Турции". Дипломатам Франции вторили и представители Великобритании⁶².

Еще в августе 1848 г. в Белград приезжал специальный французский представитель артиллерийский капитан Лефрансэ, который вел переговоры с князем Александром и Гарашанином. Затем этот француз вместе со Зверковским совершил поездку по Сербии. Переговоры с Лефрансэ, возможно, повлияли на позицию сербского министра. Если раньше Гарашанин рекомендовал Петрониевичу добиваться от Порты согласия на помощь Сербии воеводинским сербам, то теперь он писал Мариновичу о необходимости содействовать примирению австрийских сербов с венграми, так как только таким способом можно "воспрепятствовать злым намерениям австрийского двора"⁶³.

В деле примирения южных славян и венгров французская дипломатия и польская эмиграция действовали главным образом через агента Чарторыского полковника Людвика Быстжоновского, который был послан в Хорватию и Воеводину. В ноябре 1848 г. в Загребе он встретился с Л.Гаем. До этого, в сентябре, лидер иллирийского движения говорил Т.Ковачевичу, что французы с помощью поляков "славянские народы только обманывают"⁶⁴. Тем не менее, Гай пошел на переговоры и при встрече с Быстжоновским предложил свергнуть Елачица и таким образом прекратить дальнейшую борьбу хорватов, которых в своих интересах использует Австрия. Он говорил также, что у него есть договоренность с Раячицем о возрождении "сербско-хорватского Душанова царства". Для осуществления этого замысла Гай запросил 200-300 тыс. франков⁶⁵.

В Сремски-Карловцах Быстжоновский вел переговоры с Раячицем, которому передал письма от Чарторыского и французского министра иностранных дел. Патриарх согласился на французское посредничество в деле примирения с венграми только при наличии договоренности и с баном Елачицем. Кроме этого, на переговорах затрагивался вопрос о передаче Сербскому княжеству Боснии и Герцеговины. Сербия должна была повлиять на вывод граничарских батальонов из Италии, за что эта страна вместе с Францией обещали дать княжеству миллионный заем для денежной компенсации Турции в случае оставления ею Боснии и Герцеговины⁶⁶.

Тогда же в ноябре 1848 г. венгры по приказу Л.Кошута сами пытались начать мирные переговоры с воеводинскими сербами, так как опасались, что австрийская армия Виндишгреца после занятия Вены двинется на Венгрию. Однако Раячич на переговоры не пошел. Он писал Кничанину, что при нынешнем военном положении, а также учитывая неприемлемость условий венгров, нет необходимости идти на примирение. Венгры, по мнению патриарха, предлагали то, что воеводинские сербы и так имели, и ни слова не говорили об удовлетворении требований, выдвинутых на Майской скупщине. У венгров было много времени, чтобы рассмотреть эти требования, но они ответили на них убийствами, поджогами и опустошениями⁶⁷.

Предложения Быстжоновского Раячич обсудил с Петрониевичем на специальной встрече в Земуне. На ней было также решено не идти ни на какие переговоры о примирении с венграми. На это решение повлияло и личное письмо к Раячичу австрийского императора, в котором обещалось удовлетворить требования воеводинских сербов при условии продолжения их вооруженной борьбы с венграми⁶⁸.

Узнав об отказе Раячича, Быстжоновский в декабре 1848 г. отправился в Белград, чтобы лично постараться повлиять на сербское руководство, используя упомянутую

комбинацию в отношении Боснии и Герцеговины. Из Белграда польский полковник сообщал во Францию о понимании, которое он встретил у Гарашанина. Быстжоновский и замещавший Лемперани французский дипломат Фабр решили одобрить идею создания объединенного южнославянского государства в составе Сербии, Боснии и Болгарии и под турецкой властью при условии, если оно будет содействовать ослаблению влияния Австрии и России и усилению Турции. К патриарху Раячичу был послан специальный поверенный, который должен был сообщить о согласии на переговоры с венграми Гарашанина. Этот поверенный имел с собой и письмо к венгерским властям. Однако, когда гонец прибыл в Пешт, город был уже захвачен австрийскими войсками, а правительство Венгрии перебралось в Дебрецен⁶⁹.

В январе 1849 г. французский посол в Константинополе генерал Опик представил Порте проект объединения боснийских и болгарских православных церквей под главенством воеводинского патриарха (об этом Быстжоновскому говорил еще Гарашанин). Опик предлагал также назначать заместителями турецких наместников в Боснии и Болгарии сербов из княжества. Но Порта отказалась идти даже на эти минимальные уступки. Она только подтвердила, что положение христиан в Боснии тяжелое, и обещала провести в этой провинции реформы⁷⁰.

Таким образом, в 1848 г. в ходе революции сербская внешняя политика во многом приобрела профранцузский характер. При посредничестве Франции и связанной с ней польской эмиграции Гарашанин попытался реализовать программу "Начертание", причем сербское объединение мыслилось первоначально под верховной властью султана (проект создания "сербского вице-королевства"). А ради объединения с Боснией сербский министр был готов идти даже на примирение с венграми, хотя княжество уже оказывало борющимся с ними воеводинским сербам разностороннюю помощь. Однако и эти попытки оказались неудачными. Надежда Гарашанина на то, что Франция

заставит Османскую империю пойти на реальные уступки, не сбылась. Хотя Франция выставляла себя защитницей интересов христианского населения Турции, она не шла дальше революционной фразеологии. Ее реальные интересы были направлены на сохранение статус-кво на Балканах, а такой курс не вязался с национально-освободительными движениями южных славян⁷¹.

3. Деятельность Сербского княжества в период спада и поражения революции в Австрии

Объем помощи княжества сербам Воеводины и степень участия сербских добровольцев в борьбе с венграми зависели от общей политической ситуации в Австрийской империи. В сентябре 1848 г. в Венгрию вторглись войска хорватского бана Елачича. В октябре вспыхнуло вскоре подавленное венское восстание. В ноябре к власти в Австрии пришло новое правительство князя Шварценберга, взявшее курс на подготовку нового похода против революционной Венгрии. В середине декабря императорская армия Виндишгреца вступила на ее территорию. Все эти события привели к активизации деятельности Сербии по отношению к Воеводине.

И.Гарашанин пришел к выводу, что Австрия еще достаточно сильна и воевать против нее равносильно самоубийству. Хотя он много раз писал своим соратникам, что венский двор хочет обмануть сербов, что ему нужна только их помощь, сербский министр все же решил сделать ставку на совместное подавление венгерской революции. На такую позицию Гарашанина повлияло и упорное нежелание венгерских руководителей пойти на предоставление воеводинским сербам национальных прав и территориально-политической автономии⁷².

В конце 1848 - начале 1849 гг. Сербия уже совершенно открыто отправляла в Воеводину своих вооруженных добровольцев. В результате С.Петрович-Кничанин собрал под своим началом около 10 тыс. человек, а ему самому сербским правительством был пожалован

титул воеводы (до него такой титул имел только Т.Вучич-Перишич за подавление Катанского бунта)⁷³.

В ноябре 1848 г. сербским добровольцам было передано из княжества 4700 ружей⁷⁴. В связи с этим правительство Сербии обратилось к России с просьбой заказать 10 тыс. кремневых ружей в Туле, чтобы восполнить "недостаток в вооружении собственного своего внутреннего ополчения". Царское правительство согласилось. Но, так как выпуск кремневых ружей в России был уже прекращен, было решено отпустить Сербии 3 тыс. таких ружей из киевского арсенала бесплатно и 7 тыс. - из московского арсенала по заводской цене. Разрешение на передачу оружия было дано вследствие примерного поведения Александра Карагеоргиевича "среди затруднений нынешней эпохи" и из-за сообщений Данилевского об "отличном расположении к нему сербского правительства"⁷⁵.

В начале декабря сербское руководство выделило своим добровольцам в Воеводине 20 тыс. дукатов. Вопрос о выделении этих денег долго дебатировался в сербских верхах, пока Австрия не пообещала возместить все расходы княжества после окончания войны. Для связи между Сербией и Воеводиной к патриарху Раячичу часто ездили С.Симич и С.Стефанович-Тенка. В свою очередь Раячич регулярно бывал в Белграде⁷⁶.

Но после того, как Кничанин со своим войском одержал ряд побед и освободил часть Воеводины, сербское правительство вдруг приказало всем добровольцам возвращаться домой. Это было связано с позицией Австрии, которая, посчитав свои успехи в Венгрии окончательными и боясь усиления славянского элемента в империи, стала опять выступать за прекращение помощи княжества воеводинским сербам. Австрийский посол в Константинополе Штюрмер и консул Майерхофер в Белграде обвинили Сербию в замыслах взбунтовать всех славян в Габсбургской монархии и всех христиан в Османской империи. В феврале 1849 г. и турецкие власти категорически потребовали у Сербии прекратить всякую

помощь австрийским сербам и сохранять строжайший нейтралитет. Протестовавший против отзыва добровольцев Кничанин был готов жаловаться в Вене, что в свою очередь вызвало резкую критику Гарашанина. Он считал, что таким поступком воевода лишь повредит народному делу. Пусть, писал Гарашанин, австрийский император и его окружение знают, "что вы народу сербскому помогали, а не ему, и, если он свою пользу в этом нашел, то пусть припишет это воле случая, а не вашему намерению"⁷⁷.

Тогда же сербское правительство отказало Раяичичу в помощи при разработке воеводинской конституции, хотя Петрониевич и составил уже ее проект, предусматривавший нечто среднее между сербским государственным управлением и устройством, еще существовавшим на Военной Границе. На запрос патриарха, который к членам комиссии, работавшей над конституцией, просил добавить еще людей из княжества, Петрониевич ответил, что сербское правительство по политическим причинам не может участвовать в этом деле⁷⁸.

Однако положение в Воеводине опять резко изменилось. Венгерская армия предприняла наступление в Банате, которое привело вооруженные силы воеводинских сербов в критическое состояние. В этот период Гарашанин оставил мысли о примирении с венграми и окончательно пришел к заключению о необходимости полной военной победы над ними. Он и дальше притворялся перед Фабром и Быстжоновским, что заинтересован в мирных переговорах с венграми, но делал все, чтобы эти переговоры не состоялись⁷⁹.

Ухудшение военного положения воеводинских сербов повлекло за собой их массовую миграцию в Сербию. А вскоре по просьбе Раяичича, хотя открыто сербских добровольцев правительство княжества уже не посылало, самому Кничанину было разрешено вернуться для продолжения борьбы⁸⁰.

Когда в апреле 1849 г. Гарашанин узнал, что Быстжоновский пытается склонить Кничанина к мирным

переговорам, он рекомендовал воеводе не доверять обманным действиям польского полковника, которого назвал врагом сербов. "Война с венграми и ничто другое, подчеркивал сербский министр, может сербство от них освободить"⁸¹. После того, как венгры провозгласили отделение от Австрии и свержение династии Габсбургов, Гарашанин заявил, что из-за этого легкомысленного поступка Венгрия приобретет еще больше врагов. Он был уверен, что независимая Венгрия не имеет шансов на долгую жизнь⁸².

Посылая свои военные силы в Венгрию, австрийское правительство полагало, что само сумеет быстро подавить революцию. В январе министерство Шварценберга сообщило царскому посланнику в Вене графу Меду, что "действия русских войск в пределах Австрийской империи оно считало бы более вредными, чем полезными". Но в связи с военными успехами венгров позиция Австрии изменилась. Уже в марте Медем доносил, что Шварценберг, говоря о неудачах в военных операциях против венгров, усиленных особенно поляками, просил сосредоточить русские войска на границах Буковины и Галиции, "чтоб в случае нужды они могли действовать заодно с австрийцами против мятежников". Через несколько дней Шварценберг добавлял, что Трансильвания превратилась в революционное гнездо, что движение там "направляется поляками". Он уже прямо просил о вступлении туда русской армии⁸³.

Тогда же главнокомандующий британской армией А.Веллингтон говорил российскому посланнику в Англии барону Бруннову, что для Австрии настало время покончить с Венгрией. "Если у нее нет для этого средств, пусть просит их у вашего государя. Но надобно, чтоб эти средства были достаточными"⁸⁴.

Условия спасения Австрии были согласованы в марте-апреле 1849 г. Николай I потребовал, чтобы: 1) русские войска были достаточно многочисленными и 2) они действовали отдельно от австрийских вооруженных сил⁸⁵. В мае состоялось свидание российского и австрийского

императоров в Варшаве, а через несколько дней после него 100-тысячная армия Паскевича вторглась в собственно Венгрию, а 40-тысячная группировка войск Лидерса и Гротенгельма - в Трансильванию.

Известие об обращении Австрии за помощью к России заставило венгерское руководство более активно искать мира с сербами Воеводины и поддерживавшими их сербами княжества. Однако предложение действовавшего в Воеводине венгерского генерала М.Перцеля о заключении с сербами почетного мира на приемлемых для них условиях не нашло должного понимания со стороны Л.Кошута. В своем письме в мае 1849 г. венгерский лидер отверг идею территориальной автономии для воеводинских сербов. "У Хорватин, - высокомерно писал Кошут, - может быть бан, она может иметь провинциальное собрание, ибо имеется хорватская территория, но не может быть сербского воеводства, сербского провинциального собрания, ибо в Венгрии нет Сербии..."⁸⁶

Все же письмо Перцеля о перемирии было через турецкого коменданта Белградской крепости передано сербскому руководству, которое однако решило на него не отвечать. После этого в мае 1849 г. в Белград от имени Перцеля дважды приезжал все тот же Быстжоновский. Он вел переговоры с Гарашанином, которому в обмен за помощь княжества в сохранении венгерского независимого государства обещал поддержку Венгрии в создании "старого сербского царства". Быстжоновский обещал также 10 млн. форинтов и 50 тыс. вспомогательных войск для борьбы с Османской империей. Однако и эти переговоры, как и визит в Белград другого представителя Перцеля некоего Ракоци, закончились безрезультатно⁸⁷.

Наконец, в конце мая в Белграде провел переговоры с Гарашанином граф Д.Андраши, который был назначен венгерским дипломатическим представителем в Турции и ехал к новому месту службы. В этих переговорах принимал участие и французский консул М.Лемперани. В основном Андраши говорил сербскому министру о необходимости

общего антиавстрийского союза. Он также в общих чертах обещал пойти на уступки воеводинским сербам. За это сербское правительство должно было снова отозвать из Воеводины Кничанина. В целом же Андраши обещал намного меньше Быстжоновского⁸⁸.

Неискренность в этих переговорах была взаимной. Гарашанин говорил, что разрешил переход добровольцев только для того, чтобы помешать воеводинским сербам искать поддержку в России. Когда же руководство в народном движении захватили Майерхофер и Елачич, он отдал приказ о запрещении этого перехода. На самом же деле сербский министр шел на переговоры с Андраши главным образом для того, чтобы выиграть время для Кничанина, дать ему возможность лучше распределить свои силы. Андраши как будто бы верил в приверженность Гарашанина идее союза с венграми, но тут же добавлял, что, давая ему обещания, нужно помнить о том, что в случае победы венгры смогут от них отказаться, а в случае поражения эти обещания вообще потеряют какое-либо значение⁸⁹.

В июне 1849 г. в Белград с нарочным офицером было доставлено письмо от Николая I и орден Белого орла для Александра Карагеоргиевича. Русские награды получили и другие сербские руководители. Отмечалось, что они удостоены знаками отличия за то, что по совету российского консульства "заблаговременно приняли должные меры предосторожности, чтобы оградить свою отчизну от соблазна соседних смятений и, если они приняли участие в судьбе австрийских славян, то умели соблюсти в сем деле все благоразумие, какого требовали обстоятельства"⁹⁰.

Но все же в Петербурге, как и в Вене, с подозрением отнеслись к той активности, какую проявили в годы революции сторонники южнославянского объединения из тайного общества и польские эмигранты. В мае 1849 г. К.В.Нессельроде сообщал директору Азиатского департамента МИД Л.Г.Сенявину: "Долгом поставляю препроводить депешу графа Медема, из коей вы усмотреть

изволите, что генерал-майор Данилевский, по болезни своей, не может заниматься отправлением своей должности, и что злоумышленники воспользовались этим обстоятельством для вредных своих замыслов"⁹¹. Царское правительство пришло к выводу, что Данилевский многое недоглядел, вел себя слишком пассивно, считало, что российское консульство должно расширить и активизировать свою деятельность.

Австрийское правительство также наградило сербских лидеров. Гарашанин писал по этому поводу Александру Карагеоргиевичу, что не может принять орден Железной короны от Франца Иосифа, так как тогда его помощь воеводинским сербам будет неверно понята. "Мне бы не хотелось, - писал сербский министр в другом письме, - чтобы Австрия хоть на мгновение подумала, что я для нее столько старался"⁹².

Как известно, вмешательство России предопределило разгром венгерской революции. Окончательному ее подавлению способствовали позиции всех великих держав. Франция не выразила протест против действий русской армии, а английское правительство устами Пальмерстона заявило, что, "если бы Австрии не было, то нужно было бы ее создать"⁹³.

Революционные события 1848-1849 гг. в Европе не захватили, кроме Валахии, балканские владения Османской империи. Автономная Сербия в силу ее отсталости, унаследованной от многовекового турецкого ига, и раздробленности сербских земель стояла перед решением совсем других задач. На первый план выдвигался сербский вопрос, а не вопрос о поддержке революционных движений в соседних европейских странах. В самой Сербии лишь малочисленная либерально настроенная учащаяся молодежь проявила некоторую активность в Белграде и во время работы Петровской скупщины в Крагуеваце. На предотвращение революции в Сербском княжестве были направлены усилия как самого режима уставобранителей, так и дипломатий всех великих держав. В то же время

революция в Австрии привела к активизации внешнеполитической деятельности Сербского княжества. На первый план в конце 1848 - начале 1849 г. выдвинулась проблема оказания помощи воеводинским сербам. Однако в результате нежелания венгерских руководителей идти на компромиссы фактический руководитель сербской политики этого времени И.Гарашанин вопреки своей воле был вынужден способствовать сохранению монархии Габсбургов. По иронии судьбы именно ее он считал главным врагом славянских народов.

И все же, принимая активное участие в сербском национальном движении в Воеводине, главным с точки зрения объединительной политики для Гарашанина оставалась деятельность в европейских владениях Турции. Впервые в эти годы Сербское княжество, используя боязнь Порты революционного взрыва на Балканах, предприняло конкретные шаги по объединению сербских земель, первоначально под верховной властью султана. Вопрос о присоединении Воеводины к Сербии возник как эпизод, причем инициатива больше исходила от австрийских сербов, чем от сербского правительства. Руководство княжества в основном выступало лишь за союз австрийских славян между собой. Однако Турция не желала идти ни на какие реальные уступки. И именно в этот период Гарашанин начал разочаровываться в сформулированной еще в "Начертании" идее решения национальных задач сербского народа мирным путем в результате осуществления "добрых намерений" многовекового поработителя.

Трудно согласиться с М.Экмечичем, считающим, что в годы революции общее разделение на "табор реакции" и "табор демократии" ощущалось и в сербском правительстве. Наряду с крылом под руководством Т.Вучича-Перишича существовал и блок, который представлял И.Гарашанин. Эти два крыла в сербском правительстве, по мнению историка, имели и свои внешнеполитические продолжения - консервативное имело опору в России, в то время как гарашаниновское либеральное течение пыталось

использовать поддержку Франции и даже частично европейской революционной демократии⁹⁴. На наш взгляд, даже условное причисление Гарашанина и его соратников к "табору демократии" и "либеральному течению" - неправомерно. Скорее можно сказать, что он не принадлежал ни к одному из "таборов", а оставался целиком сконцентрированным на решении сербского вопроса, пытаясь использовать при этом в качестве союзников то те, то другие силы, которые сулили ему наибольший успех в данной конкретной обстановке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-49. Београд. 1952. Сер. I. Књ. I. С. 31-32.

² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 65 об.

³ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд. 1951. С. 104; Бјелица М. Борба за слободу штампе у Кнежевини Србији // Историјски часопис. 1977. Књ. XXIV. С. 192.

⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 73.

⁵ Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Београд, 1931. Књ. I. С. 2-7.

⁶ Јанковић Д. Указ. соч. С. 112; Милићевић Ј. Јеврем Грујић. Историјат светоандрејског либерализма. Београд, 1964. С. 23-28, 35; Грађа за историју... С. 253.

⁷ Бјелица М. Указ. соч. С. 192.

⁸ Грађа за историју... С. 34, 114, 125-128.

⁹ Јовановић С. Спољашња политика Илије Гарашанина // Српски књижевни гласник. 1931. Књ. 34. Бр. 6. С. 426; Грађа за историју... С. 43-44.

¹⁰ Павловић Д. Србија и српски покрет у Јужној Угарској 1848 и 1849. Београд. 1904. С. 41-42.

¹¹ Шербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1889. Т. 6. С. 206.

¹² Авербух Р.А. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. Т. 4-5 (89-90). С. 179.

¹³ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1848. Л. 359 об.-360.

¹⁴ *Вучковић В.* Рад француских представника у Србији 1848-49 на измирењу Јужних Словена са Маџарима // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 13-14. С. 149-150.

¹⁵ *Савковић Ј.* Фердинанд Мајерхофер у српском покрету 1848-49 године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1957. № 17. С. 79; Грађа за историју... С. 34.

¹⁶ *Митровић М.* Писма Миливоја Петровића Блазнавца о револуционарним збивањима у Бечу 1848 године // Зборник за историју. 1981. № 23. С. 123-124.

¹⁷ Грађа за историју... С. 12; Преписка Илије Гарашанина. Београд, 1950. Књ. I. С. 140-142.

¹⁸ Грађа за историју... С. 114, 221-222, 314-315, 337, 344-345.

¹⁹ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 34; *Милићевић Ј.* Петровска скупштина 1848 године // Историјски гласник. 1959. № 1-2. С. 44; *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји Србије новијега времена. Београд, 1887. Књ. I. С. 22-24; АВПРИ. Ф. Отчети МИД. 1848. Л. 363-364.

²⁰ Грађа за историју... С. 400.

²¹ *Никић Љ.* Помоћ Срба из Беча српском покрету у Војводини 1848 године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1957. № 16. С. 70-71.

²² АВПРИ. Ф. Отчети МИД. 1848. Л. 364-365.

²³ *Милићевић Ј.* Петровска скупштина... С. 45-46; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 96-96 об.

²⁴ Грађа за историју... С. 253, 305-306; Революции 1848-1849 гг. М., 1952. Т. I. С. 465-466.

²⁵ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 47-49.

²⁶ Преписка... С. 207; *Милићевић Ј.* Прилог познавању порекла српског парламентаризма // Зборник Филозофског факултета у Београду. 1970. Књ. XI-I. С. 48-57; История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 340; Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V. Т. I. С. 275.

²⁷ *Савковић Ј.* Указ. соч. С. 92.

²⁸ *Екмечич М.* Неколико уломака о руској политици према Јужним Словенима у вријеме револуције 1848 године // Зборник за историју. 1982. 26. С. 49-50.

- 29 Грађа за историју... С. 303-304; *Павловић Д.* Указ. соч. С. 59, 61.
- 30 См.: *Екмечић М.* Указ. соч. С. 47.
- 31 *Павловић Д.* Указ. соч. С. 80.
- 32 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 104 об., 173-173 об.
- 33 Там же.
- 34 *Савковић Ј.* Указ. соч. С. 92-93.
- 35 Преписка... С. 295.
- 36 *Екмечић М.* Гарашанин, Чарториски и Маџари 1848-1849 године // Српско-маџарски односи и сарадња 1848-1867. Београд, 1987. С. 29, 32; *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812-1874). Београд, 1991. С. 157-158.
- 37 *Милићевић Ј.* О Босни 1848 године // Историјски гласник. 1973. № 1. С. 89-90; *Љушић Р.* Указ. соч. С. 159.
- 38 *Љушић Р.* Мариновићев мемоар о хришћанима у Турском царству из 1848 године // Историјски гласник. 1976. № 1-2. С. 165-170.
- 39 Там же.
- 40 Писма... С. 4-7.
- 41 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 62-65.
- 42 Грађа за историју... С. 33-34; *Дурковић-Јакшић Љв.* Бранислав. Први југословенски илегални лист 1844-1845. Београд, 1968. С. 68-69.
- 43 Грађа за историју... С. 59, 114.
- 44 *Дурковић-Јакшић Љв.* Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1957. С. 87-88.
- 45 Грађа за историју... С. 31, 72-73; *Радонић Ј.* Аутобиографија патријарха Јосифа Рајачића. Београд, 1951. С. 33-34.
- 46 *Дурковић-Јакшић Љв.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 105; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 242-243.
- 47 Грађа за историју... С. 112-113, 131-132, 135-136, 238, 307, 344.
- 48 *Sidak J.* Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848-1849. Zagreb, 1979. S. 89-91.
- 49 *Лещилова И.И.* Обществено-политическая борьба в Хорватии в 1848-1849 гг. М., 1977. С. 147-148.

- ⁵⁰ См.: *Стојанчевић В.* Српска влада и одлагање народног устанка у Источној Босни и Херцеговини око средине XIX века (1847-1848) // Балканика. 1982-1983. XIII-XIV.
- ⁵¹ *Берић Д.* Илија Гарашанин и хрватска политика у доба револуције 1848-1849 године // Историјски часопис. 1976. Књ. XXIII. С. 74.
- ⁵² Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 95. С. 450-453.
- ⁵³ *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха у Србији // Глас ССХС. Српска академија наука и уметности. Одељење историјских наука. 1974. Књ. I. С. 173.
- ⁵⁴ *Никитин С.А.* Славянские народы в революции 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 39.
- ⁵⁵ *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 216-217.
- ⁵⁶ Записки Михаила Чайковского... С. 454-456.
- ⁵⁷ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 91-93.
- ⁵⁸ АВПРН. Ф. ГА V-A2. 1848. Д. 229. Л. 102; *Попов Н.* Указ. соч. С. 284.
- ⁵⁹ *Љушић Р.* Илија Гарашанин... С. 159-160.
- ⁶⁰ *Вучковић В.* Указ. соч. С. 152.
- ⁶¹ *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 152.
- ⁶² АВПРН. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 197.
- ⁶³ Там же. Л. 173 об.-174; *Екмечић М.* Неколико уломака... С. 43-44; Преписка... С. 239; Писма... С. 10.
- ⁶⁴ *Странџковић Д.* Политичка пропаганда Србији у јужнословенским покрајинама 1844-1858 године. Београд, 1936. С. 9.
- ⁶⁵ *Вучковић В.* Указ. соч. С. 152.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Савковић Ј.* Мировни преговори за време српског покрета 1848-49 године према документацији Јосифа Тима // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 15. С. 129.
- ⁶⁸ *Вучковић В.* Указ. соч. С. 153.
- ⁶⁹ Там же; *Лещиловская И.И.* Указ. соч. С. 260.

- ⁷⁰ *Ekmečić M.* Marginalije o srpsko-bugarskim odnosima 1844-1851 // *Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine.* 1967. XVI. S. 132-133.
- ⁷¹ *Ekmečić M.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844-1853) // *Историјски часопис.* 1980. Књ. XXVII. С. 156.
- ⁷² *Савковић Ј.* Српски покрет 1848-49 године у преписци Илије Гарашанина // *Зборник Матице српске за друштвене науке.* 1955. № 10. С. 136-140.
- ⁷³ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 103.
- ⁷⁴ Там же. С. 93.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1837-1854. Д. 4. Л. 41-41 об.; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1848. Л. 366-367.
- ⁷⁶ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 121-124; *Страњковић Д.* Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд. 1932. С. 283
- ⁷⁷ *Павловић Д.* Указ. соч. С. 121-124; *Преписка...* С. 370
- ⁷⁸ См.: *Савковић Ј.* Нацрт устава за Војводину Србију 1849 године // *Зборник Матице српске за друштвене науке.* 1956. № 13-14. С. 159. *Гавриловић С.* Нацрт устава Војводине од Аврама Петронијевића (1849) // *Летопис Матице српске.* 1958. Март. С. 263.
- ⁷⁹ *Вучковић В.* Указ. соч. С. 154.
- ⁸⁰ *Ристић Ј.* Указ. соч. С. 57-58; *Павловић Д.* Указ. соч. С. 135.
- ⁸¹ *Преписка...* С. 380, 402, 409.
- ⁸² *Савковић Ј.* Српски покрет... С. 136.
- ⁸³ *Салоев С.М.* Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // *Русская старина.* 1877. Т. 20. Кн. XI. С. 425.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ *История Венгрии.* М. 1972. Т. II. С. 170-171.
- ⁸⁷ *Страњковић Д.* Држање Србије према Аустрији и Мађарима 1848-49 // *Југословенски историјски часопис.* 1935. Св. 3-4. С. 414-416.
- ⁸⁸ Там же. С. 417-418.
- ⁸⁹ Там же; *Вучковић В.* Указ. соч. С. 155.
- ⁹⁰ *Преписка...* С. 416; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 237-238.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 134.

92 Преписка... С. 378; *Стражаковић Д.* Држање Србије... С. 409.

93 *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 41.

94 *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989. Т.

І. С. 574-575.

ГЛАВА IV. ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА (1849-1853 гг.)

1. Сербия после революции 1848-1849 гг.

Контрреволюционный угар, захлестнувший европейские страны после подавления революции, затронул и Сербию. В княжестве, по воспоминаниям современника, "политика была совершенно отделена от общественной жизни"¹. Еще в начале 1849 г. был закрыт Белградский лицей. Осенью того же года князь Александр Карагеоргиевич по совету нового российского консула Д.С.Лёвшина издал указ, запрещающий посылать сербскую молодежь для получения образования за границу, кроме России². Резко усилилась цензура. Единственная газета, симпатизировавшая либеральным настроениям - "Шумадинка" Любомира Ненадовича, была запрещена в августе 1850 г.³

В июне 1851 г. на ежегодном заседании "Дружины сербской молодежи" С.Чирич, П.Протич-Соколянин, В.Йованович и др. критиковали правительство и требовали буржуазных прав и свобод. Обвинив Австрию и Турцию в угнетении славянских народов, они говорили о необходимости борьбы за освобождение всех сербов из-под "турецкого рабства". Такая позиция либерально настроенной молодежи вызвала протесты австрийского консула, вследствие чего министерство просвещения по поручению Совета запретило и эту организацию⁴.

Если уставобранительскому режиму достаточно успешно удалось подавить рост либеральных настроений в княжестве, то по-прежнему опасную силу для него представляла внутренняя оппозиция во главе с Т.Вучичем-

Перишичем. Сербское правительство неоднократно жаловалось на его деятельность царской дипломатии. Опасаясь, что оппозиция может вызвать в Сербии беспорядки, министерство иностранных дел России, посылая в Белград Левшина, приказало ему оказать на Вучича воздействие и стараться восстановить между старейшинами "доброе согласие"⁵.

Однако, приехав в Белград, Левшин не спешил выступать против лидера оппозиции. Если Данилевский в своем донесении в апреле 1849 г. предлагал вызвать Вучича в Константинополь и там его арестовать, то новый консул просил повременить со столь жесткой мерой. По его мнению, она могла оказать "вместо полезного, вредное влияние на положение дел в сем княжестве". Левшин считал, что даже такая мера, как временное удаление лидера оппозиции из Сербии, "не только не принесла бы желаемой пользы, но напротив, раздражив Вучича, усилила бы то влияние, которое он имеет на народ, ибо сей последний видел бы в нем невинного страдальца"⁶.

Кроме Вучича, руководство княжества все время опасалось деятельности Обреновичей. Весной 1850 г. оно снова "ожидало нападения вооруженных сил Милоша". Это было связано с тем, что Милош и Михаил Обреновичи в 1850-1851 гг. находились в своем имении в Валахии в непосредственной близости от сербских границ⁷.

В такой обстановке уставобранители пошли на ужесточение репрессивных мер в отношении всех противников режима, введя в августе 1850 г. в употребление новый Сборник полицейских постановлений ("Казнительный закон" и "Сербская уредба"). Сообщая об этом, замещавший одно время уехавшего на лечение Левшина секретарь консульства С.И.Попов писал, что "коренное намерение издателей помянутого сборника клонилось не столько к упрочению тишины и порядка в крае, сколько к приобретению под личиной законности тайного орудия к преследованию людей, коих они считают своими врагами, а именно: всех тех, которые известны или

расположением своим к Вучичу, или приверженностью к бывшему князю Михаилу"⁸.

Однако и после этих мер сербское правительство не чувствовало себя спокойно. Через год Гарашанин по договоренности с князем Александром специальным распоряжением наделил особыми полномочиями находившегося в Крагуеваце Кничанина, который стал непосредственно отвечать за поддержание в стране существующего режима. В этих целях Кничанину были выделены "часть регулярного войска, половина артиллерийской батареи и народ из окрестных округов". В случае возникновения беспорядков все окружные начальники получили приказ немедленно двигаться со своими силами к Кничанину и вставать под его командование⁹.

Положение сербского правительства после революции 1848-1849 г. заметно осложнилось вследствие нового резкого ухудшения его отношений с Россией. Прежде всего на это повлияли связи уставобранительского режима с польской эмиграцией.

Дело в том, что не успели еще закончиться революционные события, как возник вопрос о польских и венгерских эмигрантах, участвовавших в "Венгерской войне". Они желали найти убежище в княжестве или получить разрешение на проход через сербскую территорию в Турцию. Вначале уставобранители были решительно против этого. На северных границах княжества Гарашанин предпринимал даже меры предосторожности против возможного вторжения отступавшей венгерской армии. В июле 1849 г. он писал Кничанину, что не был бы рад таким "гостям". Особые опасения у Гарашанина вызывало то, что, по его мнению, австрийские и русские войска могли, преследуя революционную армию, также вторгнуться в пределы княжества¹⁰.

В самом княжестве многие деятели выступали вообще за поголовное выселение из страны всех поляков-эмигрантов. Так, например, С.Херкалович в июне послал из Белграда в Земун, в выходящую там газету "Напредак"

свою статью "Поляки". В ней говорилось, что большинство поляков воюют за венгров - самых злейших в тот момент сербских врагов. Сербь не против стремления венгров к свободе, но против того способа, каким они стремятся осуществить это желание. В заключение Херкалович предлагал выслать поляков из княжества, так как "на них пало подозрение в симпатиях и поддержке венгров"¹¹.

Однако в августе 1849 г. позиция сербского правительства по вопросу о пропуске отступавшей революционной армии через Сербию под давлением Франции и Турции стала меняться. Гарашанин писал Кничанину, что сербы защищать венгров не будут, но не следует быть и палачами, а потому пусть венгры идут через территорию княжества, куда захотят¹².

Тогда же Петрониевич сообщил Левшину, что правительство Сербии, "побуждаемое чувством человеколюбия, полагает возможным дозволить будущим беглецам мадыарского войска, предварительно обезоруженным, пройти через Сербию и укрыться в Болгарии и других турецких правительствах". Российский консул резко отвечал, что, "когда русские войска заняты укрощением мятежников, всякое участие к сим со стороны Сербии было бы весьма неблагоприятно в глазах нашего правительства". Он опасался также, что остатки революционной армии, оказавшись в Болгарии, вызовут там волнения, которые в свою очередь могут перекинуться и на Сербское княжество¹³.

Несмотря на противодействие Левшина, пропуск бойцов венгерской армии и польского легиона все-таки состоялся. Оценивая позже это решение своего правительства, Гарашанин писал, что, хотя он и раньше противился влиянию Австрии и России, но теперь перешел уже в открытую оппозицию этим двум державам¹⁴.

Кроме того, что сербские власти вопреки русским требованиям пропустили через свою территорию части революционной армии, в Белграде, где и так находилось тайное польское агентство, после разгрома революции нашли убежище десятки эмигрантов и прежде всего те же

поляки. Как правило, они служили во французском или английском консульствах в качестве секретарей и переводчиков¹⁵.

Все это вызывало крайнюю подозрительность царского правительства. Д.С.Левшин, познакомившись более подробно с обстановкой в Сербии, пришел к выводу, что спокойствия в княжестве нет не из-за деятельности Вучича, а вследствие проживания там эмигрантов, в частности поляка Л.Зверковского-Ленуара. Консул сообщал, что этот "тайный агент партии Чарторьского" внушает сербам недоверие к России, что он "пользуется благосклонностью и даже некоторого рода покровительством турок". Левшин писал также о его связях с Гарашанином, "который сначала тщательно скрывал сношения свои с Ленуаром", а после стал объяснять их тем, что польский агент нужен ему лишь для получения сведений из Турции и других стран. Но характер действий сербского министра "довольно резко отзывался учением и советами Ленуара"¹⁶.

Ухудшению русско-сербских отношений способствовал и инцидент в июне 1850 г., когда служащего английского консульства - выходца из Боснии - белградские полицейские "наказали палочными ударами" по доносу одной женщины. Узнав об этом, консул Великобритании Фонбланк "приказал снять флаг и герб со здания консульства" и в письменном виде объявил сербскому правительству о прекращении с ним дипломатических отношений. После извинений сербских властей отношения были вскоре восстановлены. Но желая загладить неприятное событие, князь Александр послал английскому послу в Константинополе Стрэтфорд-Каннингу письмо, в котором после "изъявлений радости о счастливом окончании случившегося недоразумения" почтительно писал, что сербское правительство "желает всегда в полной мере заслуживать благоволение могущественной Великобритании, которая благославлением Божиим поставлена для управления всемирными делами и которая находится в

великой дружбе с высоким двором Турецкой империи, коей наша провинция составляет дополнительную часть"¹⁷.

Тогда же сербское правительство постановило считать Фонбланка старшим среди других консулов по долговременности пребывания его в должности, т.е. следуя общепринятому в Европе правилу. Об этом решении было сообщено в официальной белградской газете. Левшин доносил, что, "воспользовавшись таковым поощрением, г-н Фонбланк с некоторого времени изменил свой прежний скромный образ поведения" и стал давать сербам враждебные России советы. Российский консул заявил князю Александру протест, "в котором подчеркнул необходимость учитывать исключительность положения дипломатов России как представителей покровительствующего двора. А деятельность Фонбланка он также посчитал результатом "коварных советов Ленуара". Левшин писал, что консул Великобритании еще раньше поддерживал связь с польскими и венгерскими эмигрантами, "а во время войны с венгерцами принимал живое участие в беглецах и всех их снабдил английскими паспортами"¹⁸.

С начала 1850 г. Левшин начал требовать от сербского правительства, чтобы оно через турецкие власти обратилось к посольству Франции с просьбой о высылке Ленуара, имевшего французский паспорт. В феврале такое письмо за подписью князя Александра было послано в Константинополь, но ни Турция, ни Франция не желали поддаваться русскому давлению. Однако требование России было поддержано венским двором. Премьер-министр Австрии Шварценберг обратился к французскому послу в Вене Делякуру с жалобой на консула Франции в Белграде Геппа, который совместно с сербским правительством покровительствует проживающим в Сербии венграм и полякам "в их коварных проиствах, направленных против законного порядка в граничащих с княжеством австрийских владениях"¹⁹.

В конце концов Зверковский-Ленуар был все-таки выслан из Сербии. Но Левшин в мае 1851 г. опять доносил,

что место бывшего в Сербии польского эmissара занял другой поляк, который "известен под именем Душ" (имелся в виду Ф. Душинский. - К.Н.) и который также "питает злую ненависть к России". Как и в случае со Зверковским, российский консул заявил протест сербскому правительству. Оно было вынуждено обратиться через Николаевича к послу Сардинии в Константинополе с просьбой о высылке Душинского, имевшего сардинский паспорт²⁰.

Летом 1851 г., когда И. Гарашанин находился на лечении в Австрии, он в Вене был принят Шварценбергом. Встреча прошла прохладно. Премьер-министр Австрии спрашивал, почему Гарашанин отказался от австрийского ордена, и требовал высылки из княжества всех политических эмигрантов из венгров и поляков²¹.

В сентябре 1851 г. по согласованию с австрийским консулом в Белграде Т. Радосавлевицем высылки всех эмигрантов еще раз потребовал Д.С. Левшин. "Я нашел необходимым, - сообщал он, - снова выставить на вид сербскому правительству сколь неприлично и вместе опасно для благосостояния Сербии пребывание в Белграде людей, везде стремящихся поколебать законный порядок и народное спокойствие." Правительство Сербии распорядилось, наконец, об их высылке и дало обещание "впредь не давать убежища подобным людям и по прибытии их сюда высылать немедленно". Вскоре из княжества было выслано 28 человек, в том числе и Ф. Душинский²².

С его отъездом фактически прекратило свою деятельность основанное еще в 1843 г. тайное польское агентство в Белграде. Не имея возможности послать в княжество нового польского представителя, М. Чайковский пытался перепоручить дела агентства М. Бану, однако и это не имело успеха²³.

Описанные события привели к новому инциденту, связанному с английским консулом Фонбланком. В начале сентября 1851 г. в день рождения князя Александра, когда весь Белград был торжественно освещен, Фонбланк демонстративно запретил зажигать огни в здании своего консульства. Заметив это, белградские мальчишки выбили в

окнах консульства несколько стекол. Фонбланк, находившийся у вновь вернувшегося в Белград французского консула Лемперани, поспешил домой. Однако вблизи консульства "кто-то сзади бросил в него самого камень, который будто сильно ушиб ему плечо". На другой день, по приказу Фонбланка, флаг и герб с английского консульства были снова сняты. Рассказывая об этом происшествии, Левшин подчеркивал, что Фонбланк и Лемперани еще не посетили князя Александра с традиционными поздравлениями, "и одна из важнейших тому причин та, что помянутые консулы раздражены изгнанием из Сербии польских и венгерских пропагандистов, коим они старались то прямо, то косвенно покровительствовать"²⁴.

Высылка эмигрантов была также негативно воспринята турецкими властями, увидевшими в этом акте усиление в Сербии русских и австрийских позиций. Чтобы лучше узнать о положении дел в княжестве, Порта вызвала в Стамбул премьер-министра Сербии А.Петрониевича. Князь Александр, со своей стороны, поручил ему вновь поставить перед Портой вопрос о признании за Карагеоргиевичами права на наследственную княжескую власть, а Гарашанин просил французскую дипломатию оказать Петрониевичу в турецкой столице всяческую поддержку²⁵.

Таким образом, Сербское княжество после революции 1848-1849 гг. стало ареной упорной борьбы за влияние в нем всех великих держав. Поводом к этой борьбе стал вопрос о польских и других эмигрантах. Боязнь нового революционного взрыва привела к тому, что Россия совместно с Австрией, оказывая жесткий нажим на уставобранительский режим, настояла на выселении из княжества враждебно относившихся к ней представителей польской эмиграции. Франция же и Великобритания поддерживали эмигрантов, рассчитывая с их помощью ослабить влияние первых двух держав. Симпатизировала эмигрантам и Порта.

2. "Устав политической пропаганды" на 1849/50 г.

Как упоминалось, в начале революции в Австрийскую империю из княжества выехало несколько членов "тайного демократического панславянского клуба": М.Бан, П.Чавлович, С.Херкалович и др. Вместе с ними в агитационную поездку отправился Тома Ковачевич, посетивший также Боснию и Герцеговину. Вернувшись в Сербию, он еще в октябре 1848 г. предоставил князю Александру и Гарашанину специальный реферат об этой турецкой провинции. В нем предлагалось организовать в Боснии и Герцеговине и на границах с нею сербские агентства; собирать жалобы на все турецкие злодеяния, чтобы употребить их в подходящий момент; расселять беженцев из этой провинции в княжестве так, чтобы в любое время их можно было легко использовать. Предлагалось также создать особое агентство, которое бы руководило всей пропагандой на территорию Боснии и Герцеговины²⁶.

В годы революции в целом потерпел крах принцип туркофильской политики, которую поддерживали Франция и польские эмигранты - приверженцы Чарторыского²⁷. Вследствие этого Матия Бан предложил обратиться к традиционной на Балканах освободительной борьбе с помощью организации повстанческих отрядов - чет. Он перевел с польского и издал на деньги самого князя Александра книгу "Правила четнической войны". На основе этого перевода Л.Иванович написал еще одну книгу "Четничество и четническая война"²⁸.

В связи с разочарованием в прежних методах объединительной политики, используя упомянутые реферат Ковачевича и труды по ведению четнической войны, а также уже почти пятилетний опыт предыдущей деятельности, Й.Маринович, Т.Ковачевич и М.Бан приступили к написанию нового детального плана. Бан писал Петру II Негошу, что они сообща составляют план, который, когда он будет готов, пришлют и в Черногорию²⁹.

Уже в марте 1849 г. новый тайный план, получивший название "Устав политической пропаганды, которую надо

проводить в славяно-турецких землях", был написан и передан для одобрения И.Гарашанину. При этом Бан заявил, что Сербия должна всеми силами расширить свою территорию: она или станет крупным государством на Востоке, или погибнет. Без ведения пропаганды, говорил он, княжество не сможет ничего получить, а с ее помощью "получит все, притом наименьшей кровью и с меньшими затратами". Гарашанин одобрил "Устав политической пропаганды", предварительно показав его князю. По этому плану, рассчитанному на один год, следовало действовать с июня 1849 по май 1850 г.

Целью политической пропаганды провозглашалась подготовка и организация "всеобщего и одновременного восстания" против турок. Она должна была вестись из двух центров (белградского и дубровницкого) и в следующих областях: Боснии, Герцеговине, Черногории, Южной Сербии, Новипазарском санджаке, горной Албании (где жили албанские католики-мирдиты), юго-западной Болгарии, Далмации и районах Хорватско-Славонской Военной Границы. Подчеркивалось, что все эти области составляют для пропаганды "одно неделимое пространство", где, кроме небольшой горстки албанцев, цинцар и греков, живут исключительно сербские "единоплеменники". Вся территория пропаганды делилась на два "предела" - южный и северный. В южный - входили Далмация, Герцеговина, Черногория и горная Албания, а в северный - Хорватско-Славонская Военная Граница, Босния, Новипазарский санджак, Южная Сербия и юго-западная Болгария. Пределы в свою очередь делились на части, части - на нахии, а нахии - на места (города и села).

Всю организацию по ведению пропаганды возглавляли И.Гарашанин ("поглавар") и его заместитель Й.Маринович. Последний должен был первоначально рассматривать любой вопрос, связанный с политической пропагандой, а затем со своими заключениями передавать его Гарашанину. Пропаганду в южном пределе возглавлял М.Бан, в северном - Т.Ковачевич. Им подчинялись агенты, которых предполагалось иметь 12 человек. Руководители

пределов или "коловоджи" должны были по меньшей мере два раза в год объезжать свои территории, поддерживать связь с агентами, давать им наставления, получать от них донесения об обстановке в их областях и т.д. Они должны были также заботиться обо всех денежных делах в своих пределах, платить жалованье агентам и другим людям, помогавшим вести политическую пропаганду.

Агентам подчинялись начальники, возглавлявшие деятельность организации в нахиях. Для связи с агентом начальник мог использовать специального посредника-курьера. Начальникам подчинялись кметы, занимавшиеся пропагандой на местах. В тех местах, где проживало смешанное христианско-мусульманское или православно-католическое население, предполагалось иметь по два кмета, разного вероисповедания. Специальная оговорка касалась боснийских францисканцев, которым было обещано сохранение их привилегий в составе расширенного сербского государства.

Большое внимание в "Уставе" уделялось организации переписки между различными функционерами политической пропаганды. В целях конспирации она могла вестись только между непосредственными начальниками и подчиненными. Регулярность переписки устанавливалась не реже одного раза в месяц. Писать нужно было с использованием шифров, псевдонимов и т.п. Особо важные письма посылались только с нарочным.

Для подготовки восстания было необходимо разработать специальный военный план. Предполагалось создать два его варианта. Первый - общий для всей названной территории и второй - для каждой области в отдельности. Подготовку общего плана следовало поручить специальному человеку, сведущему в этом деле. Планы для отдельных областей должны были готовить руководители тех пределов, куда эти области входили. Все планы надлежало затем представить для утверждения Гаращанину.

Вся политическая пропаганда находилась на финансовом обеспечении сербской казны. На нее должно было быть выделено 3400 талеров и 16 грошей. Деньги шли

на зарплату функционерам тайной организации, на оплату их поездок и переписки. Деньги получали: М.Бан как руководитель южного предела - по потребностям (Т.Ковачевич получал зарплату как казначей военного отдела министерства внутренних дел), агенты - по 100 талеров или чуть больше, курьеры для связи между различными членами организации - по 120 талеров и т.д. Фактически агенты по ведению политической пропаганды по жалованью приравнивались к чиновникам княжества низшего разряда, получавшим в среднем по 130 талеров в год³⁰.

В "Уставе политической пропаганды" были отражены многие идеи, сформулированные еще в "Начертании", что показывает неизменную преемственность сербской объединительной деятельности в рассматриваемый период. Конечной ее целью оставалось объединение сербских земель, находившихся под турецкой властью, вокруг Сербии. Правда, сами эти земли трактовались уже более расширительно. Главным образом это касалось части болгарских земель. С другой стороны, складывавшейся сербской нации было трудно, если не невозможно, полностью объединиться в одном национальном государстве, не включая в себя и другое, не обладавшее еще ярко выраженным национальным самосознанием несербское население. Аналогичные проблемы, вследствие чересполосного проживания, стояли и перед другими балканскими народами. И их идеологические вожди слишком расширительно трактовали земли, населенные хорватами, болгарами, греками и т.д. Подобная ситуация вела к усилению внутрибалканских противоречий.

Осуществить объединение сербских земель, как и раньше, замыслилось путем простого включения их в состав княжества. Однако для францисканцев в Боснии и албанцев-католиков (мирдитов) предусматривалась своего рода национально-территориальная автономия. В "Уставе" ничего не говорилось о каких-либо общественно-экономических реформах на территориях, которые предстояло освободить от турецкой власти. Хотя это прямо

не подчеркивалось, судя по всему сохранялось и прежнее отношение к европейским державам.

В то же время "Устав политической пропаганды", несомненно, явился новым шагом в развитии сербской политической мысли. Прежде всего это касалось методов достижения поставленной цели. Если в "Начертании" расчет делался на получение постепенных "добровольных" уступок от Турции, то теперь стало ясно, что такими методами добиться успеха не реально. Курс был взят на подготовку вооруженного восстания во всех сербских землях во главе с Сербским княжеством. Причем эта цель уже не откладывалась на неопределенное время, а становилась делом ближайшего будущего.

К концу мая 1850 г., как и предполагалось, организация по ведению политической пропаганды была создана практически во всех обозначенных областях. В северном пределе, которым из Белграда руководил Т.Ковачевич, было решено иметь семь агентств. Пять из них должны были действовать вдоль сербско-турецкой (болгарской) границы и два - в районе, где Хорватско-Славонская Военная Граница примыкала к Боснии.

На Видинский пашалык деятельность направлялась из агентства, созданного в Гургусоваце (Княжеваце), которое возглавлял Хрисант Йованович, замененный позже как несправлявшийся со своими обязанностями. С помощью этого агентства было организовано шесть нахий с центрами в Видине, Ломе, Свиштове, Тырново, Габрово и Софии. Начальниками в этих нахиях были соответственно: архимандрит Йосиф Иоакимович, торговцы Дмитрие Попович и Апостол Койкович, учитель Енча Тодорович, архимандрит Габровского монастыря и торговец Замфир Димитриевич³¹.

На Нишский санджак пропаганда велась из агентства, созданного в Алексинаце (агент - неизвестен). Нахии были образованы там вокруг пяти городов. Их начальниками в Нише стали Митица Игнятович и Коджа Бояджи, в Пироте - Гога Ерменин, он же исполнял обязанности начальника в

Берковице, в Лесковаце начальник пропаганды - неизвестен и в Прокупле им был Стеван Бояджи³².

Кроме функционеров организации по ведению политической пропаганды, известия о положении дел в Болгарии сербское правительство получало от издателей и продавцов книг на болгарском языке, печатавшихся в белградской типографии. Начавшаяся ранее издательская деятельность княжества продолжалась и в конце 40-х - начале 50-х гг. Особенную активность в ней проявлял приехавший в Белград в 1849 г. бывший болгарский учитель Хаджи Найденов. Он и другой издатель и продавец книг Пенчо Радов во избежание конкуренции разделили всю болгарскую территорию на две части. Первый продавал книги только в западной и южной Болгарии, второй - в северной. Но есть предположение, что это было сделано также по просьбе сербского правительства, которое хотело иметь сведения о положении дел из всех частей Болгарии. Тот же Радов два-три раза арестовывался турецкими властями, которые считали его агентом сербского правительства. Позже, когда Хрисант Йованович был смещен со своего поста руководителя пропаганды в Видинском пашалыке, он также занялся издательской деятельностью. Например, именно его стараниями была переведена на болгарский язык и напечатана книга Павла Шафарика³³.

Сербское правительство рассчитывало и на сотрудничество с болгарскими священниками, получившими богословское образование в княжестве. В конце августа 1851 г. первая их группа завершила обучение и уехала служить на родину³⁴.

Из агентства, созданного в Рашке (агент - неизвестен), политическая пропаганда велась на Старую Сербию (Новипазарский санджак). Там было создано семь нахий с центрами в Призрене, Джаковице, Пече, Бихоре, Нови-Пазаре, Вучитрне и Приштине. Их начальниками соответственно были: Тоне Симич (в первых трех), монах Антим, священник Илия, некий Максим (Цинчич?) и торговец Васо Джорджевич³⁵.

Два агентства, созданные на сербско-боснийской границе, вели политическую пропаганду на Боснию. Агентству в Ужице, которое возглавлял учитель Петр Маринович, подчинялись четыре нахии с центрами в Сребренице, Вишеграде, Рогатице и Власенице. Агентство в Шабаце, возглавлявшееся секретарем суда Йованом Милинковичем, вело пропаганду в междуречье Дрины, Спречи, Босны и Савы. Там было создано шесть нахий вокруг городов Биелина (начальник - Пера Селакович), Зворник (начальник - Тешо Мович), Тузла (начальник - Лако Еремич), Маглай (начальник - Ерко Еремич), Градацац (начальник - неизвестен) и Брчко (начальник - священник Зария)³⁶.

На Хорватско-Славонскую Военную Границу были посланы с целью создать еще два агентства в Броде и Ясеноваце для дальнейшей политической пропаганды на Боснию Ристо Богичевич и Лука Клаич. Однако создать в своих районах пропагандистскую организацию в полном объеме им не удалось³⁷.

Таким образом, с границ на Боснию вели пропаганду четыре агентства. В самой же Боснии еще со времени агитационной поездки Т.Ковачевича в 1848 г. были и другие сторонники тайной деятельности Сербского княжества: в Сараево - С.Райкович, в Травнике - С.Николаевич, в Баня-Луке - Т.Радулович. Кроме этого, велись переговоры об использовании в Баня-Луке уроженца этого города некоего Киянича, работавшего в то время наборщиком в типографии Л.Гая. Через Киянича, как католика, предполагалось вести пропаганду среди католического населения Боснии. Ковачевич характеризовал его как "довольно способного молодого человека и без какого-либо религиозного фанатизма"³⁸.

В южном пределе, как упоминалось, пропаганду возглавлял находившийся в своем родном Дубровнике М.Бан. В этом пределе по плану следовало иметь пять агентств: три - вдоль Адриатического побережья (в Которе, Дубровнике и Сплите), четвертое на стыке далматинско-хорватско-турецкой границы и пятое в Северной Албании³⁹.

Бан вместе с приданным ему в помощь в качестве курьера С.Верковичем приехал в Дубровник в июне 1849 г. Они должны были также привлечь к совместной деятельности в тайной организации черногорского владыку Петра II Петровича Негоша. Вследствие этого Бан из Дубровника сразу же выехал в Цетинье, где передал владыке 2 тыс. дукатов и сообщил об ожидаемом приезде в Черногорию вождя мирдитов Биб Доды. Переговоры между Баном и Негошем длились три дня, после чего черногорский владыка вновь согласился на сотрудничество с Сербией, а также передал письмо князю Александру, в котором благодарил за финансовую помощь и поддержку "наших братьев в Воеводине"⁴⁰

В Северной Албании агентом организации по ведению политической пропаганды был назначен католический священник Гаспар Красничи, приезжавший для встречи с Гарашанином в Белград летом 1849 г. Вернувшись домой, Красничи написал сербскому министру обширное письмо, в котором писал, что горный край, где живут мирдиты, "был бы непобедим по своему положению, если бы только природа снабдила его достаточным количеством продовольствия". Мирдиты, подчеркивал Красничи, храбрый и воинственный народ, у них есть и оружие, но из-за крайней нищеты нет возможности купить порох и кремни⁴¹.

Красничи объехал все североалбанские земли и, оставив за себя в качестве представителя тайной организации священника из города Каливоре, прибыл в Скадар. Там пропагандистской деятельностью занимался Йован Милич. Другой агент - скадарский купец Георгие Бошкович - из-за подозрений турецких властей был вынужден перебраться в Котор. В Скадаре Красничи подключил к пропагандистской деятельности также главу католиков этого города - Домазена. Для себя и Домазена он просил у сербского правительства денег на нужды "общего дела". Однако именно из-за этих денег Красничи повздорил с руководителем пропаганды в южном пределе М.Баном. Чтобы в будущем избежать подобных конфликтов,

последний предложил Гарашанину поддерживать связь с албанскими представителями не через него, а через Негоша. Но, кроме того, связь с албанскими католиками осуществлялась и через входивший в северный предел пропаганды Новипазарский санджак (Старую Сербию)⁴².

Осенью 1849 г. Бан докладывал Гарашанину о созданных им агентствах. В Дубровнике агентом стал местный протоиерей Джордже Николаевич. На далматинско-хорватско-турецкой границе Бан по совету Ковачевича хотел назначить агентом Крсто Кулишича, но побоялся его горячности и поручил дело пропаганды Калиничу. А чтобы не обижать Кулишича, Бан просил сербское правительство наградить его и Спиру Крстича за старые заслуги. Наконец, в декабре Бан сообщил, что 11 человек из Герцеговины и 5 из входившей в северный предел Боснии вступили в тайную организацию и дали клятву на верность ему и Николаевичу. Чуть позже подобную клятву дали еще 3 человека из Герцеговины и 18 из Боснии. Таким образом, заключал Бан, вся сеть агентств установлена. Тогда же он сообщил о заключении союза между черногорцами и мирдитами и о том, что через Верковича передал Негошу 3 тыс. дукатов (из которых одна тысяча была предназначена для Красничи)⁴³.

В Герцеговине связь с деятелями организации по ведению политической пропаганды поддерживали также православный священник Й.Памучина и писарь Л.Стефанович из Мостара⁴⁴. Продолжались попытки привлечь на сторону Сербского княжества мусульманскую знать, сепаратистски настроенную по отношению к центральному правительству. (Это предлагали еще Т.Ковачевич и М.Бан во время своих агитационных поездок в 1848 г.). Так, Негош сообщал в Белград, что у него есть договоренность с герцеговинским "везиром" Стойчевичем, имевшего под началом 30 тыс. вооруженных людей. "Добавьте моих как минимум 15 тысяч и 5 тысяч из Далмации, - писал черногорский владыка, - и мы самое меньшее располагаем 50-тью тысячами"⁴⁵.

В установленный срок задачи по реализации "Устава политической пропаганды" были в основном выполнены. Везде, на обширной территории, охватывавшей более половины Болгарии, Старую и Южную Сербию, Черногорию, часть Далмации, Герцеговину, Боснию и Хорватско-Славонскую Военную Границу, у фактического руководителя сербской внешней политики находились свои агенты, создавшие разветвленную организацию и начавшие подготовку к восстанию против векового врага.

3. "Устав политической пропаганды" на 1850/51 г.

Первый "Устав политической пропаганды" был принят во время революции, когда Гарашанин и его соратники пришли к выводу, что настал подходящий момент для реализации объединительных задач. Теперь же было ясно, что революция закончилась, и ждать насильственной перекройки карты Балкан уже не приходилось. Все великие державы, как ясно понимал Гарашанин, выступали за сохранение Османской империи и подозрительно относились к любой антитурецкой активности Сербии. Само княжество испытывало большие политические трудности, связанные с наличием сильной внутренней и внешней оппозиции, с непрекращавшимся давлением держав, в том числе и в связи с вопросом о польских эмигрантах. В этой обстановке Гарашанин был вынужден проявлять большую осторожность и сдержанность.

Когда задачи первого года ведения политической пропаганды были уже фактически выполнены, руководитель южного предела М.Бан в марте 1850 г. был неожиданно отозван в Белград. Его деятельность вызвала подозрения австрийских властей. Пытаясь защититься от обвинений, Бан хотел даже принять австрийское подданство, но Гарашанин посчитал лучшим вариантом его отзыв из Дубровника. Более того, Бану было приказано распустить все созданные им агентства и всех завербованных в тайную организацию людей, а Негошу посоветовать ждать более подходящего момента. Этот приказ Гарашанин мотивировал

тем, что великие "державы решили мир утвердить и сохранить" и не поднимать в этот момент Восточный вопрос. Бан довел до сведения Петра II и своих агентов гарашаниновское решение, но, уезжая в Белград, под свою ответственность оставил все же продолжать работать семь своих человек. Он объяснил Гарашанину, что неразумно сразу рвать "все нити", ибо никто не знает, что может ближайшее будущее принести. Бан просил также отправить его обратно в Далмацию, чтобы с помощью типографии Негоша "распространять там народные книги и развивать народное сознание". Однако Гарашанин его не отпустил, и вскоре Бан стал преподавателем французского языка в Белградском лицее⁴⁶.

Все же, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Т.Ковачевич разработал на следующий 1850/51 год новый "Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях". Принципиально он ничем не отличался от первого, хотя в него и были внесены некоторые изменения. В мае 1850 г. новый план был передан Гарашанину, который его утвердил.

Ковачевич убедил своего руководителя, что обстоятельства могут измениться (об этом говорил и Зах), и "Европа окажется втянутой в войну". Нельзя быть такими же неподготовленными, как в 1848 г. Ковачевич рассчитывал также на намерение Порты провести некоторые внутренние реформы в своих христианских провинциях. Эти реформы, по его мнению, в связи с их непоследовательностью и половинчатостью вполне вероятно могут вызвать "недовольство, многочисленные бунты, а, может быть, и гражданскую войну".

В "Уставе политической пропаганды" на 1850/51 г. было уже определено время, к которому следовало разработать специальный военный план восстания против турок. Руководители северного и южного пределов должны были предоставить свои планы до 1 декабря 1850 г. Затем составитель общего плана обработал бы эти документы, затребовав от агентов необходимые ему дополнительные сведения. Агенты должны были собрать эти дополнительные

данные до конца февраля 1851 г., и, таким образом, общий план мог бы быть готов к концу второго года ведения политической пропаганды.

Главными задачами по второму "Уставу политической пропаганды" были: 1) там, где пропаганда уже организована, добиваться доверия у местного населения, обещая ему скорое освобождение от турецкого ярма; 2) организовать пропагандистскую работу там, где она еще не велась; 3) подготавливать все необходимые средства для восстания; 4) привлекать к ведению пропаганды новых людей. Руководителем северного предела остался Т.Ковачевич, а М.Бан был заменен на Дж.Николаевича. Количество агентов по второму "Уставу" в южном пределе должен был определить сам его новый руководитель. В северном пределе, где все в основном было по-старому, только в Боснии (в Тузле и Травнике) было добавлено два агента-католика - францисканцы Блаж Йосич и Иво Франьо Юкич. Они должны были стараться преодолеть недоверие, существовавшее между католическим и сербским православным населением.

По второму "Уставу политической пропаганды" агенты, каждый в своей нахии, должны были подготовить вооруженную чету для будущих действий. В целях конспирации всех агентов, которые действовали из Сербии, было решено сделать пограничными чиновниками княжества. На второй год на пропаганду предусматривалось выделить из сербского государственного бюджета сумму, меньшую, чем на первый - 2053 талера.

Данных о деятельности по второму "Уставу политической пропаганды" сохранилось мало. Возможно, что одной из причин этого, была более строгая конспирация. Все письма уничтожались после прочтения. О пропагандистской работе знал весьма ограниченный круг лиц в сербском руководстве. Эту деятельность скрывали не только от Порты и европейских держав, но и от непосвященных членов сербского правительства⁴⁷.

В Видинском пашалыке смещенному ранее Х.Йовановичу была найдена замена в лице крагуевацкого

экспедитора Вучко Джорджевича. В Старой Сербии Ковачевич предложил в помощь тамошнему агенту придать еще и полицейского чиновника Тому Симича⁴⁸.

В Нишском санджаке весной 1850 г. турецкими властями был раскрыт заговор по подготовке восстания, которое готовила одна чета из 12 человек во главе со Станко Бояджи. Она была связана с укрывшимися ранее в Сербии другими болгарскими патриотами: С.Чавдаром, К.Чавкой, К.Марковым, Т.Треандафиловым⁴⁹. Возможно, что Станко Бояджи был связан и с гарашаниновской тайной организацией. Любопытно, что агентами этой организации, как упоминалось, были: в Прокупле - Стеван Бояджи, а в Нише - Коджа Бояджи. Возможно также, что выступление, которое готовила чета Станко Бояджи, должно было стать составной частью вспыхнувшего вскоре, в июне 1850 г., крестьянского восстания в Видинском пашалыке.

Сербия официально от него отреклась и не поддержала, хотя участники Видинского восстания обращались к ней с просьбами о помощи оружием и боеприпасами, а одно время были даже готовы присоединить к княжеству взбунтовавшиеся нахии. Уставобранители же не желали обострения отношений с Портой. Они также боялись, что Видинское восстание могут возглавить сторонники Обреновичей и советовали болгарам вместо вооруженной борьбы пойти с турками на переговоры. Восстание было быстро подавлено. Многие болгары с семьями пытались скрыться в Сербии от зверств турок⁵⁰.

Уставобранители и в этом случае не пожелали из-за болгар портить отношения с Турцией. Царский дипломат С.И.Попов сообщал из Белграда, что сербское правительство "огправило одного из членов Совета, по имени Лешанин, на болгарскую границу, уполномочив его в случае натиска бегущих христиан, принять надлежащие меры к их задержанию и обезоруживанию". Сербское руководство обратилось также к видинскому паше с просьбой отправить и с турецкой стороны к границе

специального поверенного, которому Лешанин мог бы передавать "всех перебежчиков, им задержанных"⁵¹.

Во второй год ведения политической пропаганды в Сараево отправились Алекса Шушкалович и Тодор Миушкович⁵². В этот период в Боснии также отмечался рост крестьянских волнений. Они были связаны с борьбой местных мусульманских феодалов против реформ центрального правительства, разрушавших их традиционную автономию. Депутация сербского православного населения еще в конце 1849 г. приезжала в Белград узнать мнение сербского правительства по поводу своего участия в этом движении. Гарашанин убеждал боснийских сербов в том, что их положение "нисколько бы не улучшилось через присоединение к врагам султановской власти" и что "лучше ожидать со смирением улучшения своей участи от благоприятных обстоятельств"⁵³.

На подавление сепаратистских сил в Боснию был направлен Омер-паша Латас (потурченец Михаил Латас), один из самых способных турецких полководцев того времени, разгромивший до этого Видинское восстание. Действия Омер-паши решило поддержать христианское население, которому он обещал облегчение положения. И на самом деле христиане получили возможность иметь свои школы, в с 1851 г. в Сараево существовал специальный фонд сербских школ. Но когда боснийские мусульмане были разбиты, Омер-паша начал гонения и на христиан, обвинив их в том, что они хотят восстать против турок и объединиться с сербами, черногорцами и хорватами⁵⁴.

Как и болгарам, сербское руководство не оказало боснийским сербам никакой поддержки. С.И.Попов доносил в начале июня 1850 г., что "ни в здешнем правительстве, ни в народе не заметно малейшего желания вмешиваться - хотя бы самым косвенным образом - в затруднительные дела Боснии". В самом конце того же года правительство княжества, несмотря на собственные финансовые трудности, выделило даже Порте заем в 15 тыс. червонцев "для содержания боснийских войск"⁵⁵.

Таким образом, хотя в "Уставах политической пропаганды" и провозглашался курс на всеобщее восстание против турок, в реальной политике Сербского княжества это не нашло никакого выражения. Уставобранители, в том числе и Гарашанин, отказались от поддержки антитурецких крестьянских восстаний, стихийно вспыхивавших в соседних областях. Причиной этому была не только боязнь преждевременного ухудшения отношений с Портой. Консервативный в вопросах внутренней политики режим уставобранителей сам боялся народных масс. Но отказом от взаимодействия с крестьянскими движениями, от какого-либо решения аграрного вопроса в освобождаемых от турок областях (об этом ничего не говорилось в обоих "Уставах") уставобранители лишали себя главного союзника в борьбе с Османской империей⁵⁶. Решение аграрного вопроса было невозможно также и из-за желания привлечь на свою сторону мусульманскую знать Боснии и Герцеговины. Этот курс, берущий свое начало еще от "Начертания", был, по-видимому, ошибочным.

В южном пределе в герцеговинский город Мостар по заданию Гарашанина приехал и стал работать учителем Иван Стоянчевич. В Македонию в качестве агента пропагандистской организации был послан Стефан Веркович. Продолжались связи с албанскими католиками. В конце 1850 г. к мирдитам ездил тот же С.Веркович. В 1850 и 1851 гг. в Сербию приезжал родственник мирдитского вождя Биб Доды - Марк Проклеш. Он говорил, что мирдиты "в состоянии до 2000 воинов в любое время князю и сербскому правительству послать, если в этом будет необходимость"⁵⁷.

Кстати сказать, тогда же к новому российскому консулу в Белграде Ф.А.Туманскому приезжали монахи Дечанского монастыря с просьбой основать консульство России в Скадаре для защиты сербского православного населения в Северной Албании. Интересно, что они даже предложили на пост консула собственную кандидатуру - скадарского купца Г.Бошковича⁵⁸. Это был некто иной, как упоминавшийся ранее агент политической пропаганды Гарашанина в Скадаре.

В 1850 г. в Сербском княжестве вновь проявился интерес к проблеме получения выхода к Адриатическому морю. Как и раньше, многие в сербском руководстве выступали за получение от Порты права на торговый путь через Рашку и Северную Албанию, вплоть до Скадара и Улциня. Дважды за этот вариант в белградской прессе опять высказывался Александр Васоевич. Он писал, что торговый путь необходим для развития экономики княжества, что Петрониевич уже беседовал на эту тему с представителями турецкого правительства. Однако против этого, по-видимому, официального варианта выступил вернувшийся в Белград бывший руководитель южного предела пропаганды Матия Бан. Он предложил стремиться к получению выхода к морю через Боснию и Герцеговину и Далмацию, так как в первую очередь Сербия должна заботиться о политических интересах (чего не предусматривал первый вариант). Бан утверждал, что в Боснии и Герцеговине проживает "исключительно сербский народ"; что эти земли нужно экономически и политически привязать к Сербии; что путь через эти земли был бы более безопасным, в то время как путь через Северную Албанию Турция в любой момент могла бы использовать для нападения на княжество⁵⁹.

В 1851 г., развивая свои идеи, Бан писал Гарашанину, что для организации торговли на Адриатическом побережье больше всего подходит Суторина (городок близ Дубровника). Торговый путь через Герцеговину уже существует до Требинье, объяснял он, а оттуда до Суторины "не более часа езды". Этот путь гораздо короче, чем через Старую Сербию, и совершенно безопасный. Некоторые считают, что путь через Герцеговину представлял бы угрозу для Черногории, однако и замышляемый ранее путь проходил бы вблизи ее границ, только с другой, скадарской стороны. Некоторые в организации торгового пути видят необходимость оказывать политическое влияние на Старую Сербию. Но, по мнению Бана, она и так никуда не денется, а Босния и Герцеговина - с трех сторон окружена Австрией, все больше распространяющей на эту провинцию свое влияние. И вообще путь через Герцеговину обеспечит

Сербии доминирующее влияние на всем "сербском приморье"⁶⁰.

Тогда же Александр Карагеоргиевич тайно, без уведомления сербского правительства послал М.Йокича с миссией в Стамбул, Париж и Лондон. Он имел задание вновь поставить перед Портой вопрос о наследственной власти сербского князя (этим же занимался и находившийся уже в турецкой столице А.Петрониевич). Во Франции же и Великобритании Йокичу следовало говорить о необходимости для Сербии торгового пути к Адриатическому морю. Речь, вероятно, шла об официальном проекте - через Рашку, Северную Албанию и Скардар.

Однако миссия Йокича окончилась безрезультатно. Более того, сербское правительство, недовольное сепаратными действиями князя, понизило его посланника в должности. Указ об этом был вынужден подписать сам Александр. Возможно, решающее влияние на такую позицию руководства Сербии оказал Т.Вучич, позиции которого опять усилились вследствие отсутствия в стране Петрониевича и находившегося на лечении в Австрии Гарашанина. Обиженный Йокич обрушился с резкими нападками в адрес князя и правительства и в конце концов угодил в тюрьму. Оттуда он угрожал разгласить некоторые факты, могущие якобы скомпрометировать Александра Карагеоргиевича и руководство Сербии в глазах России. После этого, по письменному ходатайству Гарашанина из Австрии Йокич был освобожден⁶¹.

В целом, несмотря на определенную активность можно, по-видимому, говорить о тенденции спада и даже затухания объединительной деятельности Сербского княжества уже со времени реализации второго "Устава политической пропаганды" на 1850/51 г.

Эта деятельность встретила резкое противодействие австрийской дипломатии. В Вене с 1850 г. знали, что Сербия занимается политической пропагандой в соседних областях, и считали, что ее целью является создание "одного великого царства" южных славян из турецких и австрийских земель⁶².

Чуть позже о тайной политике Сербского княжества, сформулированной еще в "Начертании", узнали в Петербурге. Российский консул Д.С.Левшин, окончательно покидая по состоянию здоровья дипломатический пост в Сербии, послал 26 октября 1851 г. обширное донесение в Азиатский департамент, в котором писал, что за время своего консульства он убедился во враждебности сербского правительства к покровительствующей державе. Это, по его мнению, началось с тех пор, как правительство России не захотело поддержать уставохранителей во время правления князя Михаила и мятежа Вучича. Придя к власти, уставохранители стремились настроить народ против России, поколебать или даже совершенно уничтожить его преданность к ней. Такую политику сербское правительство "всегда старалось прикрыть уверениями в преданности к России", так как сознавало свою слабость в борьбе "против постепенно усиливающихся приверженцев Обреновичей и против всех прочих недовольных, кои предполагают Вучича главой своей".

"В отношении духа и направления, - считал Левшин, - положение дел в Сербии остается весьма неудовлетворительным." В самом правительстве существует группа, руководимая Гарашанином, которая распространяет "идею о полной самостоятельности Сербии, о ее соединении с прочими южными славянами" и представляет Российскую империю как "державу, стремящуюся поработить сербов и подавить всякое стремление с их стороны к развитию своей национальности". Но сербский народ "сохранил до сих пор чувство преданности и полного доверия к России" и уверен, что судьба его от нее зависит.

Недружественную России политику сербского правительства Левшин объяснял поддержкой Турции; "коварными наущениями и происками" польских эмигрантов, находящихся с Гарашанином в тайной связи; а также участием добровольцев из княжества в военных действиях в Воеводине, "ибо участие сие не было принято с целью пособить водворению в Австрии законного порядка и утверждению монархической власти, а чтобы в случае

неудачи австрийцев отделить от мадьяр славянские племена и таким образом осуществить любимую идею о составлении южного славянского государства". Кроме этого, сообщал консул, Гарашанин назначил начальником отдела в министерстве иностранных дел "своего приверженца некоего Мариновича, молодого человека, воспитанного в Париже и совершенно зараженного враждебными идеями польской пропаганды". Этот Маринович служит для связей с английским и французским консулами, "которых он по наущению Гарашанина уверяет в особенной преданности сербского правительства"⁶³.

Каким путем Левшин собрал такого рода сведения, остается неясным. Они могли быть плодом его собственных наблюдений, а, возможно, были получены от австрийского консула.

В состоянии упадка организацию по ведению политической пропаганды, кроме позиций Австрии и России и усиления политической нестабильности режима уставобранителей, вероятно, повергли и те экономические трудности, которые испытывало сербское правительство. С 1848 г. в Сербии наблюдался хронический дефицит государственного бюджета: расходы в среднем на 25 % превышали получаемые доходы⁶⁴.

О затухании объединительной деятельности, по крайней мере в южном пределе, говорит и тот факт, что в августе 1851 г. М.Бан вновь приезжал в Цетинье к уже неизлечимо больному Негошу с повторным заданием от Гарашанина распустить все оставшиеся агентства⁶⁵.

После смерти Негоша в октябре 1851 г. главой Черногории стал его племянник Данило. Через год с согласия России он провозгласил себя князем. Черногория стала оказывать помощь восставшему против турок православному населению Герцеговины. Всегда относившаяся к черногорцам с недоверием Порты послала на их усмирение Омер-пашу. Однако не успел он еще двинуть свои войска, как черногорцы захватили турецкую крепость Жабляк, расположенную на берегу Скадарского озера. Началась черногорско-турецкая война. Силы в ней,

конечно, были не равны. От разгрома маленькую Черногорию спасло вмешательство России, которую поддержала Австрия. (В то же время Франция и Англия выступали на стороне Османской империи). В конечном итоге Турция была вынуждена уступить, приказав Омер-паше прекратить военные действия⁶⁶.

После этого быстро исчезла и общность интересов, которую продемонстрировали в черногорско-турецкой войне Петербург и Вена. Габсбургская монархия больше не нуждалась в союзе с Россией, с которой у нее усилились противоречия на Балканах⁶⁷. Австрия после 1848 г. выступала за сохранение статус-кво на Балканах только до тех пор, пока политические изменения в этом регионе не несли ей прямой выгоды.

Сербское же княжество вновь, как и во время крестьянских волнений в Болгарии и Боснии, не поддержало ни сербов Герцеговины, ни помогавших им черногорцев. Князь Данило был разочарован такой позицией, за которую, по его мнению, отвечали И.Гарашанин и Й.Маринович. На ухудшение сербско-черногорских отношений повлияло и то, что Александр Карагеоргиевич отказался выдать за черногорского князя замуж одну из своих дочерей. Это было сделано под давлением Турции и Франции (а, вероятно, и Австрии), которые опасались, что династический брак приведет к прочному союзу, а в перспективе и к возможному объединению двух сербских государств. Отношения между уставобранительским режимом и Черногорией были окончательно испорчены. В начале 1853 г. в Вене Данило заключил союз со злейшими врагами уставобранителей Милошем и Михаилом Обреновичами⁶⁸.

В турецкой армии, подавлявшей крестьянское восстание в Герцеговине, а затем и воевавшей против Черногории, принимали активное участие многие польские эмигранты, принявшие ислам и поступившие на турецкую службу, - Илинский (Искандер-бег), Ласский (Мехмет-бег), Якубовский (Якуб-ага), Фрейнд (Махмуд-ага) и др. Особо отличился в этой борьбе Искандер-бег - Илинский⁶⁹. Таким

образом, агенты Чарторыского скатились от заигрывания с сербами и другими южными славянами к прямой вооруженной поддержке их многовекового поработителя - Османской империи.

Осенью 1852 г. в Белград, чтобы договориться о совместной борьбе против бана Елачича, приезжал Л.Гаїй. Но его встретили с откровенной неприязнью, считая ставленником Австрии, а Гарашанин вообще отказался с ним видеться. Ни о каком сербско-хорватском сотрудничестве речь в то время уже не шла⁷⁰.

Более того, именно в тогда княжеская канцелярия издала указ о цензуре, в котором постановлялось, "чтобы все писатели сербские и писари канцелярий в Сербии, по примеру русских, придерживались орфографии, которая и в церковных наших книгах наблюдается"⁷¹. Запрет орфографии, предложенной Вуком Караджичем, был, как известно, во многом связан с введенной им в сербскую азбуку буквы "j", которая рассматривалась как пришедшая из латинского письма и связывалась поэтому с пропагандой католицизма.

В целом, как считает М.Экмечич, поражение в революции 1849 г. стало историческим "сломом" идеи югославянского национального единства. После этого в рамках религиозного ("сектантского") типа национализма начинают уже интегрироваться отдельные югославянские нации⁷². Последнюю мысль хотелось бы подчеркнуть. На самом деле, если до середины XIX в. в силу неразвитости национального самосознания у ряда южнославянских народов существовала еще (постоянно, правда, уменьшавшаяся) гипотетическая возможность формирования общей южнославянской нации, то после поражения революции в Австрии эта альтернатива оказалась безвозвратно упущенной. В отличие, например, от немцев или итальянцев, развитие южнославянских народов пошло по пути образования отдельных наций. Создание в 1918 г. Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев произошло уже слишком поздно, на этапе почти полностью сформировавшихся самостоятельных наций, что, конечно,

не могло не сказаться на прочности общего югославянского государства. Причем обладавшие в середине XIX в. из всех южных славян самым сильным национальным самосознанием сербы, в дальнейшем уступили пальму первенства своим соседям. Их национальное самосознание вплоть до настоящего времени оказалось наиболее размытым.

В югославской историографии Д.Страняковичем высказывалось предположение, что и в 1851-1853 гг., вплоть до отставки И.Гарашанина принимались подобные первым двум "Уставы политической пропаганды"⁷³. Однако сведений об этом до сих пор нет.

4. Великие державы и кризис в сербском руководстве накануне Крымской войны

В апреле 1852 г. из Константинополя пришло известие о внезапной кончине А.Петрониевича. Существовавшие и раньше вражда и конфликты между различными группировками уставобранителей вспыхнули с новой силой. Началась борьба за ставшее вакантным место премьер-министра. Против Гарашанина и его сторонников, опиравшихся на поддержку французской дипломатии, выступала проавстрийская княжеская камарилья во главе с А.Янковичем, Т.Кнежевичем и А.Ненадовичем. Борьба была такой непримиримой, что назначение нового главы сербского правительства было отложено на пять месяцев. Смерть Петрониевича привела также к активизации деятельности Т.Вучича, к которому, по мере ухудшения отношений с режимом уставобранителей, все с большей симпатией начинала относиться Россия. Пытаясь покончить, наконец, с внутренней оппозицией, И.Гарашанин в апреле 1852 г. издал одобренный князем Александром циркуляр ко всем местным властям княжества - так называемый "Апрельский циркуляр"⁷⁴.

В этом циркуляре все "преступления, состоящие в злословии или осуждении какой-либо местной власти или чиновника, власть исполняющего", подводились под действие первого параграфа закона 1843 г.,

предусматривавшего смертную казнь "за политические преступления высшего разряда". Апрельский циркуляр был издан без согласования с членами Совета, которые вследствие этого одно время были настроены его отменить, но затем уступили. Особый гнев вызвал циркуляр у Вучича, против которого он и был собственно направлен в первую очередь⁷⁵.

Апрельский циркуляр встретил также резкий отпор со стороны нового российского консула Ф.А.Туманского, доносившего, что за шесть месяцев пребывания в Белграде он убедился "в правильности мнения г-на Левшина о Гарашанине", который старается "повредить влиянию покровительствующей державы". Причем Гарашанин распоряжается самовластно, а князь Александр действует во всем по его внушениям, хотя не любит своего министра, "но боится и не смеет удалить от попечительства внутренних дел". Туманский доносил также, что "Вучич и его партия просят о защите против драконовского нового постановления правительства"⁷⁶.

Получив сообщение Туманского, российское министерство иностранных дел поручило ему добиваться отмены Апрельского циркуляра. В августе 1852 г. Туманский послал находившемуся тогда в поездке по стране Александру Карагеоргиевичу письмо, в котором настаивал на отмене циркуляра по двум причинам: 1) "преувеличенная строгость сей меры нисколько не может быть оправдана настоящим порядком вещей в княжестве" и 2) "всякое дополнение к существующему закону принадлежит власти не исполнительной, а законодательной, то есть должно быть утверждено вашей светлостью и издано с согласия Совета, а отнюдь не самопроизвольным распоряжением попечителя"⁷⁷.

На активное вмешательство России в сербские дела, несомненно, повлияла также поездка Гарашанина под предлогом лечения в Париж сразу после издания Апрельского циркуляра. Во французской столице Гарашанин встречался с Чарторыским, послом Франции в Турции Лавалеттом и тогда еще президентом страны Луи-

Наполеоном Бонапартом. Эта поездка была расценена всеми как откровенная попытка сербского министра опереться на Францию в борьбе с австрийским и русским влиянием в княжестве и за пост главы сербского правительства. Луи-Наполеон обещал Гарашанину свою поддержку, но советовал избегать всего того, что может возбудить подозрения Австрии. О негативном восприятии в России его французского турне говорили Гарашанину в Вене (где он останавливался на обратном пути из Парижа в Белград) барон В.К.Ливен и священник церкви при российском посольстве в Австрии М.Ф.Раевский⁷⁸.

Однако, несмотря на протесты России, Александр Карагеоргиевич в начале сентября 1852 г. послал директору Азиатского департамента российского МИД Л.Г.Сенявину письмо, в котором в ответ на требование Туманского писал, что не может отменить Апрельский циркуляр, так как в княжестве усилилась деятельность врагов режима. Отмена циркуляра, по словам сербского князя, привела бы страну к губительным последствиям. После этого Александр пошел на еще больший конфликт с Россией и 13 сентября сразу после возвращения Гарашанина из-за границы назначил его премьер-министром и министром иностранных дел. В борьбе с внутренней и внешней оппозицией князь пожелал опереться на человека, имевшего реальную власть. На такое решение оказывала давление также дипломатия Франции и Турции. Освободившийся пост министра внутренних дел занял Алекса Симич, симпатизировавший деятельности княжеской камарилы⁷⁹.

Через десять дней после своего назначения Гарашанин отправил на пенсию со специально введенной для него новой должности кабинетного советника Т.Вучича. Затем, чтобы как-то оправдаться перед Россией, новый глава сербского правительства издал очередной циркуляр ("Октябрьский"), изменявший первый параграф предыдущего. Однако Октябрьский циркуляр не был, как Апрельский, опубликован в газете, на чем настаивал Туманский⁸⁰.

Назначение Гарашанина и отставка Вучича вызвали сильнейшее раздражение в Петербурге. В ноябре 1852 г. Нессельроде послал сербскому князю письмо, в котором писал: "Не стану здесь припоминать все, что Россия сделала для народа сербского: выгоды и преимущества, коими пользуется Сербия, куплены, так сказать, русской кровью, ибо выговорены после кровопролитных войн. Мы в праве, кажется, ожидать от сербского правительства, чтобы оно действия свои соотносовывало с нашими законными, бескорыстными и единственно к благу же Сербии клонящимися требованиями и желаниями и не пренебрегало теми советами, какие внушает истинное участие к судьбе единоплеменного народа." Политика княжества, добавлял российский канцлер, может иметь негативные последствия, поэтому "потрудитесь доказать дальнейшими действиями, что Сербия и правитель ее вполне заслуживают милостливое внимание и покровительство государя императора"⁸¹. Передавая это послание, Туманский объяснил князю Александру, что под "дальнейшими действиями" Россия подразумевает отставку И.Гарашанина, И.Мариновича и Ф.Заха. (Франьо Зах, бывший агент Чарторыского в Белграде, был в июне 1850 г. принят на сербскую службу и в чине капитана назначен начальником артиллерийской школы)⁸².

Барон Ливен, к которому после этого требования князь Александр обратился с просьбой оказать содействие в урегулировании конфликта, быть посредником отказался. В письме к сербскому князю он повторил мнение российского правительства по этому вопросу и особенно сожалел об отставке Вучича. Ливен писал, что Александру лучше других известны услуги, которые Вучич в течение длительного периода не переставал оказывать Сербии, не говоря уж о тех, которые он оказал князю лично. Опыт и советы Вучича, по мнению барона, могли бы быть весьма полезны для Сербского княжества⁸³.

В такой обстановке князь Александр созвал несколько заседаний лидеров режима, на которых рассматривались российские требования. Большинство в

сербском руководстве (А.Симич, А.Янкович, А.Ненадович и др.) выступило за отставку Гарашанина, но вследствие прямого вмешательства коменданта Белградской крепости Бесим-паши и французского консула Сегира было решено не поддаваться все-таки давлению Петербурга⁸⁴.

В целом Сегир вообще очень активно заступался за Гарашанина, назначением которого французское правительство было весьма довольно. Оно видело в нем человека, способного "оценить симпатии Франции". Некоторые акции сербского правительства (нейтральность во время турецко-черногорской войны, отказ от династического брака дочери Александра с черногорским князем и т.п.) соответствовали французским советам и укрепляли у руководства Франции уверенность в том, что Гарашанин сумеет сохранить хорошие отношения с Портой. Позиция Великобритании в этом деле была сходной с французской⁸⁵.

В феврале 1853 г. приехавший в Константинополь в связи с разгоревшимся спором о "святых местах" А.С.Меншиков заявил новому сербскому представителю в Турции Ф.Христичу, что царь не будет терпеть Гарашанина во главе сербского правительства. В то же время Туманский в Белграде еще раз уже ультимативно потребовал удаления нового премьер-министра в отставку. Причем консул заявил, что иначе через 24 часа Россия разорвет с княжеством официальные отношения⁸⁶.

Требования России активно поддерживала австрийская дипломатия. Она выступала закулисно, за спиной царского правительства и вместе с тем подстрекая его к удалению Гарашанина как представителя "революционеров", имевшего связи с польскими и венгерскими эмигрантами. Кроме этого, австрийский консул Радосавлевич на аудиенции у князя Александра заявил, что он как серб по происхождению и сербский патриот просит согласиться с русским требованием, так как таким действием князь только "исполнит желание всех сербов"⁸⁷.

После этого Александр Карагеоргиевич уже не захотел защищать своего премьер-министра и 14 марта 1853

г. подписал указ о его отставке. Место Гарашанина занял А.Симич. Современник этих событий, тогда еще молодой, примыкавший к зарождавшимся либеральным кругам Йован Ристич (позже видный государственный деятель Сербии и историк), вспоминал, что "похоже на этот раз князь был рад воспользоваться удобным случаем, чтобы снять Гарашанина"⁸⁸. После его отставки правительство Николая I не стало уже настаивать на удалении с государственных постов Мариновича и Заха⁸⁹.

Борьба вокруг назначения нового главы сербского правительства означала стремление держав заполучить Сербское княжество на свою сторону в преддверии Крымской войны. Победа России в этом конфликте оказалась мнимой. Влияние Гарашанина продолжало ощущаться даже после потери им официального поста. Франция пошла навстречу просьбам сербского правительства о посылке в княжество оружия и военных специалистов. Турция укрепила свои гарнизоны в Нише и Белграде. Австрия начала концентрировать войска на сербской границе якобы из-за опасности волнений в этой стране. Очередной же российский консул Н.Я.Мухин в связи с началом Крымской войны по требованию Порты был вынужден покинуть Белград и переселиться уже в качестве частного лица в Австрию. Дипломатические отношения между Россией и Сербией были, таким образом, прерваны⁹⁰.

С отставкой Гарашанина окончательно прекратилась деятельность по реализации идей, сформулированных в программе "Начертание", проекте о "сербском вице-королевстве", "Уставах политической пропаганды" и других документах. Только к 1858 г., когда Гарашанин вновь на короткое время стал министром иностранных дел княжества, относится "План, по которому в этом 1858 году нужно работать". Речь в нем шла о политической пропаганде только в Боснии. Этот план иногда называют "Копией инструкции Каройловичу", так как в нем было заключено наставление этому агенту Сербского княжества в Боснии⁹¹. Остается неясным, ограничивалась ли пропаганда

в это время Боснией, или имелись планы и для других областей. Во всяком случае они до сих пор не найдены.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что со второй половины 1849 г. в Сербском княжестве началась деятельность по реализации первого, а затем и второго "Уставов политической пропаганды", основной целью которых была подготовка восстания против турок. Разработка этих документов являлась следствием разочарования в мирных средствах достижения стратегической задачи Сербии - объединение сербских земель. Сторонниками Гарашанина была создана разветвленная сеть пропагандистской организации, основными функционерами которой стали торговцы, священники, учителя. Они старались привлечь на сторону княжества население соседних земель, но фактически этого нельзя было сделать, не поддерживая стихийно вспыхивавшие антитурецкие крестьянские восстания. В целом провозглашенный в "Уставах" курс на вооруженное восстание остался только на бумаге, и официально лояльная Турции политика сербского правительства продолжала быть неизменной.

На неудачу объединительной деятельности Сербского княжества повлияла внутренняя и внешняя оппозиция, усиление разногласий в среде самих уставобранителей. Кроме этого, во внутренние сербские дела активно вмешивались все великие державы, противоречия которых на Востоке усилились после революции 1848-1849 гг. и привели в конечном итоге к Крымской войне. Поводом для вмешательства держав стали вопросы о проживавших в княжестве польских и других эмигрантах, а также - о назначении Или Гарашанина на пост главы сербского правительства.

На правах покровительствующей державы особое давление на Сербию оказывала Россия, часто подстрекаемая к этому Австрией. После сербского кризиса 1842-1843 гг. именно в этот период наиболее отчетливо проявились негативная суть и грубые методы политики Николая I. В марте 1853 г. Гарашанин был смещен со своего поста, после

чего окончательно распалась и созданная им тайная организация по ведению пропаганды. На этом завершился первый этап объединительной деятельности Сербского княжества по реализации принятой долгосрочной внешнеполитической программы. Второй этап этой деятельности начался с 1860 г., когда пришедший вновь к власти в Сербии князь Михаил Обренович в своей политике опирался на помощь Гарашанина и на идеи, сформулированные им еще в 1844 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Страняковић Д.* Успомене и доживљају Димитрија Мариновића. 1846-1869. Београд, 1939. С. 16.

² АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 97-98.

³ См.: *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 108; *Бјелица М.* Борба за слободу штампе у Кнежевини Србији // *Историјски часопис.* 1977. Књ. XXIV. С. 194.

⁴ *Радевић М.* "Дружина младежи србске" (1847-1851) // *Историјски часопис.* 1979. Књ. XXV-XXVI. С. 137-138.

⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 239 об.-240.

⁶ Там же. Ф. ГА I-9. 1840-1868. Д. 8 (а). Л. 269-269 об.; Там же. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 84.

⁷ *Страняковић Д.* Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 142-144; *Историја српског народа.* Београд, 1981. Књ. V. Т. I. С. 278-279.

⁸ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 233. Л. 101-102.

⁹ *Страняковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 136-137.

¹⁰ *Вучковић В.* Рад француских представника у Србији 1848-49 на измирењу Јужних Словена са Мађарима // *Зборник Матице српске за друштвене науке.* 1956. № 13-14. С. 154; *Преписка Илије Гарашанина.* Београд, 1950. Књ. I. С. 435.

¹¹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851). Београд, 1957. С. 215-219.

¹² *Страняковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 129; *Преписка...* С. 442.

¹³ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 85-86.

¹⁴ *Раденић А.* Светоандрејска скупштина. Београд, 1964. С. 187.

- 15 Попов Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. М., 1869. Ч. II. С. 310.
- 16 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 2-4, 6, 54-55; Преписка... С. 450.
- 17 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 113; Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 163-163 об., 183.
- 18 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 153 об., 173, 178-180; Там же. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 16.
- 19 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 26, 69, 146.
- 20 Там же. Л. 89 об.; Там же. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 234. Л. 21-22.
- 21 Страняковић Д. Влада уставобранитеља... С. 165.
- 22 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 234. Л. 32-33; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1851. Л. 43 об.-44.
- 23 Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 95. С. 675.
- 24 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 834. Л. 36-38.
- 25 Страняковић Д. Влада уставобранитеља... С. 144-145.
- 26 Страняковић Д. Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844-1858 године. Београд, 1936. С. 10-11; Никшић Д. Босна 1848 године и држање Србије // Историјски гласник. 1982. № 1-2. С. 89-90.
- 27 См.: Дамянов С. Френско-руските противоречия на Балканите и дейността на полската емиграция (1830-1848) // Исторически преглед. 1974. Кн. I. С. 64.
- 28 Дурковић-Јакшић Љ. Указ. соч. С. 98; Istorija Jugoslavije. Beograd, 1973. S. 256.
- 29 Дурковић-Јакшић Љ. Указ. соч. С. 98.
- 30 Страняковић Д. Политичка пропаганда... С. 12-17, 19-21.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Игњатовић Ђ. Штампанье бутарских књига и листова у српским штампаријама (1833-1878). Београд, 1980. С. 63-67, 70-72, 79.
- 34 Џамбазовски К. Школovanje бутарског народног свештеничког кадра у Кнежевини Србији // Балканика. 1971. II. С. 183-184.

- 35 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 22.
- 36 Там же. С. 22-23.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 10-11; *Никић Д.* Указ. соч. С. 89-90.
- 39 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 14.
- 40 *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 101-103.
- 41 *Странџаковић Д.* Арбанија и Србија у XIX веку // Српски књижевни гласник. 1937. Књ. 52. Бр. 8. С. 629-630.
- 42 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 23-24; *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији у 19 веку. Прилог познавању српско-арбанашких веза пријатељства у периоду од 1844 до 1875 године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1968. № 49. С. 10-11.
- 43 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 25; *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 112.
- 44 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 10-11.
- 45 *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 112.
- 46 Там же. С. 109-112.
- 47 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 17-18, 20-21, 26-27, 29.
- 48 Там же. С. 30-31.
- 49 *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952. С. 199-200; *Стојанчевић В.* Јужнословенски народи у Османском царству од Једренског мира 1829 до Париског конгреса 1856 годтне. Београд, 1971. С. 252-253.
- 50 *Стојанчевић В.* Јужнословенски народи... С. 245; *Екмечих М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844-1853)// Историјски часопис. 1980. Књ. XXVII. С. 156.
- 51 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 66.
- 52 *Поповић В.* Аграрно питање у Босни и турски нереди за време реформног режима Абдул-Меџида (1839-1861). Београд, 1949. С. 126.
- 53 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 95-95 об.
- 54 *Стојанчевић В.* Јужнословенски народи... С. 257-268, 294; Зарубежне славјане и Русија. Документи из архива М.Ф.Раевског. 40-80-е годе XIX в. М., 1975. С. 340.
- 55 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1846-1862. Д. 6. Л. 260-260 об.; Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 187 об.

- 56 См.: *Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844-1875) // Годишњак Друштва историчара Босне и Херцеговини. 1959. X. С. 203-204, 213, 215, 217.
- 57 *Поповић В.* Указ. соч. С. 126; *Пенушлиски К.* Почетните акцији на српската политична пропаганда во Македонија // Гласник на Институтот за национална историја. 1959. III-I. С. 206; *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији... С. 10.
- 58 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852-1871. Д. 13. Ч. 1. Л. 1-2.
- 59 *Ђурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 83-84, 86.
- 60 Архив Србије. Ф. Илија Гарашанин. Д. 783. Л. 1-2.
- 61 *Странџковић Д.* Влада уставобранителџа... С. 135-136.
- 62 *Екмечић М.* Српско-бугарски односи... С. 156.
- 63 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1840-1868. Д. 8 (а). Л. 324-335.
- 64 *Јовановић С.* Уставобранителџи и нивихова влада (1838-1858). Београд, 1925. С. 93.
- 65 *Ђурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 116-117.
- 66 *Никитин С.А.* Очерки по историји южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110-115; *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX в. М., 1970. С. 83-105.
- 67 См.: *Хитрова Н.И.* Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852-1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 187.
- 68 *Странџковић Д.* Влада уставобранителџа... С. 301-304.
- 69 Записки Михаила Чайковского... С. 671; *Ђурковић-Јакшић Љ.* Учествовање Пољака у Омер-пашином ратованју у Босни и Херцеговини 1850-1851 године // Историјски часопис. 1974. Књ. XXI. С. 271-274.
- 70 *Странџковић Д.* Влада уставобранителџа... С. 312-314.
- 71 Архив Србије. Ф. Државни совет. 1852. Бр. 116. Л. 3.
- 72 *Екмечић М.* Стваранје Југославије 1790-1918. Београд, 1989. Т. I. С. 597.
- 73 *Странџковић Д.* Политичка пропаганда... С. 33-34.
- 74 *Странџковић Д.* Влада уставобранителџа... С. 138-142, 157, 159, 163, 175-177.

- 75 Там же: АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 835. Л. 21.
- 76 АВПРИ. Ф. ГА I-9. 1846-1862. Д. 6. Л. 210-211.
- 77 Там же. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 21-21 об.
- 78 *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји Србији новијега времена. Београд, 1887. Књ. I. С. 110-111; Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Београд, 1931. Књ. I. С. 26-30, 62, 65, 67.
- 79 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 27-29; *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 179-180.
- 80 *Ристић Ј.* Указ. соч. С. 112; *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 191-193.
- 81 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 64-68.
- 82 *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 194; *Жачек В.* Улога Франтишка А. Заха у Србији // Глас ССХС. Српска академија наука и уметности. Оделенје историјских наука. 1974. Књ. I. С. 175.
- 83 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 69-74.
- 84 *Ристић Ј.* Указ. соч. С. 115-117; *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 197-198, 200-202.
- 85 *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 218-219; *Алексић Љ.* Француски утицај у спољној политици Србије за време Кримског рата (1853-1856) // Историјски часопис. 1961. Књ. XI. С. 57-59.
- 86 *Ристић Ј.* Указ. соч. С. 117-118; *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 204.
- 87 *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 210-211.
- 88 *Ристић Ј.* Указ. соч. С. 118-119.
- 89 *Странџаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 208.
- 90 *Јанковић Д.* Указ. соч. С. 136; *Алексић Љ.* Указ. соч. С. 60-61; *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 130-133.
- 91 *Странџаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 33-34; *Поповић В.* Указ. соч. С. 126.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1844 г. в Сербии была составлена долгосрочная внешнеполитическая и национальная программа, направленная на соби́рание вокруг княжества всех сербских земель. Деятельность по реализации этой программы соответствовала историческим задачам сербов, стремившихся к созданию политически сильного и экономически жизнеспособного государства. Однако, несмотря на определенные достижения, объединительная деятельность княжества в середине XIX в. в целом не была успешной. Главные задачи "Начертания" и других принятых планов и проектов выполнены не были. Это объяснялось как внутренними, так и внешними причинами.

Среди лидеров уставобранительского режима так и не сложилось общего мнения в отношении приоритетов внешнеполитической деятельности и в целом - перспектив развития сербского государства. Разработкой и реализацией объединительных планов занимался сравнительно узкий круг лиц во главе с И.Гарашанином. Князь Александр, премьер-министр Петрониевич и другие руководители княжества, хотя и были посвящены в деятельность сторонников активной национальной политики, активного содействия им не оказали. Они добивались от Порты прежде всего права наследственной власти для династии Карагеоргиевичей и ограничивали внешнеполитические задачи требованиями выселения турок из княжества. Многие уставобранители (иногда и сам Гарашанин) выступали против сотрудничества с австрийскими южными славянами, не доверяя главным образом хорватам. Большое единство продемонстрировали лидеры режима в вопросах оказания помощи движению воеводинских сербов в 1848-1849 гг.

С течением времени, вследствие борьбы за власть, все отчетливее стал проявляться раскол в рядах уставобранительской группировки. Отмечались разногласия между сторонниками Гарашанина и князя. В открытую оппозицию правящему режиму встал один из зачинателей движения уставобранителей Т. Вучич. В вопросах внешней политики он вообще выступал против объединительной деятельности Сербии, в том числе и помощи воеводинским сербам, считая что между ними и сербами из княжества нет ничего общего.

Силы Сербского княжества постоянно отвлекались также на организацию отпора попыткам бывшей династии Обреновичей вернуться к власти.

Заметное влияние на проведение активной внешней политики в балканском направлении оказывали на Гарашанина сторонники южнославянского единства из других славянских земель, большая часть из которых была католиками (Ф. Зах, М. Бан, Т. Ковачевич и др.). Они создали в Белграде "тайный демократический панславянский клуб" и выступали за включение в сферу объединительной деятельности Сербии всех южных славян, в том числе и проживавших в Австрийской империи, а также за более "революционные" методы достижения цели. Позже многие из них перешли на службу к Гарашанину, и ими были в основном сформулированы два "Устава политической пропаганды", где провозглашался курс на подготовку вооруженного восстания против турок.

Однако Гарашанин, хотя, возможно, иногда и разделял подобные взгляды, главным всегда считал решение именно сербского вопроса. Он также не мог не учитывать реальную обстановку внутри княжества и международную ситуацию, должен был проявлять большую сдержанность и осторожность. Это привело к тому, что в деятельности по реализации внешнеполитических и национальных задач Сербии преобладали мирные легитимные методы. Все же Гарашанин постепенно эволюционировал от чисто дипломатических методов достижения цели в направлении организации "всеобщего и одновременного восстания". В

своих мечтах о разрушении Турции он иногда шел так далеко, что мог конкурировать с самыми заветными российскими грезами. Этот всегда удивительно реалистичный политик мечтал даже, что после окончательного поражения турок на Св.Софии в Константинополе будет воздвигнут православный крест и водружено сербское знамя. В неосуществимых фантазиях он видел Константинополь "жемчужиной славянского Востока", главным городом православного Сербского царства¹.

В целом же можно сказать, что в середине XIX в. в Сербии существовали три идеологические концепции в отношении перспектив развития княжества: узкосербская (Т.Вучич-Перишич), сербская или великосербская (И.Гарашанин) и южнославянская ("тайный демократический панславянский клуб").

Не способствовала успеху объединительной политики Сербии и социально-экономическая обстановка внутри княжества. Постепенно ширилось недовольство правящим режимом среди либерально настроенной интеллигенции, представители которой составили организацию "Дружина сербской молодежи". Будущие либералы выступали за активную национальную политику и против примиренчества по отношению к Порте. Они больше всех страдали от всемерного ограничения политических свобод, от всего полицейско-бюрократического режима, установленного уставобранителями. Впервые в истории сербской политической мысли будущие либералы пришли к справедливому выводу, что внутренняя свобода облегчит решение национальных задач.

От политической и экономической нестабильности правящего режима страдали и народные массы, которые, будучи заинтересованы в выполнении данных уставобранителями обещаний по улучшению условий их жизни, могли терпеть и поддерживать правительство Александра Карагеоргиевича, пока оно боролось за сохранение власти в своих руках. Затем народ был вправе ожидать каких-то реальных изменений к лучшему. Однако этого не произошло. Никакой социально-экономической

программы, которая бы способствовала облегчению жизни народа, у уставобранителей не было. Их интересовала только сама власть. Все это вело к сужению социальной базы режима уставобранителей, в том числе и при решении внешнеполитических задач.

В отношениях с европейскими державами среди уставобранителей также не было даже подобия единства. Так, Гарашанин под влиянием предыдущей политики Милоша Обреновича и правого крыла польской эмиграции при реализации национальных задач Сербии рассчитывал на содействие Франции и Великобритании. Князь Александр и сложившаяся вокруг него камарилья к началу 50-х годов уже открыто встали на проавстрийские позиции. Некоторые уставобранители (С. Стефанович-Тенка, П. Янкович, П. Станишич) придерживались традиционной ориентации на Россию. Поддержки со стороны России искал и лидер внутренней оппозиции Т. Вучич.

Но политика европейских держав, которые выступали за сохранение на Балканах статус-кво и в то же время вмешивались во внутренние дела княжества ради достижения собственных интересов, не способствовала проведению Сербией активной национальной политики. Минимальную поддержку Гарашанину в его деятельности оказала лишь Франция во время революционных событий 1848-1849 гг. Однако реальной выгоды от этого Сербское княжество не получило. Революционная фразеология французского правительства была подчинена его главной задаче на Балканах и Ближнем Востоке - поддержанию целостности Османской империи. Замысел в "Начертании" искать опору также и у Великобритании вообще оказался просчетом. О какой-либо поддержке Сербии со стороны Англии не было и речи. Усилившееся в княжестве влияние Габсбургской монархии еще больше затрудняло проведение активной национальной политики. Австрийская империя, в состав которой входили и территории с сербским населением, вела последовательный курс на подавление или ограничение сербского национального движения.

стремилась в перспективе к распространению своей власти на новые сербские земли.

Как отмечалось, в целом на протяжении почти всего XIX в. Россия играла объективно-прогрессивную роль в деле освобождения христианских народов от османского ига. Но на некоторых этапах были колебания и отступления от этого основного курса. Конкретный анализ деятельности российской дипломатии в 40-е - начале 50-х годов дает как раз пример того, как грубые методы политики Николая I во многом привели к ухудшению российско-сербских отношений, следствием чего были потеря царизмом к началу Крымской войны доминирующего влияния в княжестве и отказ последнего от опоры на Петербург при решении стоявших перед ним национальных задач. Русская политика на Балканах перед Крымской войной, в том числе и по отношению к Сербскому княжеству, явилась одной из многих причин, приведших к краху всего николаевского режима.

Негативное восприятие царизмом власти уставобранителей происходило прежде всего из-за их контактов с враждебными России агентами польской эмиграции. Кроме того, боясь любых революционных потрясений, российское правительство явно переоценивало "революционность" этой эмиграции в балканском регионе. Как раз в сохранении Османской империи видели вожди польской эмиграции одно из основных условий возрождения польского государства.

Ухудшению русско-сербских отношений способствовала, с другой стороны, прозападная, враждебная России политика уставобранителей, принципы которой были сформулированы в программе "Начертание". Причем деятели сербского правительства и польской эмиграции в свою очередь также не имели правильных представлений о целях русской политики в отношении Турции и балканских народов. Гарашанин отверг возможность использования в своих долговременных стратегических целях традиционное покровительство России христианскому населению Османской империи, опасаясь прежде всего агрессивности

царизма. Но вплоть до начала Крымской войны правительство Николая I также придерживалось курса на поддержание целостности Турецкой империи. Различные комбинации устройства "наследства большого человека" имели место лишь теоретически, на бумаге². Вообще вывод, сделанный И.С.Достян для более раннего периода о том, что русская политика на Балканах "в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе"³, можно распространить и на рассматриваемое десятилетие.

Таким образом, главная побудительная причина отказа Гарашинина от опоры на Россию была неверна. Но, если не брать борьбу сербского народа, направленную на решение национальных задач в целом, в длительной перспективе, то объективно Гарашинин в то время и не мог рассчитывать на серьезную помощь России в объединительной деятельности княжества. Курс царизма на сохранение целостности Османской империи этому как раз и не способствовал. Такая политика создавала для российского правительства большие трудности при поддержании русского влияния среди балканских народов. Подобные же трудности по привлечению этих народов на свою сторону испытывало и сербское правительство, проводившее политику сохранения хороших отношений с Портой. Борьба уставобранителей против влияния России на Балканах этому также не способствовала. Большинство балканских народов продолжало верить в освободительную миссию России.

Уже накануне Крымской войны становилось все более очевидно, что охлаждение отношений между Россией и Сербией, как и их политика по отношению к Турции, не соответствуют интересам ни той, ни другой страны.

Сразу же после войны это ясно осознали в Петербурге уже на официальном уровне. Посылая в Белград очередного консула М.Р.Милашевича, российское министерство иностранных дел дало ему следующие инструкции, определявшие новые задачи России в балканском регионе: "Политика, которой мы следовали в

Турции ... имела двоякую цель: с одной стороны, она стремилась поддержать колеблющееся положение турецкого правительства; с другой, снискать симпатию единоверных нам подданных ее. Само собой разумеется, что достижение первого условия не могло произойти без явного ущерба второго, и эти обстоятельства поставляли нас в затруднительные положения, особенно в отношении к местным жителям. Ныне все стремления наших агентов должны быть направлены к тому, чтобы сохранить и поддержать сочувствие к нам славянских племен и по мере возможности облегчить или улучшить их участь"⁴.

Бесперспективность решения без помощи России стоявших перед Сербией национальных задач понял вскоре и Илья Гарашанин. Это произошло во время второго правления Михаила Обреновича (1860-1868 гг.), что совпало и со вторым этапом объединительной деятельности Сербии.

Известно, что процесс расширения Сербии или освобождения и объединения сербских земель с 1878 г. до первой мировой войны не достиг границ, предвиденных в "Начертании" И.Гарашанина. Вообще этот процесс пошел несколько в другую сторону, а в состав сербского государства так и не вошли Черногория и Босния и Герцеговина.

Югославское государство 1918 г. - тоже даже не гипотетическая гарашаниновская "Южнославия", а - Югославия. Вместо болгар в королевство вошли словенцы⁵. В эйфории победы (а также при известном давлении извне) Никола Пашич не ограничился великосербским (всесербским) вариантом объединения, а присоединил к Сербии все хорватские и словенские земли. "Переварить" эти земли сербы уже не могли. Все это имело далеко идущие последствия. Современный кризис на территории бывшей "старой" Югославии связан, кроме всего прочего, с борьбой сербского народа за возвращение к нереализованному в 1918 г. варианту объединения. А возможное конфедеративное объединение Сербии и Черногории ("новой" Югославии) с Республикой Сербской в

Боснии и Герцеговине и есть, по существу, реализация программы-минимум гараганиновского "Начертания".

Заметим, что точно так же в современном кризисе хорваты стремятся осуществить великохорватский вариант разрыва с югославским прошлым. Второй раз за свою историю, если считать короткий период существования марионеточного Независимого Государства Хорватии в годы второй мировой войны. И точно так же боснийские мусульмане, настаивая на единой и унитарной Боснии и Герцеговине, пытаются осуществить "великомусульманский" вариант устройства своей общины.

В целом время написания "Начертания" напоминает нам сегодняшний день. Как будто бы завершился некий исторический цикл, и все, как говорится, вернулось "на круги своя".

В "новой" Югославии вновь проживает только часть сербского народа. Одна его треть по-прежнему находится к западу от реки Дрина. И вновь мы видим те же три идеологические концепции в отношении перспективы развития сербского государства: развитие в рамках существующих границ, достижение в каких-то формах всесербского объединения и ностальгия по бывшей Югославии. Много общего можно увидеть и в позициях держав, активно вмешивающихся в югокризис. Сходство есть и в другом. В период написания "Начертания" в Сербском княжестве, как мы указывали, начинали медленно развиваться элементы новых капиталистических отношений. Попытка расчистить перед ними дорогу - одна из причин появления знаменитой программы. Сегодня перед сербским народом задачи в чем-то аналогичные.

Удастся ли разорвать этот 150-летний "заколдованный круг" новой сербской истории - вопрос, от которого зависит будущее не только сербов, но и всего Балканского полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812-1874). Београд, 1991. С. 163.

² *Виноградов В.Н.* Великобританија и Балкани: од Венског конгреса до Кримске војне. М., 1985. С. 326-327.

³ *Достјан И.С.* Русија и балкански проблем. Из историје руско-балканских политичких веза у првој трећини XIX в. М., 1972. С. 338.

⁴ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1856. Д. 239. Л. 15-16.

⁵ См.: *Љушић Р.* Указ. соч. С. 154.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Сербский кризис 1842-1843 гг.	
1. Великие державы и смена власти в Сербии.....	14
2. Борьба уставобранителей за укрепление своей власти.....	27
Глава II. Программа "Начертание" и начало ее реализации (1844-1847 гг.)	
1. "Начертание" Илии Гарашанина.....	43
2. Внешняя политика Сербского княжества в середине 40-х гг.	59
3. Первые мероприятия по реализации внешнеполитической программы.....	68
4. Деятельность "тайного демократи- ческого панславянского клуба".....	78
Глава III. Сербское княжество во время революции 1848-1849 гг.	
1. Сербское княжество в период революционного подъема в Австрийской империи.....	93
2. Сербия и объединительные планы 1848 г.	103
3. Деятельность Сербского княжества в период спада и поражения революции в Австрии.....	119
Глава IV. Завершение первого этапа объединительной деятельности Сербского княжества (1849-1853 гг.)	
1. Сербия после революции 1848-1849 гг.	133
2. "Устав политической пропаганды" на 1849/50 г.	141

3. "Устав политической пропаганды" на 1850/51 г.	150
4. Великие державы и кризис в сербском руководстве накануне Крымской войны.....	162
Заключение	174

К.В. Никифоров
Сербия в середине XIX в.
(Начало деятельности по объединению сербских земель)

Монография

Рукопись книги подготовлена к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Обложка - М.П. Леньшиной

Л.Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 02.02.95. усл. печ. л. 10.0
Тираж 300 экз. Заказ № 04. Цена договорная

Отпечатано на ротапринте НИИСТАТИНФОРМА Госкомстата РФ

